

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2

Выпуск (859)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2025

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

2

Issue (859)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2025

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 2(859)

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор

В. К. Белозёров

доктор политических наук, профессор

Ответственный редактор

М. В. Пупышева

кандидат политических наук

Ответственный секретарь

А. А. Азаренкова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В.	доктор политических наук, профессор (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
Велес Ривера Ф.	доктор социологических наук, профессор (Латиноамериканский факультет социальных наук, Эквадор)
Гайденок П. И.	доктор исторических наук, доцент (МГЛУ)
Джунушалиева Г. Д.	доктор исторических наук, доцент (Киргизско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия)
Киселев С. Г.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Колесников А. А.	доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Косторниченко В. Н.	доктор экономических наук, доцент (МГЛУ)
Лапинс Вульф	Doctor honoris causa multiplex, доктор политических наук, профессор (WeltTrends Institut für Internationale Politik, Германия)
Новикова И. Н.	доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)
Образцов И. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Передня Д. Г.	доктор социологических наук, доцент (МГЛУ)
Петров А. Ю.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Примаков В. Л.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Пророкович Душан	доктор политических наук, профессор (Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия)
Радиков И. В.	доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Саблуков А. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Сидорова Г. М.	доктор политических наук, профессор (МГЛУ)
Смирнов А. И.	доктор социологических наук (Институт социологии РАН)
Филимонов О. В.	доктор социологических наук, профессор (Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации)
Харичкин И. К.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Ширинянц А. А.	доктор политических наук, профессор (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 2(859)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief
V. K. Belozyorov

Editor-in-charge
M. V. Pupysheva

Responsible Secretary
A. A. Azarenkova

Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor

PhD (Political Sciences)

EDITORIAL BOARD

Brega Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
Fredy Veléz Rivera	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Latin American Faculty of Social Sciences, Ecuador)
Gaidenko Pavel	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Dzhunushalieva Gulmira	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan)
Kiselev Sergey	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kolesnikov Alexander	Doctor of History (Dr. habil), Professor (Saint Petersburg State University)
Kostornichenko Vladimir	Doctor of Economics (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Lapins Wulf	Doctor Honoris Causa Multiplex, Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, Professor, Senior researcher in WeltTrends Institut für Internationale Politik (Germany)
Novikova Irina	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Saint Petersburg State University)
Obraztsov Igor	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Perednya Dmitry	Doctor of Sociology (Dr. Habil), Associate Professor (MSLU)
Petrov Alexander	Doctor of History (Dr. habil) (MSLU)
Primakov Viacheslav	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Proroković Dušan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia)
Radikov Ivan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Saint Petersburg State University)
Sablukov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Sidorova Galina	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (MSLU)
Smirnov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil) (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)
Filimonov Oleg	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky)
Kharichkin Igor	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Shirinyants Alexander	Doctor of Political Sciences, Professor (Lomonosov Moscow State University)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Политические аспекты военно-технического сотрудничества России и Индии в начале 2020-х годов ГУРИНОВИЧ Д. Ф.	9
Цивилизационная составляющая геополитического статуса государства КИСЕЛЕВ С. Г.	19
Арктическая стратегия Китая в XXI веке: от всеобъемлющего подхода к реалиям «постфевральской Арктики» МАГОМЕДОВ А. К.	26
Глобальное управление мировым океаном как концепция внешней политики Китая НАВДАЕВА М. Е.	35
Использование термина «Глобальный Юг» в дискурсе объединения БРИКС НОВИКОВА И. Н., АЛЕКСЕЕВА Е. В.	44
Энергетическое сотрудничество Китая с иностранными государствами как приоритет его внешней политики ЧЭНЬ ФАНБО	53

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Стадион и время: Международный Красный стадион на Воробьевых горах (1920-е годы) ГОРЛОВ В. Н.	62
Лев Толстой: начало известности в Англии и США в 1880-е годы КРЕМЕНЕЦКИЙ К. В.	70
Взаимодействие войск Северо-Западного фронта в ходе ведения Восточно-Прусской операции в Первой мировой войне ПАНТЕЛЕЕВ П. В.	78
Организация и содержание советской спецпропаганды в Корсунь-Шевченковской наступательной операции (24 января–17 февраля 1944 года) ПРОХОРОВСКАЯ А. И.	89
Атлантический вектор внешней политики Испании при правительстве Х. М. Аснара (2000–2004) ПУПЫШЕВА М. В.	98

Организация продовольственного дела царским правительством в период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 года)	
СЕПЕЛЁВ О. О.	107

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Переосмысление понятия «молодежь»: дискурс-анализ и концептуализация	
ЗАХАРОВ С. М.	116
Использование иноязычных компетенций студентами лингвистического университета на рынке труда	
ПОЛОВНЁВА В., ПЕРЕДНЯ Д. Г.	122
Социальная дифференциация в современном российском обществе: критерии и факторы	
ПОПОВ С. В.	133
От традиционных методов к цифровым решениям: разработка концептуальной модели цифровизации управления социальной сферой Росгвардии	
СМИРНОВ А. П.	143
Репетиторство как феномен современной общеобразовательной школы: мотивы участия, проблемы и пути регулирования	
СМИРНОВА Ю. А.	153
Уровень владения иностранными языками профессорско-преподавательским составом вуза и специфика их использования в профильном вузе	
СТАНЕВИЧ А. Ю.	162

POLITICAL SCIENCES

Political Aspects of Military-Technical Cooperation Between Russia and India in the Early 2020s GURINOVICH D. F.	9
The Civilizational Component of the Geopolitical Status of the State KISELEV S. G.	19
China's Arctic Strategy in the 21st Century: From Developing a Comprehensive Approach to the Realities of the "Post-February Arctic" MAGOMEDOV A. K.	26
Global Governance of the World Ocean as a Concept of China's Foreign Policy NAVDAEVA M. E.	35
Usage of the Term "Global South" in the BRICS Discourse NOVIKOVA I. N., ALEKSEEVA E. V.	44
China's Energy Cooperation with Foreign Countries as a Priority of Its Foreign Policy CHEN FANGBO	53

HISTORICAL SCIENCES

Stadium and Time: International Red Stadium on Vorobyovye gory (1920s) GORLOV V. N.	62
Leo Tolstoy: the Dawn of the Fame in England and USA in 1880s KREMENETSKI K. V.	70
The interaction of the troops of the North-Western Front during the East Prussian operation of the First World War PANTELEEV P. V.	78
Organization and Content of Soviet Special Propaganda in the Korsun-Shevchenkivskyi Operation (January 24 – February 17, 1944) PROKHOROVSKAYA A. I.	89
The Atlantic Vector of Spanish Foreign Policy Under the Government of José María Aznar (2000–2004) PUPYSHEVA M. V.	98

Organization of Food Supply by the Tsarist Government during the First World War (July 1914 – February 1917)	
SEPELEV O. O.	107

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Rethinking the Notion of “Youth”: Discourse Analysis and Conceptualization	
ZAKHAROV S. M.	116

The Use of Foreign Language Competencies by Linguistic University Students in the Labor Market	
POLOVNEVA A. V., PEREDNYA D. G.	122

Social Differentiation in Modern Russian Society: Criteria and Factors	
POPOV S. V.	133

From Traditional Methods to Digital Solutions: Development of a Conceptual Model of Digitalization of Management of the Social Sphere of the Russian National Guard	
SMIRNOV A. P.	143

Tutoring in Modern Secondary Schools: Motives for Participation, Problems and Ways of Regulation	
SMIRNOVA Yu. A.	153

Level of Proficiency in Foreign Languages by the Academic Staff and Their Use in a Specialized University	
STANEVICH A. Yu.	162

Политические аспекты военно-технического сотрудничества России и Индии в начале 2020-х годов

Д. Ф. Гуринович

*Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
gdf01011971@mail.ru*

Аннотация. В начале 2020-х годов между Россией и Индией наблюдалось снижение торговых связей в сфере военно-технического сотрудничества. Данная статья содержит анализ влияния политических процессов на динамику военно-технического сотрудничества между Россией и Индией в начале 2020-х годов. В статье рассматриваются как внешние, так и внутренние факторы, влияющие на оборонное сотрудничество между означенными странами. Особое внимание уделяется изменениям в военно-политической обстановке, сложившейся вокруг Индии, а также внутривнутриполитическим тенденциям, таким как стремление к автономии и хеджированию рисков для собственной оборонной отрасли. Для достижения цели исследования используется неоклассический реализм как основная теоретическая парадигма. Она позволяет анализировать внешнеполитические действия государств на пересечении системного и внутривнутриполитического уровней. В статье также практикуется оборонительный реализм в трактовке К. Уолтца и С. Уолта. Он способствует анализу соотношения материальных потенциалов и оценки угроз. Основным методом исследования является анализ заявлений официальных лиц, статистики поставок вооружений. Он позволяет взаимно соотнести количественные и качественные показатели. Результаты исследования показывают, что снижение военно-технического сотрудничества между Россией и Индией обусловлено рядом факторов системного и конъюнктурного характера. Нарастание индийско-китайских и индийско-пакистанских противоречий способствует недоверию к российско-китайскому сближению, ускоряя процесс переориентации Индии на западные страны. Данная тенденция совмещается с начатыми в Индии в 2010-х годах долгосрочными программами развития национального производства, а также стремлением снизить уязвимость страны от возможных санкций за сотрудничество с Россией. Итак, в российско-индийских отношениях наблюдаются кризисные тенденции. Однако Россия и Индия продолжают рассматривать друг друга как долгосрочных партнеров в сфере обороны. Сотрудничество двух стран осуществляется благодаря их общим стратегическим интересам и долгосрочным совместным проектам, нацеленным на создание полицентрического порядка. Следует добавить, что в Индии наличествует значительная доля российского военно-промышленного комплекса. Причем экспорт высокотехнологических товаров из России в Индию возрастает со времени возникновения геополитического конфликта на Украине.

Ключевые слова: Россия, Индия, Китай, военно-техническое сотрудничество, продажа вооружений, балансирование, QUAD

Для цитирования: Гуринович Д. Ф. Политические аспекты военно-технического сотрудничества России и Индии в начале 2020-х годов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 9–18.

Political Aspects of Military-Technical Cooperation Between Russia and India in the Early 2020s

Dmitry F. Gurinovich

Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
 gdf01011971@mail.ru

Abstract.

In the early 2020s, there was a decline in trade ties in the military-technical cooperation between Russia and India. The objective of this article is to analyze the effects of political processes on the dynamics of military-technical cooperation (MTC) between Russia and India in the early 2020s. The article considers both external and internal factors influencing defense cooperation. Particular attention is paid to changes in the military-political situation around India, as well as domestic political trends, such as the desire for autonomy and hedging risks for its own defense industry. To achieve this goal, the article uses neoclassical realism as the main theoretical paradigm. This approach allows analyzing the foreign policy actions of states at the intersection of the systemic and domestic political levels. The article also applies defensive realism as interpreted by K. Waltz and S. Walt to analyze the ratio of material potentials and threat assessment. The main research methods are the analysis of statements by officials, statistics on arms supplies, which allows correlating both quantitative and qualitative indicators. The results of the study show that the decline in military-technical cooperation between Russia and India is due to several systemic and conjectural factors. The growth of Indian-Chinese and Indian-Pakistani contradictions is superimposed on the mistrust of Russian-Chinese rapprochement, accelerating the process of India's reorientation towards Western countries. This trend is combined with long-term programs for the development of national production launched in India in the 2010s, as well as the desire to reduce the country's vulnerability to possible sanctions for cooperation with Russia. Despite the negative trends, Russia and India will continue to view each other as long-term partners in the defense sector due to long-term strategic interests in creating a polycentric order, the presence of a high share of Soviet and Russian military-industrial complex in India, and the growth of Russian advanced arms exports after the conflict in Ukraine.

Keywords:

Russia, India, China, military-technical cooperation, arms sales, balancing, QUAD

For citation:

Gurinovich, D. F. (2025). Political Aspects of Military-Technical Cooperation between Russia and India in the early 2020s. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(859), 9–18. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В начале 2020-х годов между Россией и Индией наблюдалось снижение военно-технического сотрудничества (ВТС) – в период 2019–2023 годов впервые после 1960-х годов экспорт российской оборонной продукции в Индию составил меньше половины от общего объема. Две ведущие мировые державы, основатели БРИКС, выступающие за формирование полицентричного мирового порядка [Шаклеина, 2021; Paul, 2024] и действующие единым фронтом в сфере международных отношений [Kumar, Geetanjali, 2023], длительное время развивали кооперацию в оборонной сфере. Не случайно Россия рассматривает Индию как союзника в Южной Азии [Lunev, Shavlay, 2018]. Однако наблюдается процесс некоторого снижения

активности во взаимодействии двух стран в сфере ВТС. Динамика оборонного сотрудничества двух стран в период конца 2010-х – начала 2020-х годов свидетельствует о снижении поставок российского ВПК в Индию и об изменении их структуры.

Наиболее заметной побудительной причиной данного процесса является начало специальной военной операции в феврале 2022 года и последовавшее ограничение экспорта российской военной промышленности внешним партнерам, в том числе Индии. Постепенное снижение военно-технического взаимодействия двух ведущих мировых держав происходит также под влиянием политических процессов. К ним относится изменение военно-политической обстановки, сложившейся вокруг Индии (наблюдается повышение конфликтности на китайском и пакистанском направлении).

Также имеет место нарастание внутривнутриполитической тенденции к повышению автономии и хеджированию рисков для собственной оборонной отрасли и другое. В данной связи представляется целесообразным проанализировать данные процессы и ответить на вопрос: почему происходит снижение военно-технического сотрудничества двух стран? Это необходимо для лучшего понимания перспектив военно-технического сотрудничества двух стран и оценки возможностей изменения данной ситуации.

Анализ политических аспектов военно-технического сотрудничества России и Индии представляется целесообразным провести на основании реалистической теоретической парадигмы в ее неоклассическом и структурном вариантах. В качестве теоретической основы статьи выдвигается неоклассический реализм. Один из его центральных постулатов заключается в том, что внешнеполитические действия государств формируются на стыке системного и внутривнутриполитического уровней [Ripsman, Taliaferro, Lobell, 2016]. Изменение динамики военно-технического сотрудничества России и Индии происходит под влиянием трансформации международной и региональной среды – изменения баланса сил и уровня враждебности основных акторов. Соотношение материальных потенциалов и оценка угроз будут рассматриваться через призму оборонительного реализма в трактовке К. Уолтца и С. Уолта [Waltz, 1979; Walt, 1985]. Будут рассмотрены основные политические факторы, повлиявшие на военно-техническое сотрудничество двух стран, в частности, обострение глобальной и региональной конфликтности, создание контрбалансирующих коалиций, принятие Индией курса на мультимодальность и другое. На внутривнутриполитическом уровне необходимо рассмотреть изменение стратегической культуры, влияние групп интересов и др. Основными материалами для анализа являются заявления официальных лиц, статистика поставок вооружений, статистика голосований и другое.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ИНДИИ В НАЧАЛЕ 2020-Х ГОДОВ

Военно-техническое сотрудничество России, а ранее – СССР, с Индией имеет длительную историю. С середины 1960-х годов Индия была одним из ведущих импортеров советской военной техники и в 1980-х годах стала приоритетным клиентом для ряда новых высокотехнологичных образцов вооружений, включая танки Т-72 и истребители МиГ-29. Несмотря на «охлаждение» отношений

между двумя странами в начале 1990-х годов, активное российско-индийское военно-техническое сотрудничество возобновилось в 1994 году: было заключено Соглашение о программе военно-технического сотрудничества [Валуева, Коновалова, 2018]. Помимо поставок запчастей для существующего парка вооружений советского периода¹, были начаты переговоры о поставках новых вооружений и совместных военно-технических разработках.

Большинство самых крупных оборонных проектов двух стран приходится на период второй половины 1990 – начала 2000-х годов². Намечилось углубление отношений России с Китаем и Индией: получили развитие форматы ШОС и «РИК» [Verma, 2023]. В 2000 году была основана Российско-Индийская межправительственная комиссия по военнотехническому сотрудничеству. Индийской стороне были поставлены самолеты Су-30МКИ (140 ед.), танки Т-90С (ок. 2000 ед.), авианосец «Викрамадитья», построены фрегаты проекта 11356 (6 ед.), а также передана по договору лизинга атомная подводная лодка К-152 «Нерпа» [Власов, 2022]. Если рассматривать специфику взаимодействия, то поставки отдельной номенклатуры вооружений подразумевали довольно высокую степень кооперации (существовавшую с советских времен³). Это проявилось прежде всего в поставках машинокомплектов Т-90С для последующей лицензионной сборки на территории Индии (около 1700 из 2000)⁴. В продолжение данной тенденции была начата совместная разработка сверхзвуковой крылатой ракеты «БраМос», принятой на вооружение ВМС Индии к середине 2000-х годов. К 2007 году Индия стала лидером по закупке российских вооружений.

Сотрудничество продолжилось на рубеже 2010-х годов в рамках обновленного документа «Соглашение о Программе военно-технического сотрудничества» (2009), однако начинали появляться негативные тенденции: в Индии происходил рост вооружений от западных поставщиков.

¹По состоянию на март 2022 года порядка 85 % всего индийского военного оборудования приходилось на советское и российское наследие. Подробнее см.: O'Donnel F., Kalyankar A. Between a Rock and a Hard Place: India's Stance on the Russia-Ukraine Crisis // The Henry L. Stimson Center. 04 March 2022. URL: <https://www.stimson.org/2022/between-a-rock-and-a-hard-place-indias-stance-on-the-russia-ukraine-crisis/> (дата обращения: 15.04.2025).

²Многие из контрактов способствовали модернизации российского ВПК и сохранению военного промышленного потенциала в тяжелых экономических условиях 1990-х годов.

³Например, танки Т-72, истребители-бомбардировщики МиГ-27 и некоторые другие виды вооружения.

⁴Т-90С стал самым продаваемым танком 2000-х годов // Lenta.ru 09.10.2012. URL: <https://lenta.ru/news/2012/10/09/t90/> (дата обращения: 15.04.2025).

В 2009–2016 годах Россия занимала первое место среди крупнейших экспортеров оружия в Индию – суммарно военная помощь России Индии составляла 21,6 млрд долл. США¹ [Валуева, Коновалова, 2018]. Продолжалось производство образцов вооружений по лицензии – индийский авиапарк Су-30 МКИ продолжал расти (превысив 200 ед.), были построены три фрегата проекта 11356, поставлены палубные истребители МиГ-29К [Волынчук, 2024]. Тем не менее ряд переговоров о расширении поставок закончились неудачей. Так, в 2012 году тендер на закупку и локализацию средних истребителей, в котором участвовали российские истребители МиГ-35, получила Франция (Rafale). Начинаясь рост доли других поставщиков ВПК – в частности, в 2014 году США поставили в Индию вооружения на большую сумму, чем Россия². Как отмечал российский исследователь Власов, «ситуация середины 1990 – начала 2000-х годов, когда российская военная техника по соотношению цена / качество была практически безальтернативной для Индии, ушла в прошлое» [Власов, 2022, с. 160].

Тенденция на сокращение российских военных поставок в Индию продолжилась с 2016 по 2020 годы. В условиях роста поставок от западных компаний (Франции, Израиля и США) доля России сократилась на 53 % в сравнении с 2011–2015 годами и составляла 49 % от общего индийского импорта. Индия при этом отказывалась от участия в некоторых «флагманских» оборонных проектах с Россией, например, в проекте по разработке истребителя пятого поколения (на базе Су-57), хотя в том же году был заключен контракт на поставку системы ПВО С-400 на сумму 5,4 млрд долл. США, предполагавший передачу пяти дивизионов ПВО. Закупка данной системы иллюстрировала комбинированный подход Индии, при котором наличие собственных зенитно-ракетных комплексов не повлияло на решение о поставках импортных систем, если они выступали дополнением собственных ВС. Аналогичная ситуация наблюдалась в сфере флота [Власов, 2022].

Несмотря на сокращение объемов поставок, стороны продолжают рассматривать долгосрочное оборонное партнерство. В 2021 году в ходе визита Президента РФ В. В. Путина в Индию было подписано соглашение о новой программе ВТС

на 2021–2031 годы, в рамках которой, например, была достигнута договоренность о стимулировании совместного производства на территории Индии. После начала СВО в 2022 году поставки вооружений продолжали сокращаться, происходили задержки поставок, например, комплексов С-400³, однако перспективы для российских поставщиков остаются достаточно позитивными. С 2022 года наблюдалось резкое углубление двусторонних торгово-экономических отношений, в особенности в сфере поставок нефтепродуктов, когда товарооборот вырос почти в 3 раза до 44 млрд долл. Данная тенденция фиксируется и на доктринальном уровне. Индии, наряду с Китаем, отводится особое место в долгосрочном внешнеполитическом планировании России в Евразии. В Концепции внешней политики 2023 года отношения с Индией характеризуются как «особо привилегированное стратегическое партнерство», что отражает глубину и охват двустороннего сотрудничества начала 2020-х годов и предопределяет будущую позитивную динамику отношений⁴.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОТРУДНИЧЕСТВА: КУРС ИНДИИ НА АВТОНОМИЮ

Изменение в структуре ВТС России и Индии происходило на стыке внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов. Первым внутривнутриполитическим фактором, влиявшим на переоценку угроз, стало обострение ситуации в штате Джамму и Кашмир в конце 2010-х годов, а также сохраняющаяся террористическая угроза на территории Индии. Падение коалиционного правительства НДП-БДП (PDP-BJP) привело к интеграции штата в Индийский Союз (отмена ст. 370 Конституции Индии), проведению более жесткой политики по борьбе с сепаратистскими силами и обострению проблемы терроризма. Активизация проблемы сепаратизма и рост угрозы суверенитету страны в целом способствовали формированию более реалистического и настороженно критического восприятия окружающей среды правительством Моди [Chatterjee, 2019].

¹Доля России на индийском рынке вооружений за указанный период составила 51,8 % (17,3 млрд. долл. США). Второе место занимали США – 19,8 % (8,2 млрд долл. США), третье – Израиль – 6,05 % (4,5 млрд долл. США) [Валуева, Коновалова, 2018].

²Gady F-S. Russia Remains India's Largest Arms Supplier (For Now) // The Diplomat. 01.03.2016. URL: <https://thediplomat.com/2016/03/russia-remains-indias-largest-arms-supplier-for-now/> (дата обращения: 15.04.2025).

³Зыкина Т. ANI узнало о просьбе Индии ускорить поставку С-400 из России // РБК Новости. 15.07.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/07/2024/6694f3e29a7947ccae2e5790> (дата обращения: 15.04.2025).

⁴Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31.03.2023) // Министерство иностранных дел России. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 15.04.2025).

Главным политическим внутривнутриполитическим фактором стал долгосрочный курс Индии на укрепление собственной оборонной промышленности и самодостаточности, начатый правительством Н. Моди в середине 2010-х годов [Власов, 2022; Лихачев, 2024]. Помимо того, что наличие собственной военной промышленности является атрибутом великой державы – статуса, к которому стремится Индия [Paul, 2024]. В рамках запущенной в 2014 году программы *Make in India* предполагалось, в том числе, снизить зависимость государства от внешних поставок. Данная инициатива была дополнена планами по увеличению индийского оборонного экспорта до 3 млрд долл. к 2025 году¹. В 2020 году была поставлена цель увеличить долю производимых в Индии компонентов закупаемых вооружений с 10 до 50 %². В рамках этой политики правительство Индии на рубеже 2020-х годов подготовило несколько перечней военной продукции, покупка которой за рубежом запрещена (суммарно более 300). Одним из ярких примеров развития собственного производства стала закупка 83 самолетов *Tejas MK-1A* (6,58 млрд долл.), произведенных в Индии, что стало крупнейшим заказом для индийских производителей. По состоянию на конец 2024 года индийская авиационная промышленность разрабатывает несколько боевых самолетов, таких как средний истребитель *HAL Tejas Mk2*, палубный истребитель *HAL TEDBF* и истребитель пятого поколения *HAL AMCA* [Власов, 2022].

Со стороны российских поставщиков вооружений наблюдается тенденция к постепенному и неуклонному сжатию индийского рынка вооружений. Данная тенденция объясняется тем, что Индия ограничивает экспортные возможности иностранных поставщиков двумя категориями вооружений: высокотехнологичным оружием, которое страна пока не способна производить самостоятельно, и простыми надежными вооружениями. Их производство Индия может осуществить с меньшими затратами, нежели разработка собственных аналогов. Влияние России будет еще длительное время сохраняться в силу того, что проводимый в Индии НИОКР занимает слишком много времени. Например, от этапа разработки до принятия на

вооружение собственного истребителя *HAL TEJAS* прошло почти 30 лет (1983–2012) [Баженова, 2022]. Кроме того, курс на закупку «спроектированного, разработанного и произведенного в Индии» (*Indian-IDDM – Indian-indigenously designed, developed and manufactured*) не всегда противоречит долговременному сотрудничеству, поскольку допускает производство вооружений по лицензии. Например, 15 сентября 2023 года было одобрено производство 12 Су-30 МКИ по российской лицензии на мощностях *Hindustan Aeronautics Limited*³.

Зависимость от импорта в Индии воспринимается как опасность, поскольку даже небольшие конфликты, такие как война в Кашмире, требовали срочной закупки оборудования, иногда по непомерным ценам и с задержками⁴. Чтобы соответствовать наращиванию военной мощи Китая вдоль границы с Гималаями, Индия планирует больше инвестировать в военную инфраструктуру и системы командования и управления⁵. Подобное наращивание запускает отчасти дилемму безопасности, когда усиление одной стороны воспринимается как угроза другой – ситуация, которая ярко представлена также в отношениях Индии с Китаем и с Пакистаном, что будет рассмотрено далее.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ: НАРАСТАНИЕ ВЕЛИКОДЕРЖАВНОЙ КОНКУРЕНЦИИ И КУРС НА ЛАВИРОВАНИЕ

Помимо ориентации на собственные силы, изменение структуры военно-технического сотрудничества в значительной степени определяется рядом структурных факторов, связанных с борьбой за гегемонию на региональном, макрорегиональном и глобальном уровнях. Нарастание опасений перед угрозами со стороны Китая и Пакистана на территории Индии возникает в контексте сближения России с Китаем. Ему противостоит долговременный курс стран Запада, в особенности США, нацеленный на создание антикитайской сдерживающей коалиции. Исторические противоречия между Индией, Китаем и Пакистаном, нерешенные

¹Bipindra N. India Wants to Be One of the World's Biggest Arms Exporters // Bloomberg. 27.01.2016. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-01-27/india-s-3-billion-arms-export-goal-puts-china-in-modi-s-sights> (дата обращения: 15.04.2025). Речь шла в первую очередь о ракетах Брамос, однако были и другие артикулы поставок, например, РСЗО «Pinaka» и Swathi Weapon Locating Radar в Армению. В период с 2017 по 2022 годы экспорт вырос на 334 % и включал поставки в 75 стран.

²Defense Acquisition Procedure // Make in India. URL: <https://www.makeinindia.com/defense-acquisition-procedure> (дата обращения: 15.04.2025).

³Минобороны Индии подписало с HAL контракт на закупку 12 дополнительных истребителей Су-30МКИ // Центр анализа мировой торговли оружием. 13.12.2024. URL: <https://armstrade.org/includes/periodics/news/2024/1213/112583965/detail.shtml> (дата обращения: 15.04.2025).

⁴Sura A. India overcharged for satellite images, arms during Kargil // The Times of India. 14.12.2019. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/during-kargil-foreign-nations-fleeced-india-sold-old-sat-pics-arms/articleshow/72570657.cms> (дата обращения: 15.04.2025).

⁵Kliman D., Rehman I., Lee K., Fitt J. Imbalance of Power: India's Military Choices in an Era of Strategic Competition with China // Center for a New American Security. 23.10.2019. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/imbalance-of-power> (дата обращения: 15.04.2025).

территориальные споры и возрастающая борьба за влияние в регионах Южной и Восточной Азии играют ключевую роль в балансе угроз благосостоянию Индии и напрямую влияют на импорт вооружений.

В течение первых десятилетий XXI века Китай продолжал вытеснять Индию из традиционной сферы влияния в ближнем зарубежье – Южной Азии, с начала 2000-х годов создавая так называемое жемчужное ожерелье – инфраструктурные портовые объекты двойного назначения в регионе Индийского океана. По мнению индийского руководства, Китай проводит политику окружения Индии с учетом проектов двойного назначения в Бангладеш, на Мальдивах, в Мьянме, Шри-Ланке и Непале [Lobo, 2021; Verma, 2023].

Отдельные опасения у Индии вызывает расширение китайского присутствия в Пакистане – модернизации порта Гвадара и запущенного в 2015 году проекта Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК). Между Пакистаном и Китаем продолжается наращивание военного сотрудничества, в середине 2010-х годов начали проводиться учения ВМС. В 2015 году Пакистан подписал соглашение с Китаем о закупке восьми дизельных подводных лодок типа 041. В 2016 году Китай поставил 83 % всего импорта вооружений в Пакистан. В 2017–2018 годах стороны достигли соглашения о строительстве четырех фрегатов типа T054A, а также закупках китайских танков VT-4, дронов *Wing Loon II*. Сотрудничество Пакистана и Китая затрагивает и более чувствительную для Индии сферу – сферу ракетно-ядерных технологий, в частности, в 2022–2023 годах Пакистан провел испытание ракет *Shaheen-III* и *Ababbeel* при содействии Китая [Ishaq, Khan, Rafeeq, 2024]. Уход США из Афганистана только ускорил движение Пакистана в орбиту Китая, поскольку сопровождался снижением экономической помощи.

Опасения относительно сближения двух стран связаны с продолжающимися конфликтами Индии с двумя соседями и нерешенными территориальными спорами. Пограничная напряженность во взаимоотношениях между Индией и Китаем возросла с середины 2010-х годов. Главы обоих государств заняли воинственную позицию в территориальных спорах, что сопровождалось вооруженными стычками в 2013, 2014, 2015 и 2017 годах. Индийско-китайские отношения осложнились из-за военного противостояния двух стран. Оно продолжалось с апреля–мая 2020 года и было географически локализовано вдоль спорной границы в Восточном Ладакхе. У означенной границы было сосредоточено более 100 тыс. военнослужащих обеих стран. Осложнению индийско-китайских

отношений активно способствовал также кризис в долине Галван в июне 2020 года [Verma, 2023]. Переговоры по урегулированию индийско-китайского конфликта продолжались четыре года, и в декабре 2024 года было объявлено, что разведение войск в спорном районе достигнуто полностью¹.

Аналогичным образом с середины 2010-х годов наблюдалось нарастание напряженности между Индией и Пакистаном. После столкновений вооруженных сил двух стран в январе 2013 года на линии контроля в Кашмире (LoC) новые вспышки конфликтов наблюдались в 2016 и 2019 годах: происходили нападения на индийский военный персонал и объекты в Патханкоте и Ури в 2016 году, атака в Пулваме в 2019 году, в ходе которой были убиты 40 сотрудников индийских служб безопасности [Moham, 2022]. Происходил рост числа террористических атак со стороны боевиков в Кашмире в период с 2021 до середины 2024 года и спорадические обстрелы вдоль линии контроля².

Даже с учетом опасений Индии по поводу сближения России и Китая в отношениях стран есть «уравновешивающие» элементы, прежде всего институциональные форматы РИК, БРИКС и ШОС. Несмотря на то что Индия пытается использовать данные форматы для продвижения собственных интересов, в частности в борьбе с терроризмом, российские инициативы по «замирению» участников находят отклик у Дели [O'Donnel, Para, 2023]. В пользу данного аргумента свидетельствует то, что в 2018 году Индия согласилась на предложение России возобновить саммиты РИК после двенадцатилетнего перерыва. Два года спустя индийская сторона согласилась на встречу министров иностранных дел РИК, созванную Россией в июне 2020 года, несмотря на то, что Индия и Китай были вовлечены в серьезный военный пограничный кризис. В частности, после двусторонней встречи в Москве министерства иностранных дел Китая и Индии опубликовали совместное заявление о намерениях деэскалации конфликта с участием вооруженных сил, обострившегося в приграничном регионе³. Таким образом, данное взаимодействие

¹Statement by External Affairs Minister, Dr. S. Jaishankar in Lok Sabha // Ministry of External Affairs. Government of India. 03.12.2024. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/38665/> (дата обращения: 15.04.2025).

²Donthi P. Violence in Kashmir: Why a Spike in Killings Signals an Ominous New Trend // International Crisis Group, 28.06.2023. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/india-pakistan-kashmir/violence-kashmir-why-spike-killings-signals-ominous-new-trend> (дата обращения: 15.04.2025).

³Joint Press Statement – Meeting of External Affairs Minister and the Foreign Minister of China (10.09.2020) // Ministry of External Affairs. Government of India. 10 September 2020. URL: https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/32962/Joint_Press_Statement_Meeting_of_External_Affairs_Minister_and_the_

отражает более широкий курс Индии на «мульти-присоединение» (multi-alignment) и следовательно, сохранение отношений с Россией.

В рамках курса на балансирование отношений с Китаем и лавирование между Западом и Востоком Индия стремится углубить военно-техническую кооперацию со странами Запада. Индия активно развивает военное сотрудничество с Вашингтоном. С начала 2000-х годов началось сближение двух стран: сняты санкции за ядерные испытания, подписано соглашение об обмене военной информацией (GSOMIA), Индия де-факто признана США как ядерная держава (июль 2005), подписано соглашение об оборонном сотрудничестве (июнь 2005). В США и Индии с 2008 года начался резкий рост поставок оборонной продукции на сумму более 15 млрд долл. (по сравнению с 500 млн долл. за все предыдущие годы). С 2015 года действует *Американо-индийский стратегический и торговый диалог* (U.S. – India Strategic and Commercial Dialogue), с 2016 года – присвоен статус «Важного партнера в сфере обороны» *Major Defense Partner* (MDP). В 2016 году стороны подписали соглашение о меморандуме по логистике (Logistics Exchange Memorandum of Agreement), предполагающее обслуживание американских военных судов и самолетов на базах Индии [Баженова, 2022]. Сотрудничество продолжало возрастать, и к 2018 году состоялся первый американо-индийский диалог министров обороны и иностранных дел. В ноябре 2019 года страны провели учения *Tiger Triumph* – первые в истории трехсторонние учения (сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы) между двумя странами для отработки мер реагирования на стихийные бедствия и доставки гуманитарной помощи.

Курс Вашингтона на аккомодацию Индии для создания балансирующей коалиции в Азии в целом отвечает интересам Дели, заинтересованного в диверсификации связей и поиске путей для ответа на «китайский вызов» [Лунев, Давыденко, 2025]. Главным форматом привлечения Индии к данным процессам стало создание Форума *QUAD* с участием США, Японии, Австралии и Индии. Первый саммит руководителей *QUAD* прошел в онлайн-формате в марте 2021 года. В 2021–2022 годы взаимодействие стран в рамках *QUAD* было сосредоточено преимущественно на обсуждении второстепенных невоенных вопросов (борьба с пандемией, климатические изменения, кибербезопасность и др.), однако к 2023 году риторика министров и глав государств начала включать больше военно-политических и экономических составляющих. Индия в начале

2020-х годов начала проводить более активную политику в Южно-Китайском море, согласовав экспорт 100 ракет БраМос Филиппинам, а также продажу фрегата Вьетнаму¹.

Индия стремится закупать у стран Запада вооружения в дополнение к существующим возможностям, в первую очередь для укрепления эшелонированной системы ПВО, а также ВВС и ВМС. На рубеже 2020-х годов страны Запада поставили в Индию целую номенклатуру вооружений. В частности, США поставили самолеты «P-8I Poseidon» (четыре ед.), ударные вертолеты «AH-64E Apache Guardian» (22 ед.) и транспортные вертолеты «CH-47F Chinook» (15 ед.). В это же время Франция поставила истребители «Mirage» (51 ед.), системы ПВО «Maitri» – (9 ед.), ракеты воздух-воздух «MICA» (490 ед.), подводные лодки «Scorpene» (6 ед.). Израиль продолжал поставки ПВО «MR-SAM» (54 ед.), а также ракет для ПВО «Barak-8» (300 ед.) [Валуева, Коновалова, 2018]. В 2023 году в ходе визита премьер-министра Н. Моди в Вашингтон была достигнута договоренность о поставках двигателей для индийских истребителей, включая 80 % трансфер технологий (аналогичный соглашениям США с Южной Кореей – ближайшим союзником в АТР), закупке БПЛА MQ-9B, а также углубленному сотрудничеству по линии ремонта американских военных судов в индийских портах².

Подобная конкуренция создает два сценария, при которых западные компании либо занимают ниши, отдельные от российских, например, поставки двигателей для самолетов *Tejas*, либо напрямую конкурируют с Россией, как в случае с французскими подводными лодками³. Полный отказ от российского импорта и переход на западную продукцию представляется для руководства Индии

¹Sen S.R. India Pivots From Russia to US for Cutting-Edge Weapons // Bloomberg. 27.01.2016. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-12-03/india-pivots-from-russia-to-us-for-cutting-edge-weapons> (дата обращения: 15.04.2025).

²Подобное сближение происходит в рамках более широкого курса США по вовлечению Индии в технологическое сотрудничество. Подробнее об экономических отношениях США и Индии в начале 2020-х годов см.: [Галищева, Небольсина, 2021]. В совместном заявлении, опубликованном в июне 2023 года, обобщены механизмы, созданные для содействия долгосрочным взаимным инвестициям, включая запуск межведомственного Стратегического торгового диалога и беспрецедентные государственно-частные партнерства в области полупроводников, искусственного интеллекта, передовых телекоммуникаций, квантовых вычислений и гражданских космических технологий. Подробнее см.: Joint Statement by President Biden and Prime Minister Narendra Modi of India // The American Presidency Project. J. R. Biden. 22.06.2023. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/joint-statement-president-biden-and-prime-minister-narendra-modi-india> (дата обращения: 15.04.2025).

³Носенко М. В. Перспективы военно-технического сотрудничества России и Индии // РСМД. 15.03.2024. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/NSO_MGIMO/perspektivy-voennotekhnicheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-indii/?sphrase_id=182594752 (дата обращения: 15.04.2025).

Foreign_Minister_of_China_September_10_2020 (дата обращения: 15.04.2025).

затруднительным. Превосходство некоторых образцов западного ВПК не предполагает в большинстве случаев локализации их производства в Индии, что, например, допускается Россией [Баженова, 2022]. Более того, способность России экспортировать передовые системы вооружений в Индию, вероятно, возрастет после СВО [Kashin, 2023].

Противостояние России и стран Запада актуализирует вопрос о влиянии СВО на поставки оружия заинтересованным странам. В Индии существуют опасения, что страна может оказаться под вторичными санкциями за импорт российских вооружений [Арапова, Силаев, 2023]. В пользу данного прогноза говорит то, что в 2022 году индийская сторона отказалась от закупки российских вертолетов Ми-17 [Власов, 2022]. С другой стороны, санкции не были введены после поставок комплексов С-400 и запуска производства автомата АК-203, что может свидетельствовать о нежелании стран Запада поставить Индию перед выбором, учитывая высокую долю российских и советских вооружений на балансе индийских ВС [Roy, 2023].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ военно-технического сотрудничества (ВТС) между Россией и Индией в начале 2020-х годов выявил значительное снижение объемов экспорта российской оборонной продукции в Индию. Этот процесс обусловлен как внешними, так и внутренними факторами. Политическая обстановка, сложившаяся вокруг Индии, включая нарастание конфликтности с Китаем и Пакистаном,

способствовала изменению приоритетов в оборонной сфере. Индия стремится к укреплению собственной оборонной промышленности и снижению зависимости от импорта, что также повлияло на сокращение закупок российского вооружения. Индия активно диверсифицирует свои источники поставок вооружений, увеличивая долю закупок у стран Запада, таких как США, Франция и Израиль. Эта тенденция связана с желанием Индии хеджировать риски и обеспечить более широкий спектр оборонных технологий.

Несмотря на снижение объемов ВТС, Россия остается важным партнером для Индии в области оборонной промышленности. Российские поставки высокотехнологичного оружия, такого как системы ПВО С-400, продолжают играть значительную роль в обеспечении безопасности Индии. Кроме того, совместные проекты, такие как производство автоматов АК-203, свидетельствуют о продолжающемся сотрудничестве между двумя странами.

Совпадение интересов двух ведущих мировых держав, выступающих с единых позиций за формирование полицентричного мирового порядка и имеющих длительные партнерские отношения, будут оказывать позитивное влияние на динамику двустороннего военно-технического сотрудничества. В ситуации продолжающейся международной турбулентности и нарастания американо-китайского противостояния сотрудничество России и Индии, в том числе в оборонной сфере, будет оставаться для обеих стран источником обеспечения экономического процветания, повышения оборонного потенциала и снижения внешних рисков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шаклеина Т. А. Новый этап в формировании мирового порядка: планы США по управлению междержавной конкуренцией // *Международные процессы*. 2021. Т. 19. № 3. С. 6–21.
2. Paul T. V. *The Unfinished Quest: India's Search for Major Power Status from Nehru to Modi*. Oxford: Oxford University Press, 2024.
3. Kumar S. R., Geetanjali A. India and Russia in International Organizations: Motives, Strategies, and Outcomes // *MGIMO Review of International Relations*. 2023. Vol. 16. № 2. P. 49–64.
4. Lunev S., Shavlay E. Russia and India in the IndoPacific // *Asian Politics & Policy*. 2018. Vol. 10. № 4. P. 713–731.
5. Ripsman N. M., Taliaferro J. W., Lobell S. E. *Neoclassical realist theory of international politics*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
6. Waltz K. N. *Theory of International Politics*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.
7. Walt S. M. Alliance formation and the balance of world power // *International security*. 1985. Vol. 9. № 4. P. 3–43.
8. Валуева И. А., Коновалова Ю. А. Военно-техническое сотрудничество двух региональных держав: новые вызовы для России и Индии // *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. 2018. Т. 26. № 1. С. 28–37.
9. Verma R. India's quest for status and neutrality in the Russia-Ukraine war: BRICS, a case study // *International Journal*. 2023. Vol. 79. № 1. P. 61–78.
10. Власов Г. Д. Индийский рынок вооружений: история и перспективы // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022. Т. 15. № 2. С. 154–172.

11. Волинчук А. Б. Особенности военно-технического сотрудничества России и Индии: динамика, риски и перспективы партнерства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26. № 3. С. 94–115.
12. Chatterjee S. *India's Spatial Imaginations of South Asia: Power, Commerce, and Community*. New Delhi: Oxford University Press, 2019.
13. Лихачев К. А. Особенности политики правительства Индии в сфере экспорта вооружений в контексте реформирования военно-промышленного комплекса // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 1. С. 92–106.
14. Баженова О. А. Индия – потенциальный союзник США вне НАТО // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 2. С. 255–264.
15. Lobo J. S. Balancing China: Indo-US relations and convergence of their interests in the Indo-Pacific // *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*. 2021. Vol. 17. № 1. P. 73–91.
16. Ishaq Z., Khan, A. B., Rafeeq, R. From Shaheen-II to China-Pakistan Economic Corridor: Pakistan-China Military and Economic Relations (2013–2023) at a Glance // *Journal of Asian Development Studies*. 2024. Vol. 13. № 2. P. 1033–1044.
17. Mohan S. *Complex Rivalry: The Dynamics of India-Pakistan Conflict*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2022.
18. O'Donnell F., Papa M. India's multi-alignment management and the Russia-India-China (RIC) triangle // *International Affairs*. 2021. Vol. 97. № 3. P. 801–822.
19. Лунев С. И., Давыденко А. Ю. Треугольник Индия–Китай–США в Южной Азии // Сравнительная политика. 2025. Т. 15. № 4. С. 113–131.
20. Галищева Н. В., Небольсина Е. В. США и Китай во внешнеэкономической политике Индии: в поисках баланса для сохранения стратегической автономии // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 304–324.
21. Kashin V. The Changing Contours of Russia-India Defense Engagement // *MGIMO Review of International Relations*. 2023. Vol. 16. № 2. P. 104–119.
22. Арапова Е. Я., Силаев Н. Ю. Практическая многополярность: как Индия выигрывает от украинского кризиса // Сравнительная политика. 2024. Т. 14. № 1–2. С. 133–148.
23. Roy R. India-Russia defense partnership: new challenges and future prospects // *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 16. № 2. P. 120–141.

REFERENCES

1. Shackleina, T. A. (2021). New Stage in the Global Order Formation: US Plans on Management of Great Power Rivalries. *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*, 19(3), 6–21. (In Russ.)
2. Paul, T. V. (2024). *The Unfinished Quest: India's Search for Major Power Status from Nehru to Modi*. Oxford University Press.
3. Kumar, S. R., & Geetanjali, A. (2023). India and Russia in International Organizations: Motives, Strategies, and Outcomes. *MGIMO Review of International Relations*, 16(2), 49–64.
4. Lunev, S., & Shavlay, E. (2018). Russia and India in the IndoPacific. *Asian Politics & Policy*, 10(4), 713–731.
5. Ripsman, N. M., Taliaferro, J. W., & Lobell, S. E. (2016). *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. Oxford University Press.
6. Waltz, K. N. (1979). *Theory of International Politics*. Addison-Wesley.
7. Walt, S. M. (1985). Alliance formation and the balance of world power. *International Security*, 9(4), 3–43.
8. Valueva, I. A., & Konovalova, Y. A. (2018). Military and technical cooperation of two regional leaders: new challenges for Russia and India. *RUDN Journal of Economics*, 26(1), 28–37. (In Russ.)
9. Verma, R. (2023). India's quest for status and neutrality in the Russia-Ukraine war: BRICS, a case study. *International Journal*, 79(1), 61–78.
10. Vlasov, G. D. (2022). Arms Market of India: History and Prospects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 15(2), 154–172. (In Russ.)
11. Volynchuk, A. B. (2024). Peculiarities of military-technical cooperation between Russia and India: dynamics, risks and partnership prospects. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 26(3), 94–115. (In Russ.)
12. Chatterjee, S. (2019). *India's Spatial Imaginations of South Asia: Power, Commerce, and Community*. Oxford University Press.

13. Likhachev, K. A. (2024). Key aspects of India's arms export policy amid military-industrial complex reform. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(1), 92–106.
14. Bazhenova, O. A. (2022). India – a Potential Major Non-NATO Ally. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 27(2), 255–264. (In Russ.)
15. Lobo, J. S. (2021). Balancing China: Indo-US relations and convergence of their interests in the Indo-Pacific. *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*, 17(1), 73–91.
16. Ishaq, Z., Khan, A. B., & Rafeeq, R. (2024). From Shaheen-II to China-Pakistan Economic Corridor: Pakistan-China Military and Economic Relations (2013–2023) at a Glance. *Journal of Asian Development Studies*, 13(2), 1033–1044.
17. Mohan, S. (2022). *Complex Rivalry: The Dynamics of India-Pakistan Conflict*. University of Michigan Press.
18. O'Donnell, F., Papa, M. (2021). India's multi-alignment management and the Russia-India-China (RIC) triangle. *International Affairs*, 97(3), 801–822.
19. Lunev, S. I., & Davydenko, A. Yu. (2025). The India-China-USA Triangle in South Asia and Russia. *Comparative Politics Russia*, 15(4), 113–131. (In Russ.)
20. Galistcheva, N. V., & Nebolsina, E. V. (2021). The U.S. and China in India's Foreign Economic Policy: In Quest of Balance for Maintaining Strategic Autonomy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 304–324. (In Russ.)
21. Kashin, V. (2023). The Changing Contours of Russia-India Defense Engagement. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 16(2), 104–119.
22. Arapova, E. Ya., & Silaev, N. Yu. (2023). Applied Multipolarity: The Impact of the Ukrainian Crisis on India's Economy and Politics. *Comparative Politics Russia*, 14(1–2), 133–148. (In Russ.)
23. Roy, R. (2023). India-Russia defense partnership: new challenges and future prospects. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 16(2), 120–141.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуринович Дмитрий Федорович

соискатель кафедры прикладного анализа международных проблем
факультета международных отношений
Московского государственного института международных отношений МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gurinovich Dmitry Fedorovich

PhD Student
Department of Applied International Analysis
Faculty of International Relations
Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	18.04.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	12.05.2025	
	04.06.2025	

Цивилизационная составляющая геополитического статуса государства

С. Г. Киселев

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
ksg56@mail.ru*

Аннотация.

В статье рассматриваются особенности цивилизационной составляющей геополитического курса государства. Она исключительно значима в наши дни, когда глобальная политическая конкуренция достигла небывалого накала. Следовательно, возникает вопрос о геополитическом статусе ее участников. Автор на основании методологии цивилизационной геополитики делает вывод об уникальности геоцивилизационного положения России и наличии цивилизационных вызовов ее функционированию и существованию. Акцентируется внимание на проблеме конкуренции, противоборства цивилизаций как наименее проработанной в современном научном дискурсе и пытается показать, какие геоцивилизационные вызовы для России и ее исторических устоев существуют по периметру границ – на Западе, Юге и Востоке со стороны соседних цивилизаций. Цель исследования заключается также в том, чтобы определить признаки возможной цивилизационной экспансии в Россию извне. Исследование базируется на сложившихся цивилизационно-геополитических подходах, основанных на классических построениях Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, С. Хантингтона, Н. Моисеева. В их исследованиях выявляются локально-культурные идентификационные сообщества в их развитии и цивилизационно-культурном взаимодействии. В настоящей статье уделяется внимание экспансии вовне как свойству, имманентно присущему геоцивилизации. Это свойство, заложенное в изначальную природу геоцивилизации, проявляется в давлении/попытках давления на соседнюю геоцивилизацию, в использовании ее слабостей. В зависимости от вида слабости применяется та или иная форма экспансии – политическая, экономическая, демографическая, духовно-культурная и др. Любой из перечисленных видов экспансии осуществляется той или иной геоцивилизацией с единственной целью: укрепить свое влияние на соседнюю геоцивилизацию и установить частичный или полный контроль над ней. Экспансия одной геоцивилизации в сферу существования другой может осуществляться посредством применения силовых, военных средств. В истории взаимного противоборства геоцивилизаций выделяется особая роль государств-лидеров цивилизационно-культурной общности. Автор полагает, что в современной типологии войн отдельное место можно отвести межцивилизационным войнам, которых история человечества знает немало (завоевательные походы Александра Македонского, войны Древнего Рима по устройству мирового порядка Pax Romana («мир по-римски»), крестовые походы и др. Особое внимание в настоящей статье уделяется вопросам геоцивилизационной безопасности.

Ключевые слова: геополитический статус, геоцивилизация, экспансия, геоцивилизационная безопасность

Для цитирования: Киселев С. Г. Цивилизационная составляющая геополитического статуса государства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 19–25.

Original article

The Civilizational Component of the Geopolitical Status of the State

Sergey G. Kiselev

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia**Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia**ksg56@mail.ru*

Abstract.

The article examines the features of the civilizational component of the geopolitical status of the state, the importance of this important, fundamental value component for the fate of the country and the people, since global geopolitical competition has reached a high level and unprecedented intensity. The situation raises the question of the geopolitical status of its participants. Based on the application of the methodology of civilizational geopolitics, the author concludes that Russia's geocivilizational position is unique and that there are civilizational challenges to its functioning and existence. The author focused on the problem of competition, confrontation of civilizations, as the least developed in modern scientific discourse and tried to show what geocivilizational challenges for Russia and its civilization exist along the perimeter of borders – in the West, South and East from neighboring civilizations, as well as to identify signs of possible civilizational expansion. The research is based on the established civilizational and geopolitical approaches based on the classical constructions of N. Danilevsky, O. Spengler, A. Toynbee, S. Huntington, N. They are related to the identification of local cultural identification constants of large-scale communities in their development and civilizational and cultural interaction. The study focuses on expansion as an inherent property of geocivilization, embedded in its original nature, and manifested in pressure / attempts to put pressure on a neighboring civilization, in exploiting its weaknesses. Depending on the type of «weakness», one or another form of expansion is used – political, economic, demographic, spiritual, cultural, etc. in order to strengthen its influence on a neighboring civilization and establish partial or complete control. The expansion of one geocivilization against another can be carried out through the use of force and military means, and here the special role of the leading states of the civilizational and cultural community is highlighted. The author believes that in the modern typology of wars, a separate place can be given to inter-civilizational wars, of which the history of mankind knows a lot (the conquests of Alexander the Great, the wars of Ancient Rome to establish the Pax Romana world order, the Crusades, etc. Special attention is paid to geo-civilizational safety.

Keywords: geopolitical status, geocivilization, expansion, geocivilizational security

For citation: Kiselev, S. G. (2025). The civilizational component of the geopolitical status of the state. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(859), 19–25. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы статьи обусловлена глобальными вопросами, которыми задается автор. Они закономерно порождены вступлением нынешнего мироустройства в фазу геополитической и геочивилизационной поляризации. Чем же обусловлена тектоника геополитических сдвигов, которые испытывает человечество в наши дни? Поляризация мирового целого в значительной степени обусловлена базовой цивилизационной матрицей. Она характеризует глубину замысла эволюции, которую испытывает на себе человечество. Эволюция приводит, в свою очередь, к дроблению

мирового целого. С ходом исторического времени оно делится на части. Как отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года, «человечество переживает эпоху революционных перемен»¹. В сложившихся условиях для государства чрезвычайно важно обладать возможностями для отстаивания своих интересов в мировом геополитическом пространстве. Оно характеризуется нарастанием противоречий, конфронтаций и экзистенциальных вызовов, в том числе цивилизационных. Эти возможности

¹Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229.

фокусируются в геополитическом статусе государства, отражающем его потенциал, место в глобальной геополитической модели, международное значение в мировом порядке и вес в международном балансе сил.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА И ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Лишь на первый взгляд может сложиться впечатление об отсутствии связи между геополитическим статусом государства и процессами межцивилизационных взаимоотношений. В первом приближении, кажется, что мы имеем дело с диаметрально различными, более того, взаимно изолированными сферами жизни государств. Это не так. Геоцивилизации как локальные историко-социально-культурные образования-конструкты реализуют через государства историческую энергию. Она издревле заложена в геоцивилизациях эволюцией человеческого жизнеустройства. Геоцивилизационные механизмы в особой степени действуют посредством своих государств-лидеров или государств-«Цезарей», как их называл Шпенглер.

Несомненно, развитие геоцивилизаций зависит от стержневых государств. В первую очередь через них геоцивилизации реализуют свои идентификационные константы. В этом плане заслуживает внимания суждение Н. В. Ереминой, А. Г. Конфисахора и Д. В. Солонникова, изложенное в публикации «Фактор “идентичности” в развитии геоцивилизаций». Его авторы приходят к значимому выводу о том, что «через призму концепта идентичности между геоцивилизациями обнаруживается ряд общих характеристик, на основании которых можно выстраивать дипломатическую активность, в первую очередь, между стержневыми государствами разных геоцивилизаций; идентификационные черты также показывают, что многие проблемы межгосударственного взаимодействия не могут быть преодолены в принципе по причине сложностей во взаимодействии исключительно различных геоцивилизационных идентичностей; для преодоления проблем во взаимодействии необходимо создавать новые идентификационные связи между относительно сходными геоцивилизациями» [Еремина, Конфисахор, Солонников, 2018, с. 45].

Не случайно в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года акцентируется «рост национального самосознания, культурно-цивилизационное разнообразие», что является одной из основных тенденций современного развития

мира, «объективным фактором» (наряду с другими), ускоряющим «процессы перераспределения потенциала развития в пользу новых центров экономического роста и геополитического влияния»¹.

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИСТОРИКО-ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИЙ

Геоцивилизации как человеческие сообщества наиболее высокого порядка в конструкции мироустройства и его 5–6-тысячелетнего эволюционного развития иерархически первичны по отношению к государствам. Государства являются важным и необходимым способом оформления жизнедеятельности этих локальных историко-культурно-социальных образований. Геоцивилизации стремятся к расширению своего влияния и контроля за счет соседей. Они заполняют всё пространство, насколько им это удастся сделать, исходя из силы / слабости подобного соседнего образования. Они оказывают постоянное давление в процессе взаимодействия. Как отмечал А. Тойнби, «у цивилизаций существует тенденция не только к росту, но и к давлению на другие общества» [Тойнби, 1991, с. 256]. Другой формой цивилизационной экспансии являются удары (в том числе военные удары), вероятность нанесения которых зависит от конфликтности, степени разрешенности противоречий, внешних претензий, внешнеполитического курса составляющих цивилизацию стран. По мнению А. Тойнби, одного из классиков цивилизационной теории, любая локальная цивилизация не преминет воспользоваться слабостью соседней. Как правило, и внешнее давление, и удары осуществляются странами-лидерами этих образований.

Экспансия одной геоцивилизации в сферу существования другой может осуществляться посредством применения силовых, военных средств, в использовании которых не стоит преуменьшать роль стержневых государств-лидеров своей цивилизационно-культурной общности. В современной типологии войн отдельное место занимают межцивилизационные войны, которых история человечества знает немало (завоевательные походы Александра Македонского, войны, которые вел Древний Рим по устройству мирового порядка *Pax Romana*, крестовые походы на палестинские земли, контрэкспансия арабского исламского мира против Европы в период Средневековья, крестовые

¹Концепция внешней политики Российской Федерации (Утверждена Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229).

походы XIII–XVI веков Европы на восток, в частности, «крестовый поход 1240 года против Новгорода во главе с Биргером Магнуссоном» [История войн, 1997, с. 522], уничтожение европейцами цивилизаций майя, ацтеков и инков, нашествие Наполеона на Россию (которое он, следуя примеру Македонского, признавал распространением цивилизации на варварские народы), русско-турецкие войны «за проливы», холодная война Запада против Советского Союза, агрессия Запада против Ирака, агрессия Запада против Югославии, агрессия Запада против Афганистана). На этот счет О. Шпенглер, другой классик цивилизационной теории, полагал, что история существования цивилизаций есть бесконечная череда войн, ведущихся за мировое господство.

Важная особенность заключается в том, что геоцивилизации постоянно и довольно тесно взаимодействуют с соседями, что выражается, *во-первых*, в сотрудничестве, например, в организации торговли, взаимообогащении материальными изобретениями, орудиями труда, в меньшей степени в обмене духовно-культурными ценностями. *Во-вторых*, в конкуренции, состязательности в распространении своих духовно-религиозных ценностей и парадигм, своего образа жизни, языка и других проявлений культуры. Именно второй стороне присуща экспансия как способ распространения влияния на народы и государства соседней / соседних цивилизаций – чем соседняя геоцивилизация слабее, тем больше появляется возможностей для экспансии извне. И уже в зависимости от вида слабости используется та или иная форма экспансии – территориальная, политическая, экономическая, демографическая, технологическая, культурная, финансовая, информационная, лингвистическая и т. д.

В геоцивилизации как живом организме заложен особый инстинкт, который заключается, с одной стороны, в чувстве самосохранения, в желании не разрушить свою историко-культурную общность, свои этнические ценности, а с другой – в желании расширить сферу своего влияния как этнокультурного, так и материального. Эту особенность в свое время автор назвал «основным инстинктом цивилизации», проявляющимся на разных этапах эволюционного развития и в различных условиях [Киселев, 2003]. Вот почему геоцивилизационная составляющая неотделима от геополитического статуса государства. Он, в свою очередь, выступает как совокупный показатель силы и потенциала государства. Его статус складывается из таких компонентов, как политическая (в том числе военно-политическая), экономико-технологическая, демографическая состоятельность. Означенная совокупность составляющих

полноценного государства обеспечивает его конкурентоспособность и жизнестойкость.

УНИКАЛЬНОСТЬ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ

Говоря о России на контрастном фоне других этносов и государств, мы подходим к уникальной особенности российской геоцивилизации. Она единственная в своем роде, ибо только она одна граничит сразу с пятью из восьми-девяти подобных образований, входящих в мировую систему цивилизаций. Россия не граничит только с индуистской, латиноамериканской и становящейся африканской геоцивилизациями, а граничит с:

- западной геоцивилизацией – на Западе, востоке (через воды Тихого океана) и Севере (через Арктику);
- с исламской – на Юге;
- с конфуцианско-буддистской – на Востоке;
- с японской – на Востоке;
- с православной – на Западе и Юго-Западе.

Таким образом, российская геоцивилизация граничит с цивилизационными соседями по всему протяженному периметру своих границ.

Исходя из фундаментальных постулатов классиков цивилизационной теории (Н. Данилевского, Шпенглера, Тойнби, Хантингтона и др.) приходим к выводу, что цивилизационные вызовы России по определению (хотя и ситуационно) могут исходить с разных сторон света и проявляться в той или иной форме – политической, экономической, демографической и т. д.

ПРИЗНАКИ ВОЗМОЖНОЙ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКСПАНСИИ

Зададимся вопросом: возможно ли аналитически определять признаки возможной / вероятной экспансии со стороны геоцивилизационных соседей – субъектов глобальной полицивилизационной структуры? Да, возможно.

На наш взгляд, можно выделить следующие признаки возможной экспансии, позволяющие выявить / определить геоцивилизационные вызовы с той или иной степенью вероятности.

Во-первых, это высокий экономический потенциал как базовый, так и перспективный, в особенности высокая динамика экономического роста (например, экономический бум).

Во-вторых, высокая демографическая динамика (демографический бум). Как показывает мировая история, ведущими мировыми державами

с присущими им экспансионистскими проявлениями в тот или иной момент истории становились государства с высокой динамикой роста народонаселения (Испания, Франция, Британия, Германия, США), о чем подробно и довольно аргументированно написал французский исследователь-демограф Ж.-К. Шенэ в работе «Демография и стратегия: закат Запада» [Шенэ, 1997].

В-третьих, высокий рост военных расходов и нарастающие масштабные военные сборы также являются таковым признаком. Данные шведского аналитического центра, более известного как СИПРИ (Стокгольмский международный институт исследования проблем мира), свидетельствуют: имеет место мировой тренд милитаризации целого ряда государств. Они принадлежат преимущественно к западной, исламской, конфуцианско-буддистской цивилизациям.

В-четвертых, страны, сгруппированные близ России, обнаруживают активные внешнеполитические устремления, амбиции и притязания как связанные с потребностью в расширении пространства, так и вызванные желанием получить ресурсы и контроль над торговлей, инфраструктурой и другими жизненно важными процессами.

Выявление этих признаков и мониторинг процессов, стоящих за ними, позволяют определять цивилизационные вызовы с той или иной степенью вероятности.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ И ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующее суждение: гецивилизации как локально-культурному историческому образованию важно заботиться о своей безопасности, под которой понимается состояние защищенности от вызовов со стороны соседних гецивилизаций и их представителей-государств, готовность сформировать достойные, адекватные ответы на данные вызовы. Понятие «гецивилизационная безопасность» было введено автором в научный оборот в 2006 году в работе «Трансформация геополитической и гецивилизационной безопасности России» [Киселев, 2006].

Необходимо понимать взаимосвязь гецивилизационной безопасности и безопасности со смежными компонентами геополитического статуса государства. К ним относятся демографическая, политическая, технологическая состоятельность государства. От совокупности перечисленных составляющих сильного государства зависит его способность к самозащите, к противостоянию

внешним вызовам, к политической стрессоустойчивости, которая, говоря словами Н. Я. Данилевского, основоположника мировой цивилизационной теории, позволяет России не стать «этнографическим материалом» для соседней гецивилизационной общности.

Исходя из вышеизложенной методологической предпосылки логично и естественно обнаружить гецивилизационные вызовы для России: экономико-технологические – в первую очередь, на Западе и Востоке, в особенности со стороны западной гецивилизации; демографические – со стороны гецивилизаций на Юге и Востоке (наряду с многими фактологическими и аналитическими материалами, отметим в этом плане работу российского исследователя К. Кожуховой [Кожухова, 2023]).

Вот почему так важны для государства и его цивилизации меры по укреплению экономико-технологических и демографических компонентов¹.

Далее отметим военно-политические вызовы со стороны, прежде всего, западной цивилизации (расширение НАТО на Восток – наиболее показательный пример), а также блоковые структуры с участием государств – военно-политических союзников США – «Цезаря» этой цивилизации, на восточном направлении (примеры – AUKUS, QUAD, FIVE EYES, союзы США–Япония, США–Республика Корея и др.). Добавим к этому экспансию духовно-культурных ценностей, валютную экспансию, санкционное давление и других в формате рассматриваемых в статье человеческих общностей.

В сложившейся ситуации чрезвычайно важны упрочение геополитического статуса Российского государства, потенциала самобытной российской цивилизации, постоянный поиск и нахождение союзников и надежных партнеров, укрепление добрососедских отношений с ними, взаимопонимание и диалог культур-цивилизаций. Россия должна демонстрировать адекватные ответные действия на цивилизационные вызовы, складывающиеся вследствие тектонических сдвигов в меняющейся системе миропорядка, укреплять свое геополитическое и цивилизационное пространство демографически и экономико-технологически.

¹Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.03.2021 № 143); Концепция технологического развития на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-р.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Геоцивилизационная составляющая геополитического статуса государства является его неотъемлемым сегментом. Сохранность этого необходимого сегмента является гарантом геоцивилизационной безопасности государства и стимулом к действиям, направленным на его защиту. Причем любая крупная геоцивилизация, занятая вопросами геополитического самосохранения и полиэтнического выживания, имеет двуединую природу. Всякая значительная геоцивилизация обнаруживает: 1) стремление к сохранению и приумножению своих духовно-культурных и материально-ресурсных ценностей, к политическому выживанию цивилизационной общности как единого целого и 2) стремление к максимально возможному расширению своей экспансии вовне, к трансляции своих этнокультурных ценностей и, наконец, попытку их фактически навязать географическим «соседям».

Экспансионизм – неотъемлемое свойство практически всякой крупной геоцивилизации. Оно

стимулирует прогресс геоцивилизации как масштабного образования, расположенного среди других различных человеческих общностей.

В борьбе геоцивилизаций осуществляется их эволюция, в значительной степени определяющая ход мировой истории. Одни геоцивилизации разрушаются, другие – выживают.

С практической точки зрения экспертно-аналитическое исследование геоцивилизационной составляющей геополитического статуса государства является необходимым подспорьем для выявления позиций, возможного алгоритма действий ключевых геоцивилизаций, признаков их возможной экспансионистской деятельности, вызовов с их стороны и формирования достойных, адекватных ответов. Знание цивилизационных матриц и идентификационных кодов позволяет понять геостратегические задачи и замыслы конкретных государств, особенно стран-лидеров, посредством действий которых геоцивилизация реализует историческую энергию, заложенную в ней эволюционным процессом развития человечества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Киселев С. Г. Цивилизационная геополитика: методологический аппарат // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 24–30.
2. Еремина Н. В., Конфисахор А. Г., Солонников Д. В. Фактор «идентичности» в развитии геоцивилизаций // Социодинамика. 2018. № 3. С. 45–63.
3. Тойнби А. Постигение истории / пер с англ. М.: Прогресс, 1991.
4. История войн: в 3 т. / авт. сост. В. П. Подольников. Ростов-на-Дону ; М.: Феникс : Зевс, 1997. Т. 1.
5. Киселев С. Г. Основной инстинкт цивилизации и геополитические вызовы России / отв. ред. Г. Э. Кучков. М.: Известия, 2003.
6. Шенэ Ж.-К. Демография и стратегия: закат Запада. М.: ВАГШ ВС РФ, 1997.
7. Киселев С. Г. Трансформация состояния геополитической и геоцивилизационной безопасности России // Многовекторность безопасности международных отношений: Научные доклады Института стратегических исследований. М.: ЭНДИСИ. 2006. № 1. С. 19–29.
8. Кожухова К. Е. Китайская стратегическая культура. М.: Русайнс, 2023.

REFERENCES

1. Kiselev, S. G. (2023). Civilizational Geopolitics: Methodological Apparatus. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social sciences, 4(853), 24–30. (In Russ.)
2. Eremina, N. V., Konfisakhor, A. G., Solonnikov, D. V. (2018). The factor of «identity» in the development of geocivilizations. Sociodynamics, 3, 45–63. (In Russ.)
3. Toynbee, A. (1991). Postijenie istorii = Comprehension of history i. Moscow: Progress. (In Russ.)
4. Istoria vojn = History of wars. (1997). Vol. 1. Rostov-on-Don: Phoenix. (In Russ.)
5. Kiselev, S. G. (2003). Basic Instinct of Civilizations and Geopolitical Challenges of Russia. Moscow: Izvestia Publishing House. (In Russ.)
6. Chenet, J.-K. (1997). Demografija i strategija: zakat Zapada = Demography and strategy: the decline of the West. Moscow: VAGSh VS RF. (In Russ.)
7. Kiselev, S. G. (2006). Transformacija geopoliticheskoj i geocivilizacionnoj bezopasnosti Rossii = Transformation of Russia's geopolitical and geocivilizational security = Multi-vector security of international relations: Scientific reports of the Institute for Strategic Studies, 1, 19–29. Moscow. (In Russ.)
8. Kozhukhova, K. E. (2023). Kitajskaja strategicheskaja kul'tura = Chinese strategic culture. Moscow: Rusajns. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселев Сергей Георгиевич
доктор философских наук, профессор
профессор кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kiselev Sergey Georgievich
Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor
Professor of the Department of Political Science
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University
Professor of the Department of National Security at the Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration (RANEPA)

Статья поступила в редакцию	28.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	04.06.2025	accepted for publication

Арктическая стратегия Китая в XXI веке: от всеобъемлющего подхода к реалиям «постфевральской Арктики»

А. К. Магомедов

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
armagomedov@gmail.com*

Аннотация. Настоящая статья содержит ответ на вопрос, как китайский политический класс заново «придумывает» Арктику для того, чтобы: 1) консолидировать полярные концепты собственного населения; 2) манифестировать особые права Китая на Крайний Север для того, чтобы оспорить существующие арктические иерархии в сфере международных отношений. Цель работы – исследование доктринальных усилий китайских властей, направленных на продвижение интересов Китая в полярном регионе; выявление того, как Китай получает свободу действий в Арктике в «постфевральском» мире. Научная новизна: статья ставит под сомнение общепринятый тезис о том, что всеобъемлющий подход Пекина к полярному мегарегиону основан на принятой Китаем в 2018 году «Белой книге Арктики». Для того чтобы приблизиться к лучшему пониманию арктической политики Пекина, автор исследует ее малоизученный аспект – идеологическое творчество китайской политической и интеллектуальной элиты на культурной и географической почве Крайнего Севера. Материалы и методы: официальные документы КНР, тексты выступлений китайских чиновников и экспертов, данные, полученные из «первых рук» от китайских специалистов во время работы в университетах Шанхая в 2014 и 2023 годы. В качестве теоретических ориентиров, позволяющих понять новые аспекты китайской арктической политики, в настоящей статье используются познавательные модели конструктивизма и «критической геополитики». Результаты исследования. Идеологическое творчество китайских ученых, чиновников и военных подготовило официальные полярные доктрины и стратегии Китая, включая «Белую книгу Арктики». Российско-украинский конфликт, открывший в мировой политике эпоху «пост-февраля», стал моментом «стратегической возможности» для КНР. Готовность Москвы бросить вызов международному порядку делают ее естественным союзником Китая в Арктике.

Ключевые слова: Арктика, Китай, арктическая стратегия, полярная идентичность, «постфевральский Север»

Для цитирования: Магомедов А.К. Арктическая стратегия Китая в XXI веке: от всеобъемлющего подхода к реалиям «постфевральской Арктики» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 26–34.

Original article

China's Arctic Strategy in the 21st Century: From Developing a Comprehensive Approach to the Realities of the "Post-February Arctic"

Arabakhan K. Magomedov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
armagomedov@gmail.com*

Abstract: Relevance. The work provides an answer to the questions of how the Chinese political class is reinventing the Arctic in order to: 1) consolidate the polar views of its own population; 2) manifest China's special rights to the Far North in order to challenge the existing Arctic hierarchies in the sphere of international relations. The purpose of the paper is to study the doctrine efforts of the Chinese authorities aimed at promoting China's interests in the polar region; to identify how China gains freedom of action in the Arctic in the "Post-February" world. Scientific novelty: the article calls into question the generally accepted thesis that Beijing's comprehensive approach to the polar mega-region is based on the one adopted by China in 2018 the "White Book of the Arctic". In order to get closer to a better understanding of Beijing's Arctic policy, the author explores a little-studies aspect of this process – the ideological creativity of the Chinese political and intellectual elite in relation to the far North. Materials and methods: official documents of the People's Republic of China, texts of speeches by Chinese officials and experts, first-hand data from Chinese specialists while working at Shanghai universities in 2014 and 2023. Cognitive models of constructivism and "critical geopolitics" have become theoretical guidelines for understanding new aspects of Chinese Arctic policy. The results of the study. The ideological creativity of Chinese scientists, officials and the military has prepared China's official polar doctrines and strategies, including the Arctic White Paper. The Russian-Ukrainian conflict, which opened the era of "Post-February" in world politics, became a moment of "strategic opportunity" for the PRC. Moscow's willingness to challenge the international order make it a natural ally of China in the Arctic.

Keywords: Arctic, China, Arctic Strategy, Polar Identity, "Post-February North"

For citation: Magomedov, A. K. (2025). China's Arctic Strategy in the 21st Century: From Developing a Comprehensive Approach to the Realities of the "Post-February Arctic". *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(859), 26–34. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Новизна предлагаемой работы состоит в реинтерпретации общепринятого взгляда на содержание китайской арктической политики в XXI веке. Несмотря на значительное количество публикаций по данной тематике [Морозов, 2016; Сюнь Сюэнь, 2019; Kirchberger, 2016; Коньшев, Кобзева, 2017; Nykänen, 2017; Kuang, Ou, 2019; Yang, 2018; Lackenbauer et al., 2022], имеющаяся литература в массе своей воспроизводит распространенные стереотипы. В совокупности они составляют и воспроизводят общепринятую трактовку арктической политики Поднебесной в терминах «китайской угрозы», «исступленной экспансии» и «агрессивных намерений». Опасения перед «китайской угрозой» в Арктике сформулировали интеллектуальную базу многих исследований о геополитических процессах на Крайнем Севере. Основополагающий тезис сводился к неприятию китайского ревизионизма и к утверждениям о неразборчивости Пекина в выборе средств достижения своих целей в полярном регионе. С отмеченных позиций многие до сих пор рассматривают арктическую политику Китая в пугающих и алармистских терминах. Складывается впечатление, что Поднебесная назначена на роль «деструктивной силы» и «плохого парня» в борьбе за Крайний Север. Эту смесь антикитайских фобий и мифологических конструктов лучше всех высказала австралийская исследовательница

Элизабет Бьюкенан: «В гибридной модели политики Китая в Арктике совместные межгосударственные, многосторонние и экологические нарративы используются для маскировки агрессивных и непреклонных амбиций» [Бьюкенан, 2021, с. 55]. Подобные клише надолго определили массовый исследовательский тренд в отношении арктической политики Китая, при этом отнюдь не приблизив читателей к лучшему пониманию характера арктической политики Пекина.

Цель работы – исследовать идеологические и доктринальные усилия китайских властей, направленные на пересмотр существующих международных арктических иерархий и декларацию особых прав Китая на Крайний Север. В центре исследования – деятельность китайской элиты на пути создания арктической идентичности и пробуждения северного сознания в китайском обществе.

МЕТОДОЛОГИЯ

Для данного исследования наиболее продуктивным с точки зрения создания нового знания являются теоретические воззрения конструктивизма. Этот подход был предложен много лет назад Николасом Онуфом в его знаменитой книге «Мир, который мы создаем» [Onuf, 2013]. Конструктивисты рассматривают структуры международной системы как продукт социальных отношений

в обществе, который формируется благодаря совместному пониманию, ожиданиям и знаниям элиты и населения.

Мы следуем канонам классического конструктивизма, в рамках которого акцент делается на взаимосвязи между государственными интересами и идентичностями. Еще одним ракурсом конструктивистского подхода, позволяющим понять новые аспекты китайской арктической политики, является поиск признания и статусно-ориентированные усилия субъектов международных отношений. Речь идет о том, что желание быть признанным, так же, как поиск статуса и престижа, имеет важное значение для построения прочной идентичности и развития [Lindemann, 2013].

Другим методологическим ориентиром исследования стала парадигма «критической геополитики» [Agnew et al., 2020]. «Критический» подход важен для нашего исследования в одном исключительно значимом отношении: в переосмыслении международных отношений как дискурсивных практик. С помощью дискурсивных практик политические интересы и эгоизмы оформляются в виде интерпретаций, сценариев, геополитических образов и картографии.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

В процессе проведения исследования был рассмотрен большой круг разнообразных материалов и источников. В работе были использованы первичные документы: арктическая стратегия Китая, тексты выступлений и заявлений китайских, российских и западных официальных лиц по вопросам внешней политики и арктической стратегии. Газетные публикации, освещающие многие аспекты деятельности Китая в Арктике, также стали ценными источниками информации. Немалый научный интерес представляют также статьи, монографии, интервью и комментарии видных китайских и зарубежных специалистов по Арктике. Данные материалы дополняются ценнейшими суждениями, полученными автором из «первых рук» – от китайских ученых во время пребывания в университетах Шанхая в 2014 году в качестве приглашенного профессора. Совместная работа над научным проектом “Cryo-Geopolitics in the Arctic Region and the Arctic Countries’ New Arctic Policies”, которая проводилась в Центре арктических и океанических исследований Университета Тунцзи в апреле – мае 2023 года, дала автору статьи возможность регулярно обмениваться мнениями с китайскими специалистами по изучаемой теме. В число этих специалистов входили

профессора этого университета: Си Липинь (XIA Liping), Ван Чуансинь (WANG Chuancing) и Пан Мин (PAN Min); а также сотрудник Центра морских и полярных исследований Шанхайского института международных исследований (SIIS) Жао Лон (ZHAO Long). Возможно, некоторые из них сочтут, что анализ, проделанный в этой статье, недостаточен. И всё же благодаря взаимодействию автора статьи с китайскими коллегами исследование заметно обогатилось.

ПЕКИН ПРОТИВ «АРКТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ МОНРО»: НА ПУТИ К ВЫРАБОТКЕ КИТАЙСКОЙ АРКТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (2007–2012)

Подробное описание задач и интересов Китая в Арктике выходит за рамки данной статьи. Тем не менее необходимо в самых общих чертах обозначить, зачем Китаю нужна Арктика. Если говорить коротко и схематично, то регион Крайнего Севера важен для Пекина с точки зрения

- 1) открывающихся морских торговых маршрутов,
- 2) инфраструктурных и логистических возможностей,
- 3) научных исследований,
- 4) доступа к разнообразным сырьевым ресурсам.

Однако куда более важно выяснить, как Китай, будучи неарктическим государством, оказался политически и идеологически изобретателен в осуществлении своих полярных амбиций. КНР из всех сил пытается стать активным игроком в процессе формирования структуры управления Арктикой, где правила игры еще не полностью определены.

Пекин крайне болезненно реагировал на любое утверждение о том, что он остается второстепенным игроком в делах Крайнего Севера. Особенно резкой была реакция Китая на Нуукскую декларацию 2011 года, смысл которой сводился к принципу «Арктика – это Арктика арктических государств». Китайцы восприняли декларацию как «арктическую доктрину Монро», направленную на установление преград на пути участия неарктических стран в северных делах [Wright, 2013]. Китай стремился к тому, чтобы его голос был услышан в дебатах по арктической политике. Ему пришлось предпринять серьезные усилия, чтобы убедить восемь арктических государств (сообщество A8) в своем статусе законного участника процессов, происходящих в регионе. Без такого признания Пекину трудно было получить в 2013 году статус

наблюдателя в Арктическом совете – ключевой региональной межправительственной организации. Одним словом, Китаю пришлось поработать над тем, чтобы создать надежную арктическую идентичность [Lanteigne, 2017]. В эту работу были вовлечены силы четырех институций: Народно-освободительной армии Китая (НОАК); дипломатического корпуса; СМИ и университетов.

При этом необходимо внести уточняющую оговорку: мы не рассматриваем вопросы, связанные с эволюцией военно-морской и океанической стратегии КНР, равно как не изучаем практическую деятельность военно-морских сил НОАК. В нашу задачу также не входит подробное исследование различных аспектов практической деятельности дипкорпуса, СМИ и университетов. Нам важно показать лишь общую позицию Китая по вопросу о его геополитических правах в Арктике. Выработка позиции Китая по данному вопросу связана с информационным и перформативным характером усилий вышеозначенных институтов. Их деятельность направлена на внутреннюю китайскую аудиторию.

Роль армии. НОАК – одна из наиболее влиятельных организаций, поэтому направление ее деятельности следует учитывать при анализе самых актуальных проблем Китая. Наиболее популярным комментатором полярных проблем как в китайских, так и в зарубежных СМИ, можно признать контр-адмирала в отставке Янь Чжуо. Многие любят ссылаться на его заявление о том, что Арктика не является достоянием прибрежных полярных государств, она принадлежит всему миру. Китай может обладать неоспоримой ролью в освоении региона, поскольку у нас проживает одна пятая часть населения мира. Эта фраза всколыхнула западные СМИ, породив многочисленные комментарии и создав подозрительный настрой в зарубежной аналитической среде в отношении официального Пекина [Wright, 2013]. Более того, как отмечает Л. Якобсон, известный специалист по Китаю, в некоторых случаях старшие офицеры НОАК в своих публичных выступлениях не исключали даже возможности применения силы в Арктике¹. Текстовый объем статьи не позволяет приводить многочисленные высказывания подобного рода других военачальников. Отметим только то, что напористая стилистика в оценках Арктики в духе всеобъемлющего «общечеловеческого» подхода воспроизводилась и в последующие годы, хотя и с меньшей энергией².

¹Jakobson L. China Prepares for an Ice-Free Arctic // SIPRI Insights on Peace and Security. 2010. March. P. 1-14. URL: <http://books.sipri.org/files/PP/SIPRIIP26.pdf> (accessed: 22.10.2022).

²Dong Yongzai. Polar Security: A New Frontier for National Security // 极地安全: 国家安全的新疆域 Guanming Daily, 25 April 2021.

Роль дипломатического корпуса, СМИ и университетов. Аналогичная риторика нередко бывала присуща и китайским дипломатам. Например, посол Китая в Норвегии Чжао Цзюнь публично высказался в весьма откровенном и рискованном духе. Его заявление касалось многих сюжетов, начиная с того, что Китай является «почти арктическим государством», и заканчивая мыслью о том, что его страна является законным пользователем полярных водных путей [Wright, 2013, с. 8–9]. Созданием северной идентичности (изобретением «арктичности») занимались китайские СМИ, исследовательские центры и университеты. СМИ и ученые формируют взгляды, которые заставляют КПК действовать смело, защищая интересы Китая в Арктике³ [Wright, 2013]. Особое место в конструировании наступательной арктической идентичности Поднебесной занимает Китайский океанический университет в Циндао, где работает группа ученых под руководством харизматичного профессора Го Пейцина.

Громкая риторическая активность китайской стороны кажется нерациональной только на первый взгляд. На самом деле она вполне продумана. Такой информационный шум в СМИ призван довести до сведения западных обозревателей мысль о том, что народ КНР заинтересован в Арктике. Данный раздел выявляет еще один важный факт. Он заключается в следующем: интерпретировать начало арктической политики Пекина с заявлений Си Цзиньпина о том, что Китай должен стать «великой полярной державой» или с появления в 2018 году китайской полярной стратегии («Белая книга по Арктике»), неправомерно. Арктическая политика КНР берет свое начало в более ранних периодах китайской истории. Интеллектуальные и публичные усилия Китая по производству полярной идентичности по времени предшествуют приходу к власти Си Цзиньпина. Он лишь собрал воедино и сфокусировал в программных тезисах всё то, что вырабатывалось и до него.

КИТАЙСКИЙ ПУТЬ В АРКТИКУ: МОБИЛИЗАЦИЯ РИТОРИЧЕСКИХ И ДОКТРИНАЛЬНЫХ УСИЛИЙ (2014–2022)

С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 году арктическая политика Китая стала более конкретной. В 2014 году Си заявил, что «Китай должен стать великой полярной державой». В июне 2017 года Арктику включили в глобальную

³Andersson P. The Arctic as a «Strategic» and «Important» Chinese Foreign Policy Interest: Exploring the Role of Labels and Hierarchies in China's Arctic Discourses // Journal of Current Chinese Affairs. 2021. online 03.08.2021. P. 1–27. URL: <https://doi.org/10.1177/18681026211018699> (accessed: 22.19.2023).

китайскую инициативу «Пояс и путь» (BRI), а потенциально перспективные северные морские маршруты получили название «полярный шелковый путь»¹. Однако наиболее важным и заметным событием можно считать публикацию в январе 2018 года «Арктической политики Китая», получившей популярное название «Белая книга» Китая по Арктике. Доктрина, изложенная в этом документе, является новаторской в том смысле, что она не только связывает Арктику с китайской инициативой «Пояс и путь» через морские коммуникации, но добавляет в повествования об Арктике ярко выраженные геостратегические мотивы. В официальной арктической политике Китая Пекин заявляет, что будет «работать со всеми другими странами над построением сообщества единой судьбы человечества в арктическом регионе»². Одним из ключевых драйверов продвижения срочных китайских интересов в регионе стал климатический фактор, связанный с драматическим воздействием глобального потепления на Крайний Север. В Стратегии говорится, что риски, которым подвергается Арктика из-за глобального потепления, делают этот регион важным для всего международного сообщества, а не только для прибрежных стран.

С выработкой данного документа связано появление таких перформативных аспектов китайской полярной политики, как самопровозглашение Китая «ближнеарктическим» (или «околоарктическим») государством. Рядом с этим публичным заявлением стоит самодекларация Китая как «будущей полярной державы». Разумеется, указанные примеры можно назвать скорее риторическими новациями Пекина, нежели понятиями из сферы международных отношений. Тем не менее КНР активно использует эти определения для выражения своих северных амбиций.

Существует два глобальных нарратива Пекина, относящихся к полярному региону. Первый всеобъемлющий рассказ посвящен вызовам прибрежным китайским территориям. Им угрожают мировые катаклизмы: глобальное потепление и вызванное им быстрое таяние арктических льдов. Такая алармистская аргументация особенно настойчиво прозвучала в 2012 году в Монреале на престижной международной конференции:

«Многие китайцы поняли, что если ледяные поля Арктики и Антарктики тают, то последующее повышение уровня моря затронет береговую линию Китая. В результате самые густонаселенные и процветающие регионы страны, такие как Шанхай и Гуанчжоу, окажутся под водой, которая соединяет Арктику и прибрежные районы Китая через пространство океана»³. Аналогичная риторика, но в рамках изложения концепции «Китай как почти арктическое государство» продвигалась китайцами на международном форуме в Рейкьявике.

Второй всеобъемлющий арктический нарратив Пекина заключается в том, что регион Крайнего Севера был объявлен «глобальным общечеловеческим достоянием. Китайские официальные лица и спикеры начали говорить о наднациональной «полярной культуре», которая является достоянием всего мира, а не какой-либо страны. Параллельно делается вывод о необходимости создания «творческой и гармоничной полярной культуры для устойчивости планеты» [Грачиков, Чжоу, 2023, с. 70–83]. Данные заявления демонстрируют всесторонний подход Пекина к региону Крайнего Севера [Guo, Chen, 2012].

АРКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ПЕКИНА В «ПОСТФЕВРАЛЬСКИЙ» ПЕРИОД

Термином «постфевральская» Арктика мы обозначаем масштаб и природу изменений, которые произошли в этом мегарегионе после 24 февраля 2022 года.

Вопрос, требующий ответа в рамках данного раздела, заключается в следующем: как российско-украинский конфликт повлиял на текущие стимулы и долгосрочные политические интересы Китая в Арктике? Многие обратили внимание на то, что менее чем за три недели до начала российского СВО на Украине Президент РФ Владимир Путин подписал с Си Цзиньпином в Пекине пакт о безопасности «без ограничений» и «сотрудничестве без границ». Отдельным абзацем совместного заявления двух лидеров стоит фраза: «Стороны согласились последовательно углублять практическую кооперацию в области устойчивого развития Арктики»⁴.

¹China's Arctic Policy. Belt and Road Portal // The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 26, 2018. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/46076.htm>. (accessed: 25.02.2023).

²China's Arctic Policy // The State Council Information Office of the People's Republic of China, January 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 11.12.2022).

³Speech by J. Guide "On China-Nordic Arctic Cooperation" at Arctic Circle. November 1, 2014 // Department of Treaty and Law of Ministry of Foreign Affairs, People's Republic of China. URL: <http://vimeo.com/111294770> (accessed: 10.12.2023).

⁴Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. 4 февраля 2022 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 14.11.2023).

Усиление сотрудничества между Москвой и Пекином в полярном регионе является одним из крупных международных результатов российско-украинского конфликта. Китай получает исторический шанс превратиться в приоритетного партнера России в полярном регионе. Первоначальный паралич и последовавшая деградация Арктического совета можно рассматривать как ключевые события, определившие начало новой позиции Китая в Арктике. Дegradiрующий Арктический совет дает Пекину небывалый прежде шанс реализовать свою полярную политику в следующих направлениях:

- 1) интернационализировать арктический регион, выступая в качестве глобального миротворца;
- 2) укрепить широкое сотрудничество с Россией.

Анализ арктической политики Пекина в «пост-февральский» период будет сосредоточен на двух наиболее значимых вехах – дискуссии на международной конференции «Полярный круг» в Рейкьявике в ноябре 2022 года и стремительном сближении российско-китайских интересов в регионе.

Свою идею интернационализации Арктики китайская сторона проводит через публичные наступательные дискуссии с американской стороной на международных полярных форумах. Главная битва развернулась на солидной международной конференции «Полярный круг», которая состоялась в Рейкьявике в ноябре 2022 года. Глава военного комитета НАТО адмирал Роб Бауэр обрушился с критикой на Россию и Китай, настаивая на опасности наметившегося российско-китайского альянса в Арктике как угрозы международной безопасности в регионе. При этом западная сторона настаивала на том, что российско-украинский конфликт тесно связан с глобальными амбициями России и Китая на Крайнем Севере. Дословно адмиралом было сказано следующее: «В своем совместном заявлении в феврале 2022 года Китай и Россия заявили о планах активизировать сотрудничество в Арктике. Два авторитарных режима, которые не разделяют наших ценностей и не уважают основанный на правилах международный порядок, работают вместе в и без того хрупком регионе. Было бы наивно думать, что российско-китайская координация своих действий на Крайнем Севере и начало российско-украинского конфликта является простым совпадением. Эти события тесно связаны. Сдвиг в российско-китайских отношениях служит замечательным примером того, как события за пределами региона могут влиять на Арктику»¹. В конце своей

речи адмирал призвал китайского посла в Исландии Хэ Рулонга осудить действия России на Украине в связи с началом СВО. Китайский дипломат в своем ответе натовскому адмиралу изложил позицию Пекина в отношении Арктики в новых условиях. Он начал свою речь с того, что охарактеризовал замечания Роба Бауэра как «надменные» и «параноидальные». Хэ Рулонг отметил далее, что Китай позиционирует себя как миротворец в международных делах, включая отношения в полярном мегарегионе. В ответ на призыв осудить действия России на Украине, посол ответил, что Китай рассматривает отдельно такие разные вопросы, как российско-украинский конфликт и арктические дела. Действия НАТО были названы циничными – направленными на превращение двух отдельных и не связанных между собой вопросов (российско-украинский конфликт и ситуацию на Крайнем Севере) – в предмет высокой политики².

Однако эта громкая дискуссия скрывает настоящему переломные тенденции. Кризис арктического международного порядка намного выгоднее для Китая, нежели существование четких правил игры и наличие ясного пути выхода из текущего кризиса. Во время встречи с В. Путиным в марте 2023 года Си Цзиньпин не без удовлетворения отметил, что считает себя не только бенефициаром мировых потрясений, но и одним из их архитекторов³. Что касается Арктики, то обширная полярная география и репутация государства-ревизиониста делают Россию союзником Китая не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе. Россия, исторически ревниво относившаяся к своим национальным интересам в Арктике, после введения западных санкций стала наращивать связи с Китаем в сфере освоения Крайнего Севера.

Разговоры о том, чтобы объединить потенциал Северного морского пути с возможностями китайской инициативы «Один пояс, один путь» (BRI), ходили давно⁴. Однако во время мартовского (2023)

URL: https://www.youtube.com/watch?v=6n6GEu00_dM (accessed: 04.06.2023).

²Admiral Rob Bauer, «NATO and the Arctic» (Arctic Circle 2022: A NATO admiral, Chinese diplomat, and Faroese metal band walk into a concert hall. URL: <https://www.cryopolitics.com/2022/10/19/arctic-circle-2022/> (accessed: 04.06.2023); Seong Hyeon Choi. Western sanctions and distrust draw China, Russia closer in the Arctic // South China Morning Post. July 25, 2023. URL: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/3228477/western-sanctions-and-distrust-draw-china-russia-closer-arctic> (accessed: 17.12.2023).

³Gabuev A. Putin and Xi's Unholy Alliance. Why the West Won't be Able to Drive a Wedge Between Russia and China // Foreign Affairs. April 9, 2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/china/putin-and-xis-unholy-alliance> (accessed: 12.04.2024).

⁴Filippova, L. (2023). China's New Role in the Arctic. Valdai Discussion Club. May 31. Retrieved from <https://valdaiclub.com/a/highlights/china-s-new-role-in-the-arctic/> (accessed: 20.01.2024).

¹Admiral Rob Bauer – Q&A FULL SESSION Admiral Rob Bauer answers questions from the audience at the #ArcticCircle2022. URL: www.arcticcircle.org <https://www.youtube.com/watch?v=DMdxpc7nWGg> (accessed: 04.06.2023); Admiral Rob Bauer, Chair of the Military Committee, NATO at the #ArcticCircle2022.

визита китайского лидера в Москву произошло событие, на которое мало кто обратил внимание. Речь идет о решении, которое было озвучено Президентом Путиным в ходе переговоров: «Мы считаем, что сотрудничество с китайскими партнерами в развитии транзитного потенциала Северного морского пути является многообещающим. Как я уже сказал, мы готовы создать совместный рабочий орган по развитию Северного морского пути»¹. Кризис Арктического совета предоставляет Китаю идеальный шанс для совместного с Россией влияния на управление регионом и создания новых норм и правил. Сегодня Пекин не нуждается ни в чьей поддержке для продвижения своих интересов в направлении Северного морского пути. Единственное условие преуспевания Китая в Арктике – это одобрение Москвы. Китай сотрудничает с Россией в регулировании СМП на основе международного морского права и не оспаривает тот факт, что этот район является внутренними водами России. Разумеется, отношения между Россией и Китаем далеко не идеальны, между двумя странами имеются противоречия. Их рассмотрение не входит в нашу задачу, для этого потребовалось бы отдельное исследование. Однако тот факт, что российско-китайское сотрудничество развивается и ускоряется по многим направлениям, похоронил расчеты и усилия Запада по применению старого принципа «разделяй и властвуй» к историческим судьбам России и Китая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аналитический инструментарий и подходы конструктивистской парадигмы и «критической геополитики», несомненно, обладают немалым

познавательным потенциалом для понимания арктической политики Китая. Данные методологии позволили взглянуть на китайскую арктическую политику не только как на процесс, который движется интересами и институтами, но и как на большую дискурсивную стратегию, включающую в себя различные интерпретации, геополитические образы и картографические возможности.

Китай предпринял настойчивые идеологические и доктринальные усилия для того, чтобы подвергнуть публичному пересмотру существующий международный арктический порядок и заявить о своих особых правах на Крайний Север. Как было показано, в центр формирования китайской полярной политики выходят геополитические нарративы, которые позиционируют китайскую арктическую принадлежность и уникальность. В этих нарративах заложено понимание того, как китайские политики, дипломаты и интеллектуалы мобилизуют символические и идейные ресурсы для участия в арктических делах. Благодаря совместным усилиям китайские элиты сделали шаг вперед в создании арктической идентичности и пробуждении северного сознания в китайском обществе. Китай заново «придумывает» Арктику для того, чтобы бросить вызов существующим международным иерархиям в регионе Крайнего Севера.

Российско-украинский конфликт оказал существенное влияние на характер текущих стимулов и долгосрочные политические интересы Китая в Арктике. Дезорганизация международного порядка и упадок полярных институтов стали звездным часом для Китая в реализации своих амбиций на Крайнем Севере. Поворотный момент упомянутого «постфевраля» заключается в том, что эти события были восприняты китайскими аналитиками как «момент стратегической возможности». В контексте этих событий Китай как ревизионистское государство получает свободу дипломатических, политических и экономических действий в Арктике.

¹Russian-Chinese Talks by Vladimir Putin and President of the People's Republic of China Xi Jinping are holding talks at the Kremlin March 21, 2023.
URL: <http://en.kremlin.ru/catalog/persons/351/events/70748> (accessed: 17.11.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Морозов Ю. В. Китай в Арктике: цели и риски для российско-китайских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 21–32.
2. Сюнь С. Мягкая сила Китая в Арктике // Азия и Арктика сегодня. 2019. № 2. С. 53–57.
3. Kirchberger S. China's Maritime Interests in the Arctic Region: Military Capabilities and Possible Intensions // Maritime Security Challenges: Focus High North. Papers from the Kiel Conference / Ed. by S. Bruns, A. J. Neumann. Kiel: Institute for Security Policy Kiel University, 2016. P. 34–46.
4. Конышев В. Н., Кобзева М. А. Политика Китая в Арктике: традиции и современность // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 77–92.

5. Nykänen T. A. Common Heritage: The Place of the Arctic in the Chinese and Finnish Discourses // *Arctic Law and Governance: The Role of China, Finland and the EU* / Ed. by T. Koivurova, T. Qin, T. Nykänen et al. Oxford: Hart Publishing, 2017. P. 131–150.
6. Kuang Z., Ou K. Новая политика Китая в Арктике // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 7. С. 84–91.
7. Yang J. An Interpretation of China's Arctic Policy // *Policy Journal*. 2018. Vol. 26. № 3. P. 1–11.
8. Lackenbauer W., Lajennesse A., Dean R. Why China is not a peer Competitor in the Arctic // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. 2022. September–October. P. 80–97.
9. Бьюкенан Э. Гибридная стратегия Китая в Арктике // *Per Concordiam*. Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы. Европейский Центр им. Маршалла. 2021. Т. 11. № 3. С. 54–60.
10. Onuf, N. *World of Our Making Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. New York: Routledge, 2013.
11. Lindemann, Th. The Case for an Empirical and Social-Psychological Study of Recognition in International Relations // *International Theory*. 2013. № 5 (1). P. 473–492.
12. Agnew, J. et al. Geopolitics at 25: An Editorial Journey Through the Journal's History. Special Section: Domesticating Geopolitics // *Geopolitics*. 2020. Vol. 25. № 5. P. 1199–1227.
13. Wright D. China's Growing Interest in the Arctic // *Journal of Military and Strategic studies*. 2013. Vol. 15. № 2. P. 50–70.
14. Lanteigne M. Walking the Walk: Science Diplomacy and Identity-Building in Asia-Arctic Relations // *Jindal Global Law Review*. 2017. Vol. 8. P. 87–101.
15. Wright T. China's New Arctic Stratagem: A Strategic Buyer's Approach to the Arctic // *Journal of Military and Strategic Studies*. 2013. Vol. 15. № 1. P. 1–36.
16. Грачиков Е. Н., Чжоу С. Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 8. С. 70–83.
17. Chen G. China's Emerging Arctic Strategy // *The Polar Journal*. 2012. № 2. P. 358–371.

REFERENCES

1. Morozov, Yu. V. (2016). China in the Arctic: Goals and Risks for Russian-Chinese Relations. *Problems of the Far East*, 5, 21–32. (In Russ.)
2. Xun, S. (2019). China's Soft power in Arctic. *Asia and the Arctic Today*, 2, 53–57. (In Russ.)
3. Kirchberger, S. (2016). China's Maritime Interests in the Arctic Region: Military Capabilities and Possible Intensions. *Maritime Security Challenges: Focus High North* (pp. 34–46). Papers from the Kiel Conference. Ed. by S. Bruns, A. J. Neumann. Kiel: Institute for Security Policy Kiel University.
4. Konyshov, V. N., Kobzeva, M. A. (2017). China's Policy in the Arctic: Traditions and Modernity. *Comparative Politics*, 8(1), 77–92. (In Russ.)
5. Nykänen, T. (2017). A Common Heritage: The Place of the Arctic in the Chinese and Finnish Discourses. In T. Koivurova, T. Qin, T. Nykänen et al. (eds). *Arctic Law and Governance* (pp. 131–150): The Role of China, Finland and the EU. Oxford: Hart Publishing.
6. Kuang, Z., Ou, K. (2019). China's New Arctic Policy. *World Economy and International Relations*, 63(7), 84–91. (In Russ.)
7. Yang, J. (2018). An Interpretation of China's Arctic Policy. *Policy Journal*, 26(3), 1–11.
8. Lackenbauer W., Lajennesse A., Dean R. (2022). Why China is not a peer Competitor in the Arctic (pp. 80–97).. *Journal of Indo-Pacific Affairs*. September–October.
9. Buchanan, E. (2021). China's Hybrid Arctic Strategy. *Per Concordiam*. *Journal of European Security and Defence*. European Center named after Marshall, 11(3), 54–60. (In Russ.)
10. Onuf, N. (2013). *World of Our Making Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. New York: Routledge.
11. Lindemann, Th. (2013). The Case for an Empirical and Social-Psychological Study of Recognition in International Relations. *International Theory*, 5(1), 473–492.
12. Agnew, J. et al. (2020). Geopolitics at 25: An Editorial Journey Through the Journal's History. Special Section: Domesticating Geopolitics. *Geopolitics*, 25(5), 1199–1227.
13. Wright, D. (2013). China's Growing Interest in the Arctic. *Journal of Military and Strategic studies*, 15(2), 50–70.
14. Lanteigne, M. (2017). Walking the Walk: Science Diplomacy and Identity-Building in Asia-Arctic Relations. *Jindal Global Law Review*, 8, 87–101.

15. Wright, T. (2013). China's New Arctic Stratagem: A Strategic Buyer's Approach to the Arctic. *Journal of Military and Strategic Studies*, 15(1), 1–36.
16. Grachikov, E. N., Zhou X. (2023). National Interests of China: connotations, hierarchy, balancing. *World Economy and International Relations*, 67(8), 70–83. (In Russ.)
17. Chen, G. (2012). China's Emerging Arctic Strategy. *The Polar Journal*, 2, 358–371.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Магомедов Арбахан Курбанович

доктор политических наук

главный научный сотрудник

профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики

Российского государственного гуманитарного университета

профессор кафедры зарубежного регионоведения

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Magomedov Arbakhan Kubranovich

Doctor of Political Sciences (Dr. habil.)

Senior Research Fellow

Professor of Department of International Relations and Foreign Regional Studies

Russian State University for the Humanities

Professor of Department of Foreign Regional Studies

Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

03.03.2025
12.04.2025
04.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Глобальное управление мировым океаном как концепция внешней политики Китая

М. Е. Навдаева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
navdayka6848@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные концепции и инициативы Китая в области глобального управления океаном. Отмечается, что в настоящее время идея глобального управления занимает ключевое место во внешнеполитической деятельности Китайской Народной Республики и ее позиционировании себя на мировой арене. Политика Китая отражает его ответственный подход к решению мировых проблем и стремление к лидерству на рынке глобальных общественных благ. В этом процессе важное место занимает реализация идеи глобального управления океаном. Ее суть заключается в призыве КНР к сплочению различных стран для решения глобальных проблем Мирового океана. В статье рассматриваются основные концепции, связанные с глобальным управлением океаном: морское сообщество единой судьбы, морская экологическая цивилизация, а также важные проекты по сотрудничеству на море – Морской Шелковый путь и голубое партнерство. Соответственно, цель исследования заключается в анализе концепций и инициатив Китая в области глобального управления океаном. По результатам анализа эмпирического материала в статье дается оценка вклада Китая в мировое развитие.

Ключевые слова: глобальное управление, глобальное управление мировым океаном, морское сообщество единой судьбы, морская экологическая цивилизация, Морской Шелковый путь, голубое партнерство

Для цитирования: Навдаева М. Е. Глобальное управление мировым океаном во внешней политике Китая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 35–43.

Original article

Global Governance of the World Ocean as a Concept of China's Foreign Policy

Maria E. Navdaeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
navdayka6848@list.ru

Abstract. The article examines China's key concepts and initiatives in global ocean governance. It is noted that the idea of global governance currently plays an important role in China's foreign policy and its positioning on the world stage, which reflects China's responsible approach to solving global problems and its desire for leadership in the global public goods market. An important place in this process is occupied by the implementation of the idea of global ocean governance, the essence of which lies in China's call for the transformation of ocean governance mechanisms and the unification of countries to solve global problems of the World Ocean. The article examines the main concepts related to global ocean governance, which are a maritime community with a shared future, a marine ecological civilization, as well as important maritime cooperation projects, such as the Maritime Silk Road and the Blue Partnership. The purpose of the article is to analyse China's concepts and initiatives in the field of global ocean governance and to assess their contribution to global development.

Keywords: global governance, global world ocean governance, maritime community with a shared future, marine ecological civilization, Maritime Silk Road, blue partnership

For citation: Navdaeva, M. E. (2025). Global World Ocean governance in China's foreign policy. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(859), 35–43. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Характерной чертой первой четверти XXI века стало увеличение роли незападных государств в международной политике, что особенно ярко наблюдается на примере Китайской Народной Республики, которая сегодня является «экономическим и политическим гигантом» [Глобальное управление: возможности и риски, 2015, с. 217]. Модель политического поведения Китая на мировой арене претерпела существенную трансформацию. Китай радикально переориентировался от идеи оставаться в тени и не проявлять себя (конец 1980 — начало 1990-х) до мирного возвышения (2000-е годы) и глобального управления настоящего времени. Данная политическая метаморфоза отчетливо демонстрирует желание Китая играть более весомую роль в мире посредством реализации глобальных проектов.

Сегодня во внешней и внутренней политике государств возрастает роль морей, что обуславливается их экономической значимостью и большой долей морских перевозок в мировой торговле. В связи с этим проблемы Мирового океана выходят на видное место в международной повестке. Так, океан имеет ключевое значение для развития Китая, его становления в качестве великой морской державы и увеличения мирового статуса. Китай выдвигает идею глобального управления океаном, которая концептуально осмысливается в морском сообществе единой судьбы, в морской экологической цивилизации и реализуется через такие проекты, как Морской Шелковый путь, голубое партнерство.

В российской научной мысли тематика становления Китая как глобального лидера обсуждается достаточно широко. Китайская тема присутствует, например, в трудах Я. В. Лексютинной [Лексютинна, 2020], К. К. Меркулова [Меркулов, 2024], в монографии авторов ИМЭМО РАН «Глобальное управление: возможности и риски» [Глобальное управление ... 2015]. Также существует большой пул исследований, посвященных реализации Морского Шелкового пути Китая [Бевеликова, Петровский, 2021; Комиссина, 2017; Игнатьев, 2018].

Вместе с тем в настоящее время отсутствуют работы, в которых бы последовательно и целенаправленно рассматривалась идея КНР о глобальном управлении океаном или морской

экологической цивилизацией и морском сообществе единой судьбы. Недостаточное количество исследований по интересующей нас теме определяет необходимость проведения данной работы и обуславливает конечную цель исследования: проанализировать концепции и инициативы Китая в области глобального управления океаном, дать оценку их вкладу в мировое развитие и в повышение мировой роли Китая.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Разработка внешнеполитических концепций относится к сфере деятельности политических и военных элит, а также экспертного сообщества государства. Ввиду этого в качестве методологической основы исследования были выбраны конструктивизм и теория элит. В КНР к общественным группам, определяющим внешнеполитические нарративы, следует отнести, в первую очередь, Коммунистическую партию во главе с генеральным секретарем Си Цзиньпином, который вместе с тем является председателем КНР и Центрального военного совета; Министерство иностранных дел, Министерство национальной обороны, Всекитайское собрание народных представителей и некоторые другие органы власти. Ключевыми аналитическими институтами, которые воздействуют на формирование и продвижение внешнеполитических концепций, являются Китайская академия общественных наук, Институт международных исследований (中国国际问题研究所 чжунго гоцзи взньти яньцзюсо) и др. Все эти субъекты формируют дискурс о необходимости увеличения морской силы КНР, расширения ее присутствия в Мировом океане, а также разрабатывают (или заимствуют уже существующие и преобразовывают в соответствии со своими целями и интересами) концепции. Например, Чэнь Ханьчжи отмечает, что политические элиты КНР, с учетом ее растущей глобальной роли, определяют не только внешнеполитическую стратегию, но и базовые векторы мировой политики [Чэнь Ханьчжи, 2024].

Что касается конструктивизма, то он не существует вне заданного контекста. Как точно указывает П. А. Цыганков, социальная действительность не существует сама по себе, парадигмы, теории, понятия

являются орудиями конструирования международной реальности; они создают международные факторы, события и процессы [Цыганков, 2025]. Это позволяет говорить о том, что через создание дискурса о великой морской державе и различных морских проектах, таких как Морской Шелковый путь, глобальное управление океаном и другие, Китай влияет на формирование международной реальности в контексте морской политики. Это оказывает значительное влияние на формирование восприятия Китая в качестве лидера в данной сфере.

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ВЕДУЩАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КНР ТЕКУЩЕГО ПЕРИОДА

По мере роста экономической и политической мощи Китая, которую мы наблюдаем последние несколько десятилетий, кардинально менялась сущность его внешнеполитических концепций. Они отражали присущее Китаю видение себя на мировой арене. Осторожная стратегия «хладнокровно наблюдать, оставаться в тени, не проявлять себя и не лезть на первое место», которую представил Дэн Сяопин на стыке 1980–1990-х годов, вскоре сменилась на менее созерцательное и более активное, более наступательное «мирное возвышение» («和平崛起» хэпин цзюэци) Ху Цзиньтао после его прихода к власти в 2003 году. Сегодня амбиции КНР продвинулись намного дальше: страна стремится к увеличению своей роли в решении мировых вопросов и к повышению своего статуса на мировой арене через реформу системы глобального управления, о чем заявил председатель Си Цзиньпин в 2018 году [Комиссина, 2021]. Китай указывает на проблемы, существующие в современном международном миропорядке, и предлагает свои сценарии их решения. Эти сценарии отражают ценностные установки Китая. Как отмечают исследователи, китайская система ценностей может служить инструментом для продвижения позиции государства [Пупышева, 2020] и выдвижения его претензии на статус полноценного игрока [Белозёров, 2021] на мировой политической арене. В. Б. Кашин также указывает, что «великая держава невозможна без собственного глобального видения»¹. Соответственно, развитие внешнеполитической идеологии Китая является необходимой составляющей роста его статуса в мире.

¹Кашин В. Китай и дискурсивная сила // Российский совет по международным делам (РСМД). 1 февраля 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-diskursivnaya-sila/> (дата обращения: 03.04.2025).

Рост «самосознания КНР как мирового лидера» и тенденция к заявлению об «амбициях по реформированию мирового порядка» четко прослеживается именно после прихода в Китае к власти пятого поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином [Меркулов, 2024]. В настоящее время ключевой внешнеполитической задачей Китая становится расширение его участия в глобальном управлении [Лексюткина, 2020], что всё чаще транслируется в речах его представителей на различных международных платформах. Таким образом, Китай демонстрирует ответственный подход к решению мировых проблем, успешно отвечает на внешние вызовы. Как отмечает Ху Бо, официальные заявления правительства Китая (и отдельных его представителей) являются неотъемлемой частью обязательств крупной державы по поддержанию мирового порядка [Ху Бо, 2020]. Вместе с тем политика Китая связана с его стремлением ко всё более активному присутствию на рынке глобальных общественных благ и завоеванию лидерства в этом вопросе [Комиссина, 2021].

В рамках концепции глобального управления КНР предлагает различные идеи, такие как «Один пояс – один путь», сообщество единой судьбы, инициатива глобального развития, глобальная цивилизационная инициатива, инициатива глобальной безопасности, экологическая цивилизация и другие. Среди этих идей важное место занимают проекты, связанные с реализацией морской политики и направленные на расширение участия КНР в глобальном управлении океаном: Морской Шелковый путь, голубое партнерство, морское сообщество единой судьбы, морская экологическая цивилизация.

СУЩНОСТЬ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОКЕАНОМ

Моря и океаны в настоящий момент играют важную роль в экономике и политике Китая. Поэтому он уделяет приоритетное внимание возникающим в данной сфере проблемам и призывает к глобальному управлению океаном. КНР выделяет несколько ключевых проблем, которые оказывают деструктивное влияние на международный морской порядок. Во-первых, возросшие риски для безопасности, такие как пиратство, контрабанда, транснациональная преступность, загрязнение окружающей среды, изменение климата². Во-вторых, деятельность США

²URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20610045>. (дата обращения: 03.04.2025).

по сохранению своей глобальной гегемонии¹, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которая приводит к блоковому характеру международного морского порядка² и росту конфронтационных настроений. Наконец, в-третьих, обострение конфликтов, инспирированных территориальными проблемами. (К ним относятся проблемы принадлежности некоторых территорий, расположенных в морском пространстве, таких как острова, рифы, а также проблемы использования морских вод для освоения природных ресурсов³).

В связи с этим Китай указывает на необходимость реформирования и совершенствования системы глобального управления океаном, создания справедливого международного морского порядка совместными усилиями с другими странами⁴, построения глобальной морской многополярной модели («全球海上多极格局的发展» цюаньцю хайшан доцзи гэцзюй дэ фачжань) [胡波, 2020]. Для решения приведенных территориальных проблем, возникающих в рамках международного сообщества, предлагается следующее⁵. Во-первых, трансформировать механизмы управления океаном и ускорить их развитие с упором на существующие соглашения и Конвенцию ООН по морскому праву. Во-вторых, развивать механизмы глобального управления океаном на трех уровнях: международном, региональном и национальном, уделяя внимание координации между ними и избегая дублирования их действий. В-третьих, бороться с традиционными и нетрадиционными угрозами безопасности в Мировом океане, обеспечивая общую и равную безопасность. Подчеркивается необходимость «отказаться от менталитета холодной войны», «вырваться из порочного круга безопасности с нулевой суммой». В-четвертых, предлагается увеличивать роль занимающихся изучением океана неправительственных организаций, научно-исследовательских и аналитических институтов в глобальном управлении океаном. Наконец, основой концепции мирового океана должно стать его устойчивое развитие океана согласно пункту 14 Целей устойчивого развития

ООН, а человечество должно найти баланс между освоением океана и его защитой.

КНР также рассматривает возможность сопряжения глобального управления океаном и трех «глобальных инициатив», предложенных им ранее: инициативы глобального развития, глобальной цивилизационной инициативы, инициативы глобальной безопасности. Об этом заявил министр иностранных дел Ван И во время выступления на симпозиуме по глобальному морскому сотрудничеству и управлению морями и океанами в ноябре 2024 года⁶. В результате Китай предлагает «содействовать высококачественному и устойчивому морскому развитию, поддерживать всеобщую и долгосрочную морскую безопасность и способствовать глобальным обменам по морским цивилизациям»⁷.

Китайское видение глобального управления океаном заключается главным образом в необходимости сплочения всех стран перед лицом международных вызовов, поскольку Мировой океан является достоянием и основой жизнедеятельности всего человечества. Эта идея была концептуализирована в «морском сообществе единой судьбы» («海洋命运共同体» хайян миньюнь гунтунти), которое представляет собой составную часть идеи «сообщества единой судьбы человечества» (人类命运共同体 жэньлэй миньюнь гунтунти), выдвинутой в 2012 году. Наиболее емко сущность морского сообщества единой судьбы выражена в словах Си Цзиньпина: «Голубая планета, на которой мы живем, не разделена океаном на отдельные острова, а соединена им в сообщество единой судьбы»⁸.

Еще одной важной концепцией в рамках рассматриваемой темы является «морская экологическая цивилизация» («海洋生态文明» хайян шэнтай вэньмин), которая является частью «экологической цивилизации» («生态文明» шэнтай вэньмин). Ее главной целью выступает привлечение внимания общественности к экологическим проблемам океана [马红, 张庆伟, 2021].

Сущность этой концепции состоит в нескольких основных установках. Во-первых, придерживаться выдвинутой Си Цзиньпином идеи «гармонии между человеком и морем» («人海和谐» жэнь хай хэсе), что подразумевает поиск баланса между бережным отношением к морской среде и ее защитой, с одной стороны, и необходимостью использования океана и его ресурсов в экономических целях – с другой. Во-вторых, осуществлять контроль

¹URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/0905/c31521-10143222.html>. (дата обращения: 03.04.2025).

²URL: <http://sc.people.com.cn/n2/2022/1125/c345460-40209233.html>. (дата обращения: 03.04.2025).

³Там же.

⁴赵昕. 海洋经济发展现状、挑战及趋势 // 人民论坛. 2022. № 05 = Чжао Синь. Современное состояние, проблемы и тенденции развития морской экономики // Народный форум. 2022. № 5. URL: http://paper.people.com.cn/rmlt/html/2022-09/20/content_25947705.htm (дата обращения: 03.04.2025).

⁵URL: <http://sc.people.com.cn/n2/2022/1125/c345460-40209233.html>. (дата обращения: 03.04.2025).

⁶URL: <https://russian.news.cn/20241126/f8cc76be047547e49dcac730e8ae82c2/c.html>. (дата обращения: 03.04.2025).

⁷Там же.

⁸URL: http://nr.gd.gov.cn/xwdtnew/hydt/content/post_4270193.html. (дата обращения: 03.04.2025).

над загрязнениями на суше и море и комплексное управление морской экологией. В-третьих, совместно создать сообщество единой морской судьбы, что предполагает рассмотрение защиты морской среды как территории, вверенной общей ответственности всех стран с целью создания лучших условий для проживания человечества.

Данная концепция играет важную роль в демонстрации ответственности Китая за сохранение и улучшение морской экологии, а следовательно, также оказывает влияние на завоевание лидерства в этой сфере. Как отмечают китайские исследователи, морская экологическая цивилизация вносит вклад в развитие морской экономики и стимулирует глобальное управление морской экологией, является неотъемлемым условием создания глобальной экологической цивилизации и реализации устойчивого развития, играет важную роль в строительстве сообщества единой морской судьбы [马红, 张庆伟, 2021; 陈红敏, 李琴, 包存宽, 2023]. Наконец, создание морской экологической цивилизации служит цели великого возрождения китайской нации [文学禹, 2023].

Соответственно, можем говорить о том, что сотрудничество лежит в основе понятия Китая о глобальном управлении океаном и красной нитью проходит через все указанные концепции. В этой связи необходимо упомянуть о таком международном проекте, как Морской Шелковый путь, а также о голубом партнерстве.

МОРСКОЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И ГОЛУБОЕ ПАРТНЕРСТВО

Транслируемые Китаем ценности сотрудничества с другими странами в области решения проблем Мирового океана могут найти отражение в практически реализуемых проектах, таких как Морской Шелковый путь и голубое партнерство.

В 2013 году Си Цзиньпин объявил о реализации Китаем глобального проекта по международному сотрудничеству – «Одного пояса, одного пути» («Один пояс, один путь» и дай и лу), состоящего из Экономического пояса Шелкового пути («丝绸之路经济带» сычоу чжи лу цзинцзи дай) и Морского Шелкового пути XXI века («二十一世纪海上丝绸之路» эр ши и шицзи хай шан сычоу чжи лу)¹. Целью этого проекта стало развитие транспортной и инвестиционной инфраструктуры и экономических связей Китая с другими государствами. КНР позиционирует этот

проект как практическую платформу реализации идеи о сообществе единой судьбы².

Морской Шелковый путь включает три основные вектора: 1) из КНР в Южную часть Тихого океана; 2) из КНР через Малаккский пролив и Индийский океан на Ближний Восток и в Европу; 3) из КНР через Арктику в Европу. Ключевыми областями сотрудничества являются развитие морской инфраструктуры и сообщения, обеспечение безопасности морских транспортных путей, экономическое взаимодействие в туризме, морских научных исследованиях и технологиях, рыболовстве, опреснении воды и так далее [刘赐贵, 2014].

«Один пояс – один путь» закреплён в таких документах, как «Концепция сотрудничества на море в рамках инициативы “Один пояс – один путь”» 2017 года³ и Белая книга «Вместе строим “Один пояс – один путь”: главные практические шаги построения сообщества единой судьбы человечества» 2023 года⁴. В последнем документе изложены результаты реализации проекта за десять лет. В «Концепции» подчеркивается роль океана в социально-экономической жизни человечества, важность развития морской экономики, разработки ресурсов и защиты морской экологии. Также в документе предлагается программа международного сотрудничества по созданию морских промышленных парков, торгово-экономических зон, морских транспортных коридоров и портовой системы; по поддержанию безопасности судоходства, борьбе с пиратством и преступностью; по разрешению последствий природных бедствий, а также по развитию морского туризма.

С Морским Шелковым путем тесно связана объявленная в 2017 году концепция голубого партнерства («蓝色伙伴关系合作» ланьсэ хобань гуаньси хэцзо). Ее целью является устойчивое управление океаном, развитие морской экономики и защита морской среды в рамках сотрудничества по Морскому Шелковому пути⁵. В 2022 году на конференции ООН по океану КНР представила основные принципы голубого партнерства: борьба с изменением климата, уменьшение морских загрязнений, защита морских экосистем, развитие

²URL: http://nr.gd.gov.cn/xwdtnew/hydt/content/post_4270193.html. (дата обращения: 03.04.2025).

³URL: https://russian.news.cn/2017-06/20/c_136381457.htm. (дата обращения: 03.04.2025).

⁴URL: https://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6907994.htm. (дата обращения: 03.04.2025).

⁵梁国杰, 李俊霖. «蓝色伙伴关系» 为构建海洋命运共同体提供中国方案 // 中国社会科学网. 2024 = 梁 国杰, 李 俊霖. «Голубое партнерство» предлагает решение для построения морского сообщества единой судьбы с китайской спецификой // Сайт китайских социальных наук. 2024. URL: https://www.cssn.cn/gjgc/mhgj/202403/t20240325_5741045.shtml. (дата обращения: 03.04.2025).

¹URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-05/03/content_5388377.htm. (дата обращения: 03.04.2025).

морской экономики, устойчивое освоение морских ресурсов, научно-технологическое сотрудничество в области морских инноваций¹.

В рамках голубого партнерства было реализовано достаточно много практических проектов. Во-первых, был создан Фонд действий голубого партнерства («蓝色伙伴关系行动», ланьсэ хобань гуаньси синдун, Blue Partnership Action Fund)² и введено понятие «голубой круг друзей» («蓝色朋友圈» ланьсэ пэнью цюань), охватывающее страны, с которыми Китай поддерживает отношения голубого партнерства (Евросоюз, страны АСЕАН, некоторые африканские и тихоокеанские страны) [郑英琴, 陈丹红, 任玲, 2023].

Во-вторых, для сотрудничества в морской сфере были созданы такие площадки, как Джакартский форум КНР – АСЕАН, Форум морского сотрудничества Китая и стран Юго-Восточной Азии, Альянс портов Восточной Азии, Морская выставка Юго-Восточной Азии, Китайско-африканский форум морской науки и технологий [郑英琴, 陈丹红, 任玲, 2023]. В рамках морского научно-технологического сотрудничества были созданы Центр морского сотрудничества между КНР и АСЕАН, Китайско-тайландская лаборатория по исследованию климата, Китайско-пакистанский совместный центр морских исследований, Китайско-шриланкийский центр исследования моря и прибрежной зоны, Китайско-индонезийский морской климатический центр и совместная станция наблюдения за океаном, Китайско-африканский центр сотрудничества в области морской науки и голубой экономики [刘赐贵, 2014], а также Китайско-российский арктический научно-исследовательский центр³. В 2019 году был учрежден Региональный центр предупреждения цунами в Южно-Китайском море, Система гарантирования прогнозирования морской среды Морского Шелкового пути⁴.

В-третьих, были реализованы совместные проекты по морскому пространственному планированию с Камбоджей и Таиландом, по созданию морской специальной экономической зоны в Кабо-Верде, по опреснению морской воды с Джибути, Саудовской Аравией, Пакистаном, Индонезией, Брунеем и Кабо-Верде⁵.

Таким образом, реализация Морского Шелкового пути и голубого партнерства, главным

образом, направлена на увеличение роли КНР в Мировом океане через расширение глобального сотрудничества, охват которого распространяется на широкий круг областей. Это имеет крайне важное значение для Китая, поскольку около 90 % его торговли осуществляется по морю [Комиссина, 2017]. Реализация Морского Шелкового пути также связана и с текущими целями превращения Китая в великую морскую державу [Бевеликова, Петровский, 2021], великого возрождения китайской нации и желания вернуть некогда бывшее господство в АТР [Кожухова, 2020], достижения глобального лидерства [Игнатьев, 2018]. По мнению Комиссиной, этот проект также является «значительным вкладом Китая в глобальное управление» [Комиссина, 2021].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимо отметить следующее. Во-первых, ключевой внешнеполитической идеей Китайской Народной Республики в настоящий момент является глобальное управление, что соответствует выросшей политической и экономической мощи Китая и, соответственно, его стремлению получить новый статус на мировой арене, который бы соответствовал этой силе. Через означенную концепцию КНР демонстрирует ответственный подход к решению мировых проблем, более активно участвует на рынке глобальных общественных благ.

Во-вторых, важное место в китайском понимании глобального управления сейчас занимает управление океаном. Поскольку количество проблем Мирового океана растет, КНР отмечает необходимость реформирования текущего морского порядка, принятия совместных мер по решению стоящих перед международным сообществом задач. Ведущую роль здесь играют такие идеи, как «Один пояс, один путь», голубое партнерство, сообщество единой судьбы, морская экологическая цивилизация, цель которых состоит, главным образом, в трансформации механизмов управления океаном, борьбе с угрозами безопасности, развитии морской экономики с акцентом на устойчивом развитии морских ресурсов.

В настоящее время Китай действительно уделяет серьезное внимание разработке внешнеполитических концепций, направленных на решение глобальных проблем, в том числе связанных с Мировым океаном. Тем самым он вносит позитивный вклад в мировое развитие и глобальное управление океаном, демонстрируя ответственный подход великой державы. В условиях деградации экологических систем, загрязнения водных пространств и других вызовов, инициатива Китая может сыграть

¹URL: <https://www.weforum.org/friends-of-ocean-action/sustainable-blue-partnership-cooperation-network/> (дата обращения: 03.04.2025).

²URL: <http://foundation.en.sea.org.cn/BPAFs/action/> (дата обращения: 03.04.2025).

³URL: <https://ocean.ru/index.php/novosti-left/novosti-institut/item/1311-rossiya-i-kitaj-v-arktiike> (дата обращения: 03.04.2025).

⁴URL: http://nr.gd.gov.cn/xwdtnew/hydt/content/post_4270193.html (дата обращения: 03.04.2025).

⁵Там же.

важную роль в формировании эффективных стратегий для обеспечения устойчивого развития

океана. Вместе с тем проекты КНР способствуют увеличению ее статуса на международной сцене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глобальное управление: возможности и риски / В. Г. Барановский и др. М.: ИМЭМО РАН, 2015.
2. Лексютин Я. В. Участие КНР в глобальном управлении: исторический фон и современный этап // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 2. С. 6–20.
3. Меркулов К. К. О новых инициативах КНР в сфере глобального управления (осень 2023 г.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. Т. 29. № 29. С. 299–312.
4. Бевеликова Н. М., Петровский В. Е. «Морской Шелковый путь XXI века»: замыслы и реальность // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26. № 26. С. 151–163.
5. Комиссина И. Н. Морской Шелковый путь XXI в. — глобальный геополитический проект Китая // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 1(40). С. 60–81.
6. Игнатьев С. В. Юго-Восточная Азия в проекте КНР «морской шелковый путь XXI века»: аспекты безопасности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 1. № 2(39). С. 40–49.
7. Чэнь Ханьчжи. Политическая элита Китайской Народной Республики как субъект мировой политики в XXI веке : дис. канд. полит. наук. Москва, 2024.
8. Теория международных отношений: учебник для вузов / П. А. Цыганков и [др.] / под ред. П. А. Цыганкова. Москва: Издательство Юрайт, 2025.
9. Комиссина И. Н. Китай как потенциальный претендент на глобальное лидерство // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1(64). С. 130–163.
10. 胡波. 全球海上多极格局与中国海军的崛起. 亚太安全与海洋研究. 2020. № 6 = Ху Бо. Глобальная морская многополярность и развитие китайского военно-морского флота // Азиатско-Тихоокеанская безопасность и исследования океана. 2020. № 6.
11. Белозеров В. К. Новая стратегия национальной безопасности Российской Федерации: от обретения смыслов к реализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 2(843). С. 20–35.
12. Пупышева М. В. Испанофония как ресурс внешней политики Испании. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 206–213.
13. 马红, 张庆伟. 习近平海洋生态文明观的理论与实践研究. 学理论. 2021. № 8 = Ма Хун, Чжан Цинвэй. Теоретическое и практическое исследование взглядов Си Цзиньпина на морскую экологическую цивилизацию // Теоретические исследования. 2021. № 8. С. 17–19.
14. 陈红敏, 李琴, 包存宽. 新时代中国生态文明建设: 思想、制度与实践. 上海人民出版社, 2023 = Чэнь Хунминь, Ли Цинь, Бао Цунькуань. Строительство экологической цивилизации Китая в новую эпоху: мысли, системы и практики. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2023.
15. 文学禹. 中国式现代化视域下生态文明建设研究. 湖南社会科学. 2023. № 2. С. 16–21. = Вэнь Сюэюй. Исследование строительства экологической цивилизации с точки зрения китайской модернизации // Социальные науки Хунаня. 2023. № 2. С. 16–21.
16. 刘赐贵. 发展海洋合作伙伴关系推进21世纪海上丝绸之路建设的若干思考 // 国际问题研究. 2014. № 4 = Лю Цигуй. Некоторые мысли о развитии партнерства в области морского сотрудничества для содействия строительству Морского Шелкового пути XXI века // Исследование международных проблем. 2014. № 4. С. 1–8.
17. 郑英琴, 陈丹红, 任玲. 蓝色经济的战略意涵与国际合作路径探析 // 太平洋学报. 2023. № 5. С. 66–78. = Чжэн Инцин, Чэнь Даньхун, Жэнь Лин. Анализ стратегического значения голубой экономики и путей международного сотрудничества // Журнал Тихого океана. 2023. № 5. С. 66–78.
18. Кожухова К. Е. Проект «экономический пояс Шелкового пути XXI в.» как проявление стратегической культуры Китая // Китайское государство на заключительном этапе построения «среднезажиточного общества»: материалы Ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, Москва, 23–24 марта 2020 г. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2020. С. 315–324.

REFERENCES

1. Baranovsky, V. G. et al. (2015). Global governance: possibilities and risks. Moscow: IMEMO RAN. (In Russ.)
2. Leksyutina, Ya. V. (2020). China's Involvement in Global Governance: Major Stages and Current Stage. Far Eastern Studies, 2, 6–20. (In Russ.)
3. Merkulov, K. K. (2024). O novykh initsiativakh KNR v sfere global'nogo upravleniya (osen' 2023 g.) = On China's new initiatives in the sphere of global governance (as of autumn 2023). China in World and Regional Politics. History and Modernity, 29(29), 299–312. (In Russ.)

4. Bevelikova, N. M., Petrovsky, V. Ye. (2017). «Morskoy Shelkovyy put' XXI veka»: zamysly i real'nost' = «Maritime Silk Road of the XXI Century»: Concepts and Reality. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 26(26), 151–163. (In Russ.)
5. Komissina, I. N. (2017). The 21st Century Maritime Silk Road as a Global Geopolitical Project of China. *National Strategy Issues*, 1(40), 60–81. (In Russ.)
6. Ignatiev, S. V. (2018). Yugo-Vostochnaya Aziya v projekte KNR «morskoy shelkovyy put' XXI veka»: aspekty bezopasnosti = Southeast Asia in China's Project "The 21st Century Maritime Silk Road": The Security Dimension. *Southeast Asia: Actual Problems OF Development*, 1, 2(39), 40–49. (In Russ.)
7. Chen, Hanzhi. (2024). Politicheskaya elita Kitayskoy Narodnoy Respubliki kak subyekt mirovoy politiki v XXI veke = The Political Elite of the People's Republic of China as a Subject of World Politics in the 21st Century: PhD in Political Science. Moscow. (In Russ.)
8. Tsygankov, P.A. et al. (2025). Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy: uchebnik dlya vuzov = Theory of International Relations: textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House, 317 p. (In Russ.)
9. Komissina, I. N. (2021). China as a Potential Pretender to the Global Leadership. *National Strategy*, 1(64), 130–163. (In Russ.)
10. 胡波 (2020). 全球海上多极格局与中国海军的崛起. 亚太安全与海洋研究, 6 = Hu Bo (2020). Global Maritime Multipolarity and the Rise of the Chinese Navy. *Asia-Pacific Security and Ocean Research*, 6. (In Chinese)
11. Belozarov, V. K. (2021). The New National Security Strategy of the Russian Federation: from Gaining Meanings to Implementation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 2(843), 20–35. (In Russ.)
12. Pupysheva, M. V. (2020). Ispanofoniya kak resurs vneshney politiki Ispanii = Hispanophony as a resource of Spanish foreign policy. *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 1, 206–213. (In Russ.)
13. 马红, 张庆伟 (2021). 习近平海洋生态文明观的理论与实践研究. 学理论, 8 = Ma Hong, Zhang Qingwei (2021). Theoretical and practical research on Xi Jinping's view on marine ecological civilization. *Theoretical studies*, 8, 17–19. (In Chinese)
14. 陈红敏, 李琴, 包存宽 (2023). 新时代中国生态文明建设: 思想、制度与实践. 上海人民出版社 = Chen Hongmin, Li Qin, Bao Cunkuan (2023). Ecological Civilization Construction in China in the New Era: Thoughts, Systems and Practices. Shanghai People's Publishing House. (In Chinese)
15. 文学禹 (2023). 中国式现代化视域下生态文明建设研究. 湖南社会科学, 2, 16–21 = Wenxue Yu (2023). Research on the construction of ecological civilization under the perspective of Chinese modernization. *Hunan Social Sciences*, 2, 16–21. (In Chinese)
16. 刘赐贵 (2014). 发展海洋合作伙伴关系推进21世纪海上丝绸之路建设的若干思考. 国际问题研究, 4 = Liu Cigui (2014). Some thoughts on developing maritime cooperative partnership and promoting the construction of the 21st Century Maritime Silk Road. *International Studies*, 4, 1–8. (In Chinese)
17. 郑英琴, 陈丹红, 任玲 (2023). 蓝色经济的战略意涵与国际合作路径探析. 太平洋学报, 31(5), 66–78 = Zheng Yingqin, Chen Danhong, Ren Ling (2023). The Strategic Significance and International Cooperation of Blue Economy. *Pacific Journal*, 31(5), 66–78. (In Chinese)
18. Kozhukhova, K.E. (2020). Projekt «ekonomicheskiy poyas Shelkovogo puti XXI v.» kak proyavleniye strategicheskoy kul'tury Kitaya = Silk Road Economic Belt of the 21st Century as a Manifestation of Chinese Strategic Culture. Chinese State at the Final Stage of the Building of a «Moderately Prosperous Society» (pp. 315–324): Proceedings of the annual scientific conference of the Center for Political Research and Forecasts of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, March 23–24, 2020. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Навдаева Мария Евгеньевна

кандидат политических наук

преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Navdaeva Maria Evgen'evna
PhD (Political Sciences)
Lecturer of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	05.04.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	28.04.2025	
	04.06.2025	

Использование термина «Глобальный Юг» в дискурсе объединения БРИКС

И. Н. Новикова¹, Е. В. Алексеева²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹*i.novikova@spbu.ru*

²*elalexeeva000@mail.ru*

Аннотация.

В данной статье представлен анализ особенностей употребления термина «Глобальный Юг» в дискурсе БРИКС. Цель исследования заключается в оценке возможности формирования единого подхода к концепции «Глобального Юга» в рамках БРИКС. В исследовании используются метод оценки эффективности дискурса, разработанный ученым Академии общественных наук КНР Юэ Шэнсунгом, а также элементы дискурс-анализа и историко-генетического метода. Метод Юэ Шэнсунга позволяет моделировать процесс конкуренции государства-лидера и возвышающихся держав в дискурсивной системе. Применение означенного метода обусловлено необходимостью выявить потенциал стран БРИКС в качестве новых акторов в концептуализации «Глобального Юга». Элементы дискурс-анализа проявляются в определении подходов стран БРИКС к Глобальному Югу на базе текстов деклараций по итогам саммитов объединения. Историко-генетический метод используется для выявления причин появления новых интерпретаций понятия «Глобальный Юг» в исторической перспективе. В результате проведенного исследования было выявлено, что в настоящее время единый подход стран БРИКС к определению «Глобального Юга» еще не сформирован. Страны объединения БРИКС предлагают различные варианты его концептуализации. В статье выделяются три основных подхода к интерпретации понятия «Глобальный Юг». Воспроизводство термина в дискурсе БРИКС будет зависеть от политической воли Бразилии, Индии и ЮАР, заинтересованных в актуализации повестки «Глобального Юга», согласования общей позиции стран объединения по конкретизации содержания указанной повестки для ее дальнейшего международного продвижения от имени объединения.

Ключевые слова: БРИКС, «Глобальный Юг», сотрудничество по линии Юг–Юг, дискурс БРИКС, декларации БРИКС

Для цитирования: Новикова И. Н., Алексеева Е. В. Использование термина «Глобальный Юг» в дискурсе объединения «БРИКС» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общие-ственные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 44–52.

Original article

Usage of the Term “Global South” in the BRICS Discourse

Irina N. Novikova¹, Elena V. Alekseeva²

^{1,2}Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹*i.novikova@spbu.ru*

²*elalexeeva000@mail.ru*

Abstract.

This article presents an analysis of the particularities of the usage of the Global South term in the BRICS discourse. The purpose of the study is to assess the possibility of developing a unified approach to the concept of the "Global South" within the BRICS. The research methods employed include Yue Shengsong's model of ideational projection and discourse efficiency evaluation, as well as elements of discourse analysis and historical-genetic method. Yue Shengsong's model describes the process of competition between the leader state and rising powers for the formation of a discursive

system. The present study utilizes it to identify the potential of the BRICS states as new actors in the conceptualization of the "Global South". Features of discourse analysis are present in determining the approaches of the BRICS members to the "Global South" based on the Association's Summit Declarations. The historical-genetic method is used to identify the reasons for the emergence of new interpretations of the concept of the "Global South" in historical perspective. This study demonstrates that a common approach to defining the "Global South" has not been formed within the BRICS. The BRICS members have different ways of its conceptualization: the article distinguishes at least three approaches to interpreting the "Global South". The re-emergence of the term in the BRICS discourse is subject to the political will of Brazil, India and South Africa, interested in promoting the agenda of the "Global South", and the consensus among the BRICS states on the content of said agenda in order to advance it at an international level.

Keywords: BRICS, «Global South», South-South cooperation, BRICS discourse, BRICS Declarations

For citation: Novikova, I. N., Alekseeva, E. V. (2025). Usage of the Term «Global South» in the BRICS Discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 2(859), 44–52. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время происходит усиление геополитического и экономического влияния объединения БРИКС, что обеспечивает повышенный интерес международного сообщества к дискурсу объединения: политическим заявлениям на уровне стран-членов и совместным документам, в первую очередь, – итоговым декларациям саммитов. Последние отражают согласованную позицию государств БРИКС: появление новых сюжетов и формулировок в декларации свидетельствует об общем интересе, а в случае их закрепления в последующих итоговых документах – достижении консенсуса и возможности совместных практических действий. За исключением России, все члены БРИКС относятся (или причисляют себя) к «Глобальному Югу»; интерес к сотрудничеству или вступлению в объединение проявляют преимущественно страны, также входящие в данную категорию. Указанные обстоятельства обеспечивают потенциал БРИКС в формировании и продвижении собственной концепции «Глобального Юга». Таким образом, представляется целесообразным определить характер использования термина «Глобальный Юг» в официальном дискурсе объединения. Целью исследования является оценка возможности формирования единого подхода к концепции «Глобального Юга» в рамках БРИКС.

В отечественной науке вклад в концептуализацию «Глобального Юга» внесли Д. А. Дегтерев, И. Ю. Кисленко, П. П. Яковлев, А. В. Кортунов, А. В. Яковенко, Т. Г. Апалькова, К. Г. Левченко, А. В. Худайкулова и другие. Социолог И. Ю. Кисленко проследил происхождение и текущее употребление термина посредством его противопоставления «Глобальному Северу» в экономическом, политическом и социальном аспектах [Кисленко, 2020]. Профессор

РУДН Д. А. Дегтерев указал на трансформацию идентичности стран «Глобального Юга» в контексте «постколониального момента» [Дегтерев, 2023]. Опираясь на оценку статистических показателей, экономисты-математики Т. Г. Апалькова и К. Г. Левченко уточнили актуальность указанной социально-экономической дихотомии «Север – Юг» [Апалькова, Левченко, 2021]. Известный ученый-латиноамериканист П. П. Яковлев рассмотрел «Глобальный Юг» с точки зрения исторической и экономической схожести формирующих его государств и возможности их участия в глобальном управлении [Яковлев, 2023а]. Известный российский политолог А. В. Кортунов аналогично подошел к определению группы стран, входящих в «Глобальный Юг» [Кортунов, 2020]. Специалист по международным отношениям МГИМО МИД России А. В. Худайкулова дополнила характеристику данных стран факторами внутривнутриполитической ситуации, конфликтогенности и их международной роли [Худайкулова, 2020]. Известный российский дипломат, ректор Дипломатической академии МИД России (2019–2024) А. В. Яковенко предложил рассматривать «Глобальный Юг» через призму более широкой концепции «мирового большинства» [Яковенко, 2024].

Наиболее глубоко проблематика «Глобального Юга» разработана в публикациях китайских ученых. Их исследования можно разделить на следующие группы:

- анализ дискурса Глобального Юга;
- концепция Глобального Юга и ее теоретическое оформление;
- участие стран Глобального Юга в глобальном управлении и трансформации миропорядка;
- страновые подходы к восприятию глобального Юга.

К первой группе можно отнести публикации заместителя директора Китайского университета иностранных дел Сунь Цзишэн¹ и профессора университета Цинхуа Ши Аньбина [朱泓宇, 史安斌, 2024]. Профессор Сямэньского университета Чжоу Гуйинь [周桂银, 2024] внес вклад в разработку концепции «Глобального Юга» в рамках теории международных отношений. Исследованиями исторической и текущей роли Глобального Юга в международных отношениях занимаются профессор Китайского народного университета Цуй Шоуцзюнь², профессор Пекинского университета Ли Аньшань³, заместитель директора института международных стратегических исследований Центральной партийной школы КНР Ян Хуэй. Чжан Лунфэй [张龙飞, 2024] – исследователь Шанхайского университетов иностранных языков, а также сотрудники центра исследований Южной Азии Сычуаньского университета Чжан Ли и Синь Илунь [张立, 辛逸伦, 2024] являются авторами статей, посвященных политике Индии в контексте усиления «Глобального Юга». Ключевым представляется коллективное исследование китайских экспертов на стыке проблематики «Глобального Юга» и БРИКС «“Большой БРИКС” и “Глобальный Юг”: сотрудничество, управление и трансформация» [徐飞彪, 王友明, 翟崑等, 2024].

Теоретической основой данного исследования выступает модель концептуального проецирования и оценки эффективности дискурса, разработанная в рамках дискурсивного институционализма Юэ Шэнсуном, исследователем Академии общественных наук КНР [岳圣松, 2023]. Модель представляет собой синтез идей основоположников и вдохновителей указанной теории: Д. Кэмпбела, В. Шмидта, М. Б. Карстенсена, Д. Белана, Ф. Дэбри и др.

Модель Юэ Шэнсуна описывает процесс формирования дискурсивных систем и конкуренцию государства-лидера с возвышающимися державами за первенство в данном процессе. Основа дискурсивных систем представлена концепциями, разделенными на три группы: политические, программные и философские. Политические концепции определяют конкретные действия политического руководства в соответствии с соотношением собственных интересов и влияния; программные – формируют модели поведения в определенном

наборе типовых ситуаций, ускоряя процесс принятия решений; философские концепции – это системы ценностей и норм, продиктованных социальным контекстом. Проецирование концепций первых двух групп формирует семантическое поле, на базе которого возникают координационный и коммуникативный дискурсы. Координационный дискурс – однонаправленное обращение возвышающихся государств к лидирующему актору с указанием недостатков разработанной под его эгидой институциональной системы. Эту систему и ее центрального разработчика упрекают в несправедливости, неэффективности, диспропорции между различными направлениями его деятельности. Коммуникативный дискурс – это стремление лидирующего актора универсализировать собственные идеи для выработки защитной реакции на координационный дискурс возвышающихся государств. В свою очередь, философские концепции формируют ценностный контекст для возвышающихся государств и государства-лидера. Выявление возможности формирования новой дискурсивной системы требует особых условий. Так, для того чтобы выработать новые идеи, необходимо включить координационный дискурс (вид социальной практики) в ценностный контекст (совокупность взаимосвязанных философем). Сложившийся двуединый конструкт целесообразно включить в ценностный контекст государства-лидера. Таким образом, путь к новым моделям общественного устройства требует как аналитической, так и синтетической разработки.

Возвышающимися государствами выступают соответственно страны БРИКС, а лидирующим актором – «коллективный Запад»⁴ во главе с США. Конкуренция выражается в намерении БРИКС

⁴«Коллективный Запад» – это геостратегическая конструкция, основу которой составляют правящие элиты стран, демонстрирующих внешнее единство по основным вопросам мировой политики и экономики на основе веры в нерушимость ценностей либеральной демократии и рыночной экономики, а также выраженного стремления к распространению этих ценностей вовне. Включает в свой состав «географический» Запад (США, Канаду, Великобританию, страны Евросоюза), а также ряд стран из других регионов мира, имеющих тесные военно-политические связи с США (в том числе Японию, Южную Корею, Австралию и др.). На современном этапе для «коллективного Запада» характерно продвижение образа России как угрозы. Устойчивое словосочетание «коллективный Запад» активно используется в последние несколько лет в общественно-политическом дискурсе России и некоторых других стран. Если ранее термин встречался, в основном, в современных медиа, то с началом украинского кризиса широко используется в речи государственных деятелей РФ (см.: выступление Президента России В. В. Путина, на встрече с лидерами фракций Государственной Думы: «Так называемый коллективный Запад во главе с США на протяжении десятилетий ведет себя по отношению к России исключительно агрессивно» // ТАСС 7.07.2022; интервью от 28.12.2022 Министра иностранных дел России С. В. Лаврова: «С нами воюет коллективный Запад во главе с ядерной державой – США...» // 1 канал; выступление Заместителя Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ К. И. Косачева: «Коллективный Запад – главный вызов человечеству в XXI веке» // Российская газета.3.05.2022).

¹孙吉胜. “全球南方”国际话语权的构建及前景 = 孙吉胜. Formирование и перспективы международной дискурсивной силы “глобального Юга”. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2024-07/25/content_117330173.shtml (дата обращения: 07.03.2025).

²崔守军. “全球南方”崛起的动因与影响 = 崔守军. Причины и последствия возвышения “глобального Юга” URL: <http://www.rmlt.com.cn/2023/1218/690520.shtml> (дата обращения: 07.03.2025).

³李安山. 世界秩序变革中的“全球南方” = 李安山. “Глобальный Юг” в меняющемся миропорядке. URL: <http://www.rmlt.com.cn/2023/1225/691172.shtml> (дата обращения: 07.03.2025).

повысить собственную дискурсивную силу как представителя интересов «Глобального Юга», а западных стран – сохранить ведущую роль в определении международной повестки, в том числе повестки «Глобального Юга». В данном исследовании будет рассмотрен координационный дискурс стран БРИКС, применимый к пространству Глобального Юга. К данному дискурсу относятся, в частности, используемые политические и программные концепции. Консолидации стран – членов БРИКС способствуют заявления их руководства, отражающие представления о «Глобальном Юге». Означенные программные концепции не носят обязывающего или даже рекомендательного характера. Однако они содержатся в декларациях саммитов БРИКС и отражают приоритетные направления сотрудничества стран – членов БРИКС. Для понимания общемирового дискурсивного контекста представляется необходимым рассмотреть международную практику применения термина.

Наряду с общенаучными методами в исследовании использованы элементы дискурс-анализа. Они способствуют определению подходов стран БРИКС к «Глобальному Югу». В настоящей статье был использован также историко-генетический метод. Он эффективен для установления причин возникновения той или иной интерпретации понятия «Глобальный Юг» в различных фазах исторического времени.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕРМИНА «ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ»

С момента первого использования в 1969 году термин «Глобальный Юг» прочно вошел в международный академический дискурс, а также стал неотъемлемой частью политического языка целого ряда развивающихся стран [Melo, Buckhart, 2022]. В 1969 году писатель и политический активист левого толка Карл Огелсби в специальном выпуске журнала *Commonwealth* впервые употребил термин «Global South» как объект распространения американского империализма в политических условиях войны во Вьетнаме [там же]. Экономическое и географическое определение понятия «Глобальный Юг» получило в докладе 1980 года «North-South: A Program for Survival» [Кисленко, 2020], подготовленном Независимой комиссией по проблемам международного развития под руководством бывшего канцлера ФРГ Вилли Брандта. В публикации отмечалось наличие пропасти в развитии между странами Южного и Северного полушарий: экономики, располагавшиеся ниже условно проведенной линии – так называемой *линии Брандта*, отличались сравнительно низким ВВП на душу населения.

В настоящее время данное разделение представляется устаревшим, поскольку «линия Брандта» проводилась без учета ряда ключевых показателей, например, смертности населения [Апалькова, Левченко, 2021]. После окончания холодной войны «Глобальный Юг» стал считаться более приемлемой альтернативой понятию «Третий мир». Со второй половины 1990-х годов термин получил распространение в международном политическом дискурсе, а с начала XXI века наблюдался устойчивый рост его упоминаний в научных публикациях [Hempel, Ranke, 2014]. В международно-политическом дискурсе представителей социума и дискурсе международных организаций, в частности, термин «Глобальный Юг» используется Всемирным банком для обозначения группы азиатских, африканских и латиноамериканских стран с низким и средним доходом на душу населения [Кисленко, 2020].

В настоящее время «Глобальный Юг» – наиболее часто используемая и политически нейтральная концепция, обозначающая государства, не относящиеся к западному миру или развитым странам. Некоторые исследователи указывают на объективную общность стран «Глобального Юга», которые формируют сеть политического, финансового и торгово-экономического взаимодействия [Яковлев, 2023а] и обладают большим потенциалом коллективного участия в глобальном управлении [Яковлев, 2023б] вплоть до обретения данной общностью международной субъектности [Дегтерев, 2023]. Несмотря на широкое использование в политических заявлениях, смысловая нагрузка термина «Глобальный Юг» различна даже в рамках одного дискурса. В некоторых интерпретациях «Глобальный Юг» рассматривается как продолжение движения неприсоединения, претендующее на независимый политический курс, в других – «семья развивающихся стран и стран с формирующимися рынками». Периодически используется географическое измерение термина: страны Латинской Америки и Карибского бассейна, Африки, Азии и Океании, за исключением ассоциирующихся с западным миром Японии, Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии. Ряд исследователей оспаривают существование объективной категории «Глобального Юга»: в частности, американский политолог Дж. Най младший отмечает, что невозможно сочетать географический фактор и ассоциацию термина с историческим движением неприсоединения, группой стран с развивающимися рынками, «глобальным большинством»¹.

¹Joseph S. Nye, JR. What Is the Global South. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/global-south-is-a-misleading-term-by-joseph-s-nye-2023-11> (дата обращения: 07.03.2025).

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА СТРАНАМИ БРИКС

Позиция каждой из стран БРИКС имеет нюансы. Например, во внешнеполитическом дискурсе России термин зачастую используется в связке с «мировым большинством», которое представляется более широкой категорией [Яковенко, 2024], лишенной географического измерения, что позволяет говорить о любых государствах, не относящихся к «коллективному Западу»¹. Иногда «Глобальный Юг» и мировое большинство выступают как синонимы. С учетом акцента на полицентричную картину мира и множественность путей развития российская трактовка термина не подразумевает безусловного единства «Глобального Юга». Напротив, его многообразие противопоставляется универсализму западного мира. С ним связывается правящее меньшинство, тогда как с отечественным социумом в русском языковом поле связывается большинство, желающее справедливости. Актуализация означенной проблематики в РФ связывается с поворотом на Юг в российской политике [徐飞彪, 王友明, 翟崑等, 2024].

В китайском политическом дискурсе принадлежность к «Глобальному Югу» является, прежде всего, экономической характеристикой, но в широком понимании – идентичностью («身份认同») стран с формирующимися рынками, объединенными схожими историческими обстоятельствами и целями развития, которые возглавляют процесс трансформации миропорядка и тренд новой «инклюзивной глобализации»². Расширительное толкование термина позволяет относить и РФ к странам Глобального Юга. Принадлежность самого Китая к данной категории, так же, как и его статус развивающейся страны³, неоднократно подчеркивался китайским руководством [Кортунов, 2020].

Индия, Бразилия и ЮАР активно используют термин «Глобальный Юг» в качестве основополагающего элемента повестки саммитов G20, последовательно проводимых ими в период с 2023 по 2025 год. Руководствуясь намерением окончательно сформулировать содержание проблематики

«Глобального Юга» в преддверии председательства США [Ebrahim, 2024], указанные страны апеллируют к ней и на других платформах межгосударственного взаимодействия и сотрудничества, таких как БРИКС. Среди перечисленных стран Индия обладает наибольшим весом как в исторической перспективе, имея статус лидера «группы 77» в годы холодной войны, так и в настоящее время, с учетом курса на «многовекторность» внешней политики и намерения правительства Нарендры Модии сформировать пограничную идентичность Индии как страны Глобального Юга и западной державы [张立, 辛逸伦, 2024]. В отличие от ЮАР и Бразилии, в общественно-научном дискурсе Индии также доминирует скепсис относительно участия КНР в «Глобальном Юге» [张龙飞, 2024].

Среди новых членов БРИКС Иран и ОАЭ ориентированы на развитие экономики. В программах правительств этих стран доминирует экономическое измерение. Причем Иран воспринимает торгово-экономическое сотрудничество со странами «Глобального Юга» как путь к выходу из международной изоляции. Руководство ОАЭ формирует механизмы финансовой стабилизации и экономического взаимодействия в рамках «Глобального Юга»⁴.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАТЕГОРИИ «ЮГ» В ИТОГОВЫХ ДЕКЛАРАЦИЯХ БРИКС

Представляется закономерным, что в рамках официального дискурса БРИКС термин «Глобальный Юг» впервые был упомянут во Второй Йоханнесбургской декларации по итогам 15-го саммита объединения 2023 года. При этом косвенные отсылки к данному понятию, выраженные в формулировке «сотрудничество по линии Юг – Юг», дихотомии Юг – Север, акцентировании географического расположения большинства развивающихся стран, использовались практически во всех ранее выпущенных декларациях. В таблице 1 представлен обзор итоговых документов саммитов БРИКС с соответствующими упоминаниями.

Первоначально упоминания обобщенной категории «Юга» были ситуативными и служили дополнительным аргументом в поддержку продвигаемой повестки: достижения целей устойчивого развития ООН или вопроса реформирования мировой экономической системы, в частности, усиления присутствия развивающихся стран в МВФ и ВБ, их равноправного участия в работе структур, Развивающиеся

¹Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/evraziyskaya_economicheskaya_integraciya/1955917/ (дата обращения: 07.03.2025).

²刘建超. 顺应历史大势 携手推进全球南方团结 = Лю Цзяньчао. Следуя историческому тренду, вместе продвигаем сотрудничество между странами глобального Юга. URL: <https://www.iprcc.org.cn/article/4H54LB02kbS> (дата обращения: 07.03.2025).

³习言道. 地处北半球的中国, 为何始终属于“全球南方”? = Си Яньдао. Почему Китай, относящийся к Северному полушарию, всегда был частью «Глобального Юга». URL: <https://news.cctv.com/2024/06/14/ARTIF8tDs2TBZUg0iZS1vD8C240614.shtml> (дата обращения: 07.03.2025).

⁴UAE-BRICS partnerships set to foster global development, prosperity. URL: <https://www.wam.ae/article/b4yuyco-uae-and-brics-partnership-seeking-enhance-global> (дата обращения: 07.03.2025).

КАТЕГОРИЯ «ЮГ» В ДЕКЛАРАЦИЯХ ПО ИТОГАМ САММИТОВ БРИКС

Декларация	Цитата	Контекст
2024 (РФ)	«Глобальный Юг» – 6 упоминаний	«Глобальный Юг» как партнер БРИКС в построении нового миропорядка; «Глобальный Юг» как элемент повестки саммитов G-20 2023–2025; сотрудничество с НБР; поддержка женщин-предпринимателей
2023 (ЮАР)	«Глобальный Юг» – 2 упоминания; «сотрудничество Юг – Юг»	«Глобальный Юг» как элемент повестки саммитов G-20 2023–2025; вступление государств «Глобального Юга» в БРИКС; сотрудничество «по линии Юг – Юг» в достижении ЦУР
2022 (КНР)	«Север и Юг»	Дисбаланс в развитии между Севером и Югом, усугубленный пандемией Ковид-19
2020 (РФ)	«По линии Юг – Юг»	Расширение сотрудничества в области сельского хозяйства
2019 (Бразилия)	«По линии Юг – Юг»	Расширение сотрудничества в области борьбы с опустыниванием
2017 (КНР)	«Север и Юг»	Устранение диспропорций в развитии
2015 (РФ)	«По линии Юг – Юг»; «по линии Север – Юг»	Сотрудничество «по линии Юг – Юг» как дополнение приоритетного для БРИКС сотрудничества «по линии Север – Юг»
2013 (ЮАР)	«Развивающиеся страны на Юге»	Достижение ЦРТ
2012 (Индия)	«Север и Юг»	Трансформация функций Всемирного банка (ВБ)

страны могли принимать участие в международной торговле, несмотря на статус «реципиентов».

Дискурс получил развитие с внедрением формулировки «по линии Юг – Юг», отражающей интенсификацию взаимодействия между развивающимися странами. При первом упоминании в Уфимской декларации 2015 году подобный тип сотрудничества рассматривался в качестве второстепенного для участников объединения БРИКС. Приоритетным оставалось сотрудничество «по линии Север – Юг». Примечательно, что приоритетность последнего не упоминалась ни в одной из последующих деклараций. Вероятно, итоговый документ Саммита в Уфе стал исключением не столько из-за пренебрежения форматом «Юг – Юг» странами БРИКС в первые годы существования объединения, сколько спецификой председательства РФ – страны, не относящейся к «Глобальному Югу». Об этом свидетельствует речь Президента РФ В. В. Путина на встрече лидеров БРИКС в 2015 году. В своей речи Президент РФ акцентировал роль России как связующего звена в логистических маршрутах между быстроразвивающимися экономиками Азии и технологически развитыми и экономически зрелыми государствами Европы¹.

В дальнейшем категория «Север» носила преимущественно негативную коннотацию. Подчеркивалась диспропорция в развитии между Севером и Югом, которую необходимо устранить. В то же время содержание взаимодействия «по линии Юг – Юг» в контексте БРИКС расширилось и стало включать совместные действия, направленные на своевременное достижение целей устойчивого развития (ЦУР). Особо востребованными были позитивные сдвиги в области сельского хозяйства и защиты окружающей среды.

В ходе XV Саммита БРИКС формулировка «Глобальный Юг» вошла в категориальный аппарат БРИКС, с учетом расширения объединения за счет стран «Глобального Юга», а также в русле повестки последовательных председательств в G20 трех исторических членов БРИКС. В то же время в обоих случаях использование термина обозначало скорее группу стран, нежели проблематику, которая могла бы стать постоянным элементом повестки объединения. В ходе XV Саммита БРИКС формулировка «Глобальный Юг» и вошла в категориальный аппарат БРИКС. Что же способствовало закреплению такой формулировки? Во-первых, немалую роль сыграло расширение БРИКС за счет стран «Глобального Юга» Во-вторых, идея «Глобального Юга» отчетливо актуализировалась в русле повестки последовательных председательств в G20 трех исторических членов БРИКС. Вместе с тем в обоих случаях использование

¹Встреча лидеров БРИКС с главами приглашенных государств. URL: <http://brics2015.ru/transcripts/20150709/403159.html> (дата обращения: 07.03.2025).

термина обозначало скорее группу стран, нежели проблематику, которая могла бы стать постоянным элементом повестки объединения. Поэтому существует вероятность, что упоминание «Глобального Юга» было ситуативным и отражало в первую очередь официальный дискурс страны-председателя.

ПОВЕСТКА ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА НА САММИТЕ БРИКС 2024 ГОДА

В преддверии Казанского саммита российское председательство БРИКС 2024 года термину «Глобальный Юг» (одно упоминание) предпочитает более распространенный в политическом дискурсе РФ термин «мировое большинство» (три упоминания). Данные показатели прослеживаются на страницах официального сайта российского председательства БРИКС. Они свидетельствуют о намерении РФ обеспечить международное признание концепции «мирового большинства» и увеличить собственную дискурсивную силу. Тем не менее в отсутствие документально оформленного видения концепции «мирового большинства», соответственно – понимания со стороны остальных стран БРИКС, ее использование в качестве альтернативы термину «Глобальный Юг» в ходе двусторонних и многосторонних обсуждений на саммите представляется проблематичным. Косвенным подтверждением данного факта является использование исключительно формулировки «Глобальный Юг» в декларации прошедшего Саммита, без единого упоминания «мирового большинства». Итоговый документ содержит шесть случаев употребления первого термина, преимущественно в качестве маркера страновой принадлежности к группе государств с развивающимися рынками. В качестве отдельного пункта выделена

необходимость усиления голоса стран «Глобального Юга» и соответствующей повестки в рамках саммитов G20, но без уточнения содержания последней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показывает, что категория «Юг» и связанные с ней формулировки регулярно использовались в официальных заявлениях лидеров стран БРИКС. Тем не менее термин «Глобальный Юг» стал новацией в дискурсе БРИКС. Несмотря на активное апеллирование к понятию в ходе последнего Саммита, на данный момент преждевременно говорить об устоявшейся практике его употребления в рамках БРИКС, тем более что у пяти исторических членов означенной международной организации существует как минимум три подхода к интерпретации «Глобального Юга». Используя терминологию модели Юэ Шэнсуна, остается признать, что разрозненность политических концепций и отсутствие устойчивых программных концепций не позволяют говорить о сформированном координационном дискурсе. Тем не менее для определения потенциальной конкурентоспособности нарождающейся дискурсивной системы БРИКС требуется проанализировать философские концепции – общие для стран БРИКС ценностно-нормативные представления о функционировании международной системы.

На уровне координационного дискурса воспроизводство термина «Глобальный Юг» в БРИКС будет зависеть от политической воли Бразилии, Индии и ЮАР, согласования общей позиции стран объединения по конкретизации содержания повестки «Глобального Юга» для ее дальнейшего международного продвижения от имени БРИКС.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кисленко И. Ю. О роли понятий «глобальный Север – Юг» в глобальной социологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. № 2. С. 116–128.
2. Дегтерев Д. А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // Постколониализм и современность. 2023. № 1 (1). С. 13–46.
3. Апалькова Т. Г., Левченко К. Г. Исследование объективности концепции противопоставления «Глобального Севера» и «Глобального Юга» математико-статистическими методами // Управленческий учет. 2021. № 6–2. С. 443–449.
4. Яковлев П. П. Страны Глобального Юга и проблемы глобального управления в интересах устойчивого развития // Постколониализм и современность. 2023а. № 1 (1). С. 79–102.
5. Кортунов А. В. Кризис миропорядка и глобальный Юг: монография / под ред. Т. С. Богдасаровой, О. А. Пыловой. М.: Российский совет по международным делам, 2020.
6. Худайкулова А. В. Объясняя безопасность глобального Юга: западные и незападные подходы // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2020. Т. 13. № 3. С. 394–417.

7. Яковенко А. В. Картина нарождающегося мира: Глобальный Юг // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 1 (82). С. 42–57.
8. 朱泓宇, 史安斌. “全球南方”传播理论的历史与命题: 全球“知”网的想象力 [J]. 对外传播. 2024. № 10. С. 8–12 = Чжу Хуньюй, Ши Аньбин. История и положения теории коммуникации глобального Юга: видение сети глобального знания // Современные коммуникации. 2024. № 10. С. 8–12.
9. 周桂银. 全球南方思想资源与国际关系理论创新 [J]. 吉林大学社会科学学报. 2024. 5: 152–163 = Чжоу Гуйинь. Концептуальные источники глобального Юга и инновации в теории международных отношений // Вестник общественных наук Цзилиньского университета. 2024. № 5. С. 152–163.
10. 张立, 辛逸伦. 印度莫迪政府的“全球南方”外交转向 [J]. 现代国际关系. 2024. 4: 77–95 = Чжан Ли, Синь Илунь. Поворот на «Глобальный Юг» дипломатии правительства Моды в Индии // Современные международные отношения. 2024. № 4. С. 77–95.
11. 张龙飞. 印度智库对中印关于“全球南方”领导权之争的认知评析 [J]. 南亚研究季刊. 2024. 3: 1–16 = Чжан Лунфэй. Анализ восприятия китайско-индийского противостояния за лидерство в «Глобальном Юге» индийскими аналитическими центрами // Исследования Южной Азии: ежеквартальный журнал. 2024. № 3. С. 1–16.
12. 徐飞彪, 王友明, 翟崑等. “大金砖”与“全球南方”: 合作、治理与变革 [J]. 俄罗斯东欧中亚研究. 2024. 3: 1–43 = Сюй Фэйбяо, Ван Юмин, Чжай Кунь [и др]. «Большой БРИКС» и «Глобальный Юг»: сотрудничество, управление и трансформация // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2024. № 3. С. 1–43.
13. 岳圣淞. 观念, 话语与制度演化: 国家主话语理论与中国实践 [J]. 当代亚太. 2023. 4: 131–165 = Юэ Шэнсун. Концепции, дискурс и эволюция институтов: теория дискурсивного институционализма и китайская практика // Современный Азиатско-тихоокеанский регион. 2023. № 4. С. 131–165.
14. Melo M. P., Buckhart T. R. A constitutionalism “of” the Global South? Epistemological reflections on emerging constitutional trends // Revista de Estudos Constitucionais, Hermenêutica e Teoria do Direito. 2022. № 3. P. 420–438.
15. Hempel F., Ranke K. The Use of the Concept “Global South” in Social Science & Humanities // Institut für Asien- und Afrikawissenschaften. 2014, July 11. URL: https://www.academia.edu/7917466/The_Use_of_the_Concept_Global_South_in_Social_Science_and_Humanities
16. Яковлев П. П. «Глобальный Юг»: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 14. № 2. С. 6–27.

REFERENCES

1. Kislenko, I. Yu. (2020). On the role of the “global North-South” notions in global sociology. Vestnik of Saint Petersburg State University. Sociology, 13(2), 116–128. (In Russ.)
2. Degterev, D. A. (2023). To the End of the ‘Postcolonial Moment’ of the Anti-colonial Struggle: Outlines of the New Research Program. Postcolonialism and modernity, 1(1), 13–46. (In Russ.)
3. Apal’kova, T. G., Levchenko, K. G. (2021). The study of the objectivity of the concept of contrasting the “Global North” and the “Global South” by mathematical and statistical methods. Management Accounting, 6–2, 443–449. (In Russ.)
4. Yakovlev, P. P. (2023a). Global South Countries and the Problems of Global Governance in the Interests of Sustainable Development. Postcolonialism and modernity, 1(1), 79–102. (In Russ.)
5. Kortunov, A. V. (2020). Krizis miroponyadka i global’nyi Yug: monografiya = World Order Crisis and Global South: the monograph. Moscow: Russian international affairs Council (In Russ.)
6. Khudaikulova, A. V. (2020). Explaining the security of the global South: Western and Non-Western approaches. Vestnik of Saint Petersburg State University. International Relations, 13(3), 394–417. (In Russ.)
7. Yakovenko, A. V. (2024) A Sketch of the Emerging World: the Global South. National Strategy Issues, 1(82), 42–57. (In Russ.)
8. 朱泓宇, 史安斌. “全球南方”传播理论的历史与命题: 全球“知”网的想象力 [J]. 对外传播. 2024. 10: 8–12 = Feng Shi (2024). History and propositions of the “Global South” communication theory: vision of the Global knowledge network. International Communications, 10, 8–12. (In Chinese)
9. 周桂银. 全球南方思想资源与国际关系理论创新 [J]. 吉林大学社会科学学报. 2024. 5: 152–163 = Zhou Guiyin. (2024). Ideational Resources of the Global South and Theoretical Innovation of International Relations. Jilin University Journal Social Sciences Edition, 5, 152–163. (In Chinese)
10. 张立, 辛逸伦. 印度莫迪政府的“全球南方”外交转向 [J]. 现代国际关系. 2024. 4: 77–95 = Zhang Li, Xin Yilun. (2024). Turn to the “Global South of the Modi administration in India. Contemporary International Relations, 4, 77–95. (In Chinese)

11. 张龙飞. 印度智库对中印关于“全球南方”领导权之争的认知评析 [J]. 南亚研究季刊. 2024. 3: 1–16 = Zhang Longfei. (2024). Analysis of Indian Think Tanks' Perceptions of the Sino-Indian Leadership Struggle over the "Global South". South Asian Studies Quarterly, 3, 1–16. (In Chinese)
12. 徐飞彪, 王友明, 翟崑等.“大金砖”与“全球南方”:合作、治理与变革 [J]. 俄罗斯东欧中亚研究. 2024. 3: 1–43 = Xu Feibiao, Wang Youming, Zhai Kun et al. (2024). Greater BRICS Cooperation and the Global South: Cooperation, Governance and Transformation. Russian, Central Asian & East European Studies, 3, 1–43. (In Chinese)
13. 岳圣淞. 观念, 话语与制度演化: 国家主度话语权理论与中国实践[J]. 当代亚太. 2023. 4: 131–165 = Юэ Шэнсун. (2023). Ideas, discourse and institutional change: theory of discursive institutionalism and China's experience. Journal of Contemporary Asia-Pacific Studies, 4, 131–165. (In Chinese)
14. Melo, M. P., Buckhart, T. R. (2022). A constitutionalism “of” the Global South? Epistemological reflections on emerging constitutional trends. Revista de Estudos Constitucionais, Hermenêutica e Teoria do Direito, 3, 420–438.
15. Hempel, F., Ranke, K. (2014, July 11). The Use of the Concept “Global South” in Social Science & Humanities. Institut für Asien- und Afrikawissenschaften. URL: https://www.academia.edu/7917466/The_Use_of_the_Concept_Global_South_in_Social_Science_and_Humanities (дата обращения: 07.03.2025).
16. Yakovlev, P. P. (20236). Global South: Conceptual Approaches and Socio-Economic Processes. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 14(2), 6–27. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Новикова Ирина Николаевна

доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры европейских исследований
факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

Алексеева Елена Витальевна

магистрант 2-го курса программы «Исследования БРИКС»
факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Novikova Irina Nikolaevna

Doctor of History (Dr. habil.), Associate Professor
Professor of the Department of the European Studies
School of International Relations
Saint Petersburg State University

Alekseeva Elena Vital'evna

2nd Year Master's student of the program «BRICS Studies»
School of International Relations, Saint Petersburg State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.03.2025
10.04.2025
06.04.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Энергетическое сотрудничество Китая с иностранными государствами как приоритет его внешней политики

Чэнь Фанбо

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
fangbos@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается содержание современного этапа энергетического сотрудничества Китая с иностранными государствами, которое является одним из важных элементов его внешнеполитической стратегии. Эта стратегия, в свою очередь, направлена на укрепление энергетической безопасности Китайской Народной Республики, ее технологического лидерства и геополитического влияния в условиях глобальных трансформаций. Особое внимание в статье уделяется влиянию геополитических и экономических приоритетов внешней политики Китая на энергетические аспекты среды обитания жизни в означенной стране. Детально уточняется мера и степень их воздействия на энергетическую сферу Китая. Необходимость комплексного подхода к изучению многоуровневого взаимодействия Китая с развитыми и развивающимися странами в значительной степени предопределила тип, направленность и характер исследования. В нем использованы геополитический и системный методы с учетом национальных интересов и внешнеполитических приоритетов Китая. В основу исследования положен большой документальный материал: статистические данные, руководящие документы Коммунистической партии и правительства Китая, многочисленные научные издания. Подводя итоги проведенному исследованию, можно отметить, что Китай системно диверсифицирует источники импорта традиционных энергоресурсов, активно экспортирует зеленые технологии и создает альтернативные институты сотрудничества. Это позволяет КНР снижать зависимость от экономической политики Запада и укреплять свои позиции на глобальном энергетическом рынке. Китайское политическое руководство уделяет особое внимание роли мягкой силы в продвижении климатической повестки. Практика мягкой силы способствует формированию позитивного имиджа Китая в структуре мирового сообщества. Он выступает как один из глобальных лидеров энергетического перехода. Основными препятствиями для реализации энергетических целей и задач внешнеполитического курса Китайской Народной Республики в условиях глобальной нестабильности являются острая конкуренция Китая со странами Запада, экологические проблемы и высокая долговая нагрузка в ряде развивающихся стран, с которыми КНР взаимодействует в энергетической сфере.

Ключевые слова: энергетическое сотрудничество, внешняя политика Китая, энергетическая безопасность, многополярность, энергетический переход

Для цитирования: Чэнь Фанбо. Энергетическое сотрудничество Китая с иностранными государствами как приоритет его внешней политики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 53–61.

Original article

China's Energy Cooperation with Foreign Countries as a Priority of Its Foreign Policy

Chen Fangbo

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
 fangboc@mail.ru

Abstract. This article examines the current state of China's energy cooperation with foreign countries as a pivotal element of the People's Republic of China's foreign policy strategy. In the context of global transformations, such cooperation seeks to enhance China's energy security, consolidate its technological leadership, and expand its geopolitical influence. Special attention is given to how China's geopolitical and economic priorities shape its energy policies. The study adopts a geopolitical and systemic framework to examine China's multi-tiered engagement with both developed and developing countries, aligning with its national interests and foreign policy goals. The research is based on an analysis of extensive statistical data, policy documents from the Communist Party of China and the PRC government, and academic publications. The findings reveal that China is diversifying sources of traditional energy imports while actively exporting green technologies and establishing alternative cooperation frameworks. This approach enables China to reduce reliance on Western markets and strengthen its position in the global energy sector. Additionally, China's emphasis on "soft power" in promoting climate initiatives reinforces its image as a leader in the global energy transition. However, challenges persist, including geopolitical competition with Western states, environmental risks, and the debt sustainability of partner nations in the Global South.

Keywords: energy cooperation, China's foreign policy, energy security, multipolarity, energy transition

For citation: Chen, Fangbo. (2025). China's energy cooperation with foreign countries as a priority of its foreign policy. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 2(859), 53–61. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Современная глобальная геополитическая обстановка претерпевает значительные изменения. Они связаны с усилением многополярности, технологической конкуренцией и глобальными климатическими вызовами. Занимая лидирующие позиции в мировой экономике, Китай играет ключевую роль в перестройке глобальных энергетических и торговых связей. Внешняя политика КНР направлена на создание благоприятной международной обстановки для внутреннего экономического развития перед лицом беспрецедентных масштабных перемен при отстаивании национальных интересов. В условиях санкционного давления со стороны США и Европейского союза, а также растущей конкуренции за ресурсы энергетическое сотрудничество с зарубежными странами становится для Китая не только экономическим, но и стратегическим инструментом. Он позволяет укрепить свои позиции на международной арене.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИОРИТЕТОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР С УЧЕТОМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ИЗМЕНЕНИЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Внешняя политика Китая строится на сочетании защиты его национальных интересов и адаптации к меняющейся международной обстановке. На фоне усиления конкуренции между великими державами и фрагментации международного порядка КНР вынуждена балансировать между защитой суверенитета, обеспечением устойчивого развития и укреплением своих позиций на международной арене. Ключевым ориентиром Китая остается сохранение внутривластной стабильности, экономического роста и территориальной целостности. Совокупность перечисленных политических установок Китая определяет прагматичный подход к содержанию его внешнеполитического курса.

Начиная с 2012 года внешняя политика Китая определяется концепцией «стратегической выдержки», предполагающей сдержанность в ответ на провокации, рациональное применение дипломатических механизмов и фокусировку на долгосрочных национальных интересах [人民论坛, 2012]. Инструментами реализации принципа «стратегической выдержки» стали экономическое сотрудничество и использование мягкой силы. Однако усиление конфронтации со странами Запада, применение ими таких инструментов, как технологическая блокада и военно-политическое сдерживание в Азиатско-Тихоокеанском регионе, вынудило Китай пересмотреть свои подходы. В настоящее время ключевыми приоритетами Китайской Народной Республики в области внешней политики являются отстаивание суверенитета через диверсификацию партнерств, укрепление добрососедских отношений с сопредельными государствами и активное сотрудничество со странами «Глобального Юга». Эти направления позволяют Китаю создавать альтернативные центры влияния, снижая зависимость от западных институтов.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Одним из центральных направлений внешней политики КНР является отстаивание национальных интересов в условиях растущей конфронтации с западными странами, прежде всего, с США, которые считают свои ценности универсальными и укрепляют глобальное лидерство через институциональную гегемонию [Белозёров, 2015]. Китай активизирует дипломатические усилия для противодействия санкциям, особенно усилившимся после избрания Д. Трампа президентом США, критике в области прав человека и ограничениям в технологической сфере. Этот комплекс мер противостояния Китая «коллективному Западу» и США включает продвижение многополярной модели мироустройства, усиление роли международных институтов (например, ШОС, БРИКС) и развитие стратегического партнерства с Россией.

Немалое значение придается формированию добрососедских отношений с государствами, которые граничат с Китаем. Урегулирование территориальных споров в Южно-Китайском море, диалог с Индией по пограничным вопросам, а также инвестиции в инфраструктуру стран Центральной Азии через инициативу «Один пояс, один путь» направлены на минимизацию конфликтов и создание зоны стабильности. Особое внимание уделяется странам АСЕАН, которые рассматриваются как

ключевые партнеры в обеспечении региональной безопасности¹.

Укрепление связей со странами Глобального Юга остается для Китая стратегическим приоритетом. Через механизмы финансовой помощи, списание долгов и проекты в области здравоохранения Китай позиционирует себя как альтернативный центр силы, предлагающий модель сотрудничества без политических условий [戴永红, 周禹朋, 付乐, 2024]. Активное сотрудничество с государствами Африки, Латинской Америки и Южной Азии позволяет КНР расширять влияние, лоббировать свои интересы в ООН и формировать коалиции по вопросам климата и торговли.

Экономическая стратегия Китая направлена на интеграцию технологической модернизации, энергетической безопасности и продовольственной стабильности. Таким образом, долгосрочный экономический рост Китая предопределен целым рядом факторов, таких как доступ страны к необходимым ресурсам, рынкам и технологиям. Они существуют в рамках внешнеполитической повестки. Ключевыми инструментами остаются инициатива «Один пояс, один путь», заключение региональных торговых соглашений (например, ВРЭП) и продвижение юаня в международных расчетах. Однако энергетика как основа промышленного роста занимает особое место в экономических приоритетах внешней политики Китая. Энергетическое сотрудничество Китая с иностранными государствами отражает синтез геополитической адаптации и экономического прагматизма, что позволяет стране укреплять свои позиции в условиях нестабильности.

Будучи традиционно крупнейшим импортером углеводородов в мире, Китай в значительной степени зависит от их импорта [Аппалуп, Келлер, 2024]. Ситуация, сложившаяся на рынке Китая, стимулирует диверсификацию поставок, инвестиции месторождений в Россию, в страны Персидского залива и в Африку. Импорт углеводородов и других продуктов, востребованных на мировом рынке, также способствует развитию в Китае зеленой энергетики. Проекты в области солнечной, ветровой и гидроэнергетики включая экспорт технологий укрепляет позиции КНР как одного из мировых лидеров. Китай признан состоятельным в борьбе с изменением климата. Параллельно Китай наращивает стратегические запасы нефти и газа, для того, чтобы снизить риски, порожденные геополитическими кризисами. В целом, экономическая

¹外交部. 中国—东盟全面战略伙伴关系行动计划（2022—2025）= МИД КНР. План действий по развитию всеобъемлющего стратегического партнерства между КНР и АСЕАН (2022—2025). URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202211/t20221111_10972996.shtml (дата обращения: 14.03.2025).

политика Китая строится на необходимости поддержания баланса между диверсификацией поставок энергоресурсов и развитием возобновляемых источников энергии. Так, в экономике Китая четко прослеживаются два направления энергетического сотрудничества с зарубежными странами: импорт энергоносителей для обеспечения потребностей своей экономики и экспорт зеленых технологий. Они становятся важным инструментом энергетической дипломатии.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КНР С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ

Индустриализация, урбанизация и рост потребительского сектора обуславливают высокий спрос на энергоресурсы в Китае. Он выступает как один из крупнейших потребителей на международном энергетическом рынке. Для обеспечения своей энергетической безопасности Китай активно развивает международное сотрудничество, в рамках которого импорт углеводородов и урановой руды остается стратегическим приоритетом. Это направление не только поддерживает стабильность внутреннего рынка Китая, но и укрепляет его геополитическое влияние через создание долгосрочных партнерств.

Импорт нефти является основой энергетической безопасности Китая, он обеспечивает более 70 % внутреннего потребления¹. КНР выстраивает многополярную систему поставок, диверсифицируя источники и минимизируя риски. Ключевыми партнерами Китая выступают такие страны, как Саудовская Аравия, Ирак, ОАЭ, Россия, Казахстан, Ангола, Нигерия, Бразилия, Венесуэла. Саудовская Аравия обеспечивает примерно 14 % китайского нефтяного импорта 2024 года (раньше эта доля была выше)². Таким образом, она сохраняет статус стратегического поставщика, укрепляемый долгосрочными контрактами и совместными проектами, такими как нефтеперерабатывающий комплекс в провинции Фуцзянь. Следует отметить, что Центрально-Азиатский регион, в частности, Казахстан играет роль «сухопутного моста»: трубопровод Атасу-Алашанькоу и проект Кашаган позволяют транспортировать нефть в Синьцзян, минуя узкие морские проливы (например, Малаккский пролив).

Кроме того, Китай активно инвестирует в зарубежные месторождения и инфраструктуру.

Китайские компании владеют долями в иракском месторождении Румайла, бразильских шельфовых проектах и венесуэльском поясе Ориноко. Китай в Африке сочетает нефтяные контракты с инфраструктурными кредитами, как в случае с ангольскими нефтяными блоками, где КНР финансировала восстановление портов и железных дорог.

Стратегия импорта природного газа Китая направлена на обеспечение стабильности поставок через диверсификацию его источников, развитие инфраструктурных проектов и расширение сотрудничества с зарубежными странами [中国天然气发展报告, 2024]. Совокупность этих рыночных опций позволяет Китаю снижать углеродный след, минимизировать риски и расширять зоны экономико-политического доминирования. Ключевую роль в трубопроводных поставках играет Туркменистан. Он обеспечивает свыше 45 % импорта газа благодаря магистрали «Центральная Азия – Китай»³, запущенной в 2009 году. Этот коридор не только стабилизирует энергоснабжение Китая, но и укрепляет позиции КНР в Центральной Азии. Он успешно дополняет китайское сотрудничество с Россией («Сила Сибири») и Казахстаном. Параллельно Китай наращивает закупки сжиженного природного газа (СПГ), несмотря на торгово-политические трения с США и Австралией. В 2024 году импорт американского СПГ вырос на 32,8 %⁴, что отражает прагматичный подход к обеспечению гибкости поставок.

Инвестиции в СПГ-инфраструктуру в Африке (Мозамбик, Нигерия) и Азии (Пакистан, Бангладеш) интегрируют газовую стратегию в инициативу «Один пояс – один путь», превращая энергетические проекты в инструмент геополитического влияния. Например, порт Гвадар в Пакистане, финансируемый Китаем, служит логистическим узлом для СПГ-поставок, усиливая присутствие КНР в Индийском океане. Однако зависимость от морских маршрутов и ценовых колебаний делает Китай, как прежде, уязвимым. Поэтому так необходим баланс между трубопроводными и СПГ-источниками.

Несмотря на снижение доли угля в энергобалансе КНР, импорт остается значимым для покрытия дефицита высококачественных ресурсов и нужд промышленности. Основными поставщиками являются Австралия, Индонезия, Россия и Монголия. До 2020 года Австралия доминировала в китайском импорте, однако политические

¹国家统计局. 中国统计年鉴. = Национальное бюро статистики КНР. Статистический ежегодник Китая. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2024/indexch.htm> (дата обращения: 14.03.2025).

²中国海关总署统计数据在线查询平台 = Данные Главного таможенного управления КНР. URL: <http://stats.customs.gov.cn/> (дата обращения: 14.03.2025).

³中国海关总署统计数据在线查询平台 = Данные Главного таможенного управления КНР. URL: <http://stats.customs.gov.cn/> (дата обращения: 14.03.2025).

⁴中国海关总署统计数据在线查询平台 = Данные Главного таможенного управления КНР. URL: <http://stats.customs.gov.cn/> (дата обращения: 14.03.2025).

разногласия и торговые ограничения актуализировали торговлю Китая с Россией и Монголии, которые поставляют уголь через сухопутные коридоры (железная дорога Забайкальск – Маньчжурия) и порты Дальнего Востока. Индонезия остается ключевым морским партнером Китая благодаря географической близости и гибким контрактным условиям. Кроме того, Китай заключает соглашения со странами «Глобального Юга», включая ЮАР и Мозамбик. Тем не менее экологические обязательства и активное развитие возобновляемых источников энергии постепенно вынуждают Китай уменьшать долю угля в своей структуре энергопотребления.

Другим ключевым направлением развития энергетического сотрудничества Китая с зарубежными странами является экспорт оборудования для зеленого перехода. Китай доминирует в производстве солнечных панелей, ветроэнергетических установок и электромобилей. Экономическое доминирование Китая в разработке дорогостоящих экологических проектов обусловлено масштабными государственными инвестициями в НИОКР и вертикально интегрированными цепочками поставок. Экспорт таких технологий жизненно необходим, он открывает возможности для сотрудничества Китая как с развитыми странами, так и с государствами «Глобального Юга». С одной стороны, развивающиеся страны стремятся выполнить климатические обязательства в соответствии с Парижским соглашением, а с другой – не обладают достаточными ресурсами для самостоятельного развития зеленой инфраструктуры.

С геополитической точки зрения экспорт зеленых технологий позволяет Китаю пересмотреть баланс сил. Китай трансформирует энергетическую зависимость стран-импортеров в инструмент мягкой силы. Китай встраивает свои стандарты (например, решения для умных сетей) в энергетические системы государств Африки, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, что усиливает геополитическое влияние Китая в указанных регионах. Проекты в рамках инициативы «Один пояс – один путь», такие как солнечные электростанции в Пакистане или ветропарки в Аргентине, не только обеспечивают лояльность местных элит, но также создают плацдармы для продвижения китайской валюты. Она постепенно вытесняет доллар из международных расчетов и цифровых платформ. При этом КНР избегает прямой конфронтации с Западом. Китай позиционирует себя как «нейтрального поставщика климатических решений», что заметно контрастирует с санкционной политикой США и ЕС. Однако гибкая стратегия Китая сталкивается с сопротивлением: США вводят ограничения на

китайские солнечные панели, а ЕС развивает собственные производственные цепочки в рамках зеленого курса, стремясь снизить зависимость от КНР.

Воздействие экспорта зеленых технологий на мировой энергетический рынок носит комплексный характер. С одной стороны, доступность дешевых китайских технологий ускоряет глобальный энергопереход, снижая цены на оборудование для ВИЭ и делая их экономически выгодной альтернативой ископаемому топливу, а с другой – ускорение глобального энергоперехода подрывает позиции держав, чьи бюджеты в значительной степени зависят от экспорта нефти и газа. Влияние Китая на мировую экономику имеет еще один аспект: производство «зеленого оборудования» в Китае неизбежно сопровождается рядом проблем. К их числу относятся сбои в цепочках поставок (их повышенная частотность наблюдается во время ковидных локдаунов), экономические следствия политических решений Китая (например, эмбарго на экспорт редкоземельных металлов). Всё это может в значительной степени затормозить реализацию энергетических проектов Китая по всему миру.

Стоит добавить, что экспортная стратегия КНР в области зеленой энергетики сталкивается с серьезными вызовами. Во-первых, это растущая конкуренция со стороны стран Запада. В частности, они наращивают собственное производство технологического оборудования в рамках зеленого перехода, используя протекционистские меры (например, Закон о снижении инфляции в США)¹. Во-вторых, это экологические и социальные риски китайских проектов: добыча лития в Африке для производства аккумуляторов часто сопровождается нарушением прав местных сообществ, что подрывает репутацию Китая как «зеленого партнера» [Zengeni, 2020]. В-третьих, это зависимость от угля. Она сохраняется в китайской энергетике, в результате чего возникает противоречие между внутренней и внешней климатической риторикой [Макеев, 2022].

Тем не менее Китай продолжает укреплять позиции в глобальной цепочке создания стоимости зеленых технологий. Инвестиции в НИОКР, масштабирование производства и гибкая финансовая поддержка (через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций) позволяют Китаю предлагать комплексные решения – от строительства электростанций до обучения местных кадров. Участие Китая в мировых экономических процессах формирует модель, при которой энергетический переход в развивающихся странах становится

¹Inflation Reduction Act of 2022. URL: <https://www.congress.gov/bills/117th-congress/house-bill/5376> (дата обращения: 14.03.2025).

неотделим от китайских технологических стандартов. Таким образом, экспорт оборудования для декарбонизации превращается в важный элемент мягкой силы КНР. Он обеспечивает Китаю возможность совмещать свои экономические интересы и стратегические цели.

Таким образом, энергетическое сотрудничество с зарубежными странами позволяет КНР не только диверсифицировать источники импорта энергоресурсов, но и укреплять свое технологическое лидерство. Это создает основу для устойчивой энергетической безопасности в условиях глобальных вызовов.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КНР С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ

Энергетическое взаимодействие КНР с «Глобальным Югом» – со странами Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии – занимает центральное место в стратегии Китая по обеспечению ресурсной безопасности и укреплению геополитических позиций. Перечисленные регионы обладают значительными запасами углеводородов и минералов. Они критически важны для производства высокотехнологичного оборудования в рамках зеленого перехода. Поэтому они позволяют Китаю диверсифицировать поставки, сократить зависимость от традиционных партнеров и переформатировать глобальные энергетические цепочки. Энергетическое сотрудничество Китая со странами Глобального Юга демонстрирует как общие стратегические черты, так и региональную специфику, обусловленную геополитическими, экономическими и институциональными факторами.

Основу энергетического взаимодействия Китая с государствами «Глобального Юга» составляет модель «ресурсы – капитал – инфраструктура», реализуемая через государственные банки (Экспортно-импортный банк Китая) и компании (CNPC, Sinopec) [Mohan, Tan-Mullins, 2019]. Например, в Африке нефтегазовые контракты с Анголой сопровождались строительством дорог, а в Латинской Америке инвестиции в литиевые проекты в Аргентине сочетались с созданием инфраструктурных объектов.

Стратегическая дифференциация подходов отражает комплексный, многовекторный характер энергетического сотрудничества Китая с иностранными государствами. В Африке акцент делается на укрепление ресурсной базы и политического влияния в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [Дейч, 2020]. В Латинской Америке целью является диверсификация источников импорта

энергоносителей и попытка конкурировать с США в регионе их традиционного доминирования. В Юго-Восточной Азии сотрудничество направлено на интеграцию энергосистем для формирования «сообщества единой судьбы». Однако системные риски, такие как долговая нагрузка (кризис в Шри-Ланке), экологические протесты (конфликты вокруг плотин на Меконге), политическая волатильность (перевороты в Мали) и территориальные проблемы (в Южно-Китайском море) требуют адаптации механизмов взаимодействия.

Энергетическое взаимодействие Китая с развитыми государствами, включая США, страны ЕС и Японию, формируется под влиянием сложного переплетения стратегических интересов и технологической конкуренции. В условиях глобального энергоперехода эти отношения определяются как общими целями декарбонизации, так и противоречиями, вызванными геополитическими амбициями.

Главной целью сотрудничества Китая с вышеозначенными странами является декарбонизация, отраженная в китайской стратегии «двойной углеродной нейтральности» и инициативах развитых стран, таких как европейский зеленый курс, американский «Закон о снижении инфляции» и японская «Стратегия зеленого роста». Эти программы нацелены на снижение зависимости от ископаемых ресурсов и развитие возобновляемой энергетики.

Стратегии взаимодействия с Китаем в сфере энергетики варьируются в зависимости от геополитических приоритетов развитых стран. США демонстрируют дихотомию сотрудничества и сдерживания, активизируя экспорт энергоносителей, но ограничивая передачу критических технологий. ЕС делает акцент на нормативном лидерстве, используя такие инструменты, как Механизм корректировки углеродных границ (CBAM). Этот Механизм требуется для синхронизации китайских стандартов с международными. Япония сочетает технологический трансфер с ресурсной дипломатией, заключая долгосрочные контракты на поставки СПГ для снижения «азиатской премии» к ценам на газ.

На современном этапе сотрудничества с развитыми странами Китай сталкивается с тремя ключевыми вызовами: конкуренцией стандартов в водородной энергетике, регионализацией цепочек поставок и инструментализацией климатической повестки. Эти тенденции указывают на формирование блоковой архитектуры энергетического взаимодействия.

Занимая важное место в энергетической стратегии Китая, Россия стала его стратегическим партнером. Причем партнерство двух стран возросло на фоне их изоляции от Запада. Развитию энергетического сотрудничества между двумя странами

способствуют совпадению их геополитических интересов, взаимодополняемость ресурсов и технологическая интеграция. Основу этого партнерства составляют долгосрочные проекты в области углеводородов, атомной энергетики и возобновляемых источников энергии, которые не только укрепляют энергетическую безопасность сторон, но и формируют новые форматы глобального влияния.

Являясь частью «антисанкционного фронта», энергетическое сотрудничество Китая и РФ заставляет Вашингтон пересматривать свою стратегию сдерживания в отношении обеих стран. Для стран Евросоюза присоединение к санкциям против Российской Федерации обернулось значительным экономическим ущербом. В частности, прекращение сотрудничества с Россией и Китаем в энергетической сфере подчеркивает уязвимость стран Запада перед внешними шоками и вынуждает их искать новые подходы к обеспечению собственной энергетической безопасности [Рукавицын, 2023]. Поэтому сотрудничество с Китаем позволяет России сохранить статус энергетической сверхдержавы за счет переориентации экспорта с Европы на Азию. Для Китая же доступ к российским ресурсам усиливает энергетическую безопасность, снижая уязвимость перед перебоями поставок из Персидского залива и напряженностью в Южно-Китайском море. Параллельно изменение финансовых механизмов китайско-российского энергетического сотрудничества (расчеты в юанях и рублях) бросают вызов долларовой гегемонии, что ускоряет формирование многополярной системы [Третьякова, 2022].

Особого внимания заслуживает взаимодействие двух стран в «зеленой сфере», где энергетическое сотрудничество постепенно смещается в сторону зеленых технологий. Китайские компании поставляют оборудование для модернизации гидроэлектростанций в Сибири (Усть-Илимская ГЭС), а также планируют участвовать в строительстве ветропарков в Арктической зоне¹. Участие в русско-китайских экологических проектах позволяет КНР закрепиться на рынке, который традиционно зависел от европейских поставщиков, а России – диверсифицировать направления энергетического сотрудничества в условиях санкций. Однако стремясь к технологическому лидерству в зеленой энергетике, Китай постепенно снижает зависимость от углеводородов, что в перспективе

приведет к уменьшению значимости российских ресурсов для КНР.

Активное участие Китая в международных энергетических организациях и соглашениях отражает его стратегию, направленную на трансформацию глобальной энергетической архитектуры в пользу многополярности и снижения зависимости от западных институтов. Членство в структурах, таких как Международное энергетическое агентство (в качестве ассоциированного участника), партнерство с ОПЕК+, а также инициативы в рамках ШОС и БРИКС позволяют Китаю лоббировать правила, учитывающие интересы развивающихся экономик. Например, через зеленые инвестиции в рамках Парижского соглашения Китай позиционирует себя как лидера энергоперехода, одновременно расширяя экспорт солнечных панелей и аккумуляторов, что создает новые рынки сбыта.

Параллельно Китай использует платформы межгосударственного взаимодействия, например, такие как Форум китайско-арабского сотрудничества, для заключения долгосрочных контрактов с поставщиками, фиксируя цены и объемы поставок. Это позволяет стране обеспечивать стабильность энергоснабжения и сокращать рыночную волатильность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время энергетическое сотрудничество КНР с зарубежными странами является не только одним из важных экономических приоритетов внешней политики Китая, но и выступает ключевым инструментом реализации его национальных интересов на международной арене. Обеспечение энергетической безопасности через диверсификацию поставок углеводородов, инвестиции в инфраструктуру и формирование долгосрочных партнерств с Россией, а также со странами «Глобального Юга» позволяет Китаю снижать зависимость от западных институтов. Параллельно КНР укрепляет статус глобального лидера в зеленом переходе, экспортируя оборудование для ВИЭ и интегрируя климатическую повестку в свою дипломатию. Однако реализация китайской стратегии по развитию энергетического сотрудничества с зарубежными странами наталкивается на целый ряд проблем. Это и растущая конкуренция с Западом, и наметившаяся тенденция формирования блоковой архитектуры энергетического взаимодействия, и экологические и долговые риски проектов в развивающихся странах.

¹China Willing to Work With Russia on Nuclear, Wind Power Projects in Arctic – State Grid // Sputnik, 2019. URL: <https://pro-arctic.ru/10/10/2019/news/38078> (дата обращения: 14.03.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 中国之定力——应对复杂局势的核心所在 [J]. 人民论坛. 2012(S1): 12–13 = Способность выдержки государства – основа реагирования на сложные ситуации // Народный форум. 2012. Вып. 1. С. 12–13.
2. Белозёров В. К. Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии // Власть. 2015. № 4. С. 19–24.
3. 戴永红, 周禹朋, 付乐. 中国的“全球南方”观与“全球南方”合作发展前瞻 [J]. 当代中国与世界. 2024(03): 56–70 = Dai Yonghong, Zhou Yupeng, Fu Le. Взгляд Китая на «Глобальный Юг» и перспективы сотрудничества и развития на «Глобальном Юге» // Современный Китай и мир. 2024. Вып. 03. С. 56–70.
4. Appalup V. A., Keller D. D. Энергетическая политика Китайской Народной Республики (КНР) под влиянием климатической повестки // Трансформация мировой энергетики: главные тенденции, экзогенные шоки и кризисы, климатическая повестка: сборник материалов Международной научной конференции / под ред. С. В. Жукова. М.: ИМЭМО РАН, 2024. С. 28–35.
5. 中国天然气发展报告 (2024). 北京: 石油工业出版社, 2024. 7. = Доклад о развитии природного газа в Китае (2024). П.: Издательство нефтяной промышленности, 2024.
6. Zengeni K. T. Sino-African Relations: Emerging Concerns and Dynamics // Journal of International Studies. 2020. № 09. P. 77–97.
7. Макеев Ю. А. [и др.]. Энергетический переход в Китае: перспективы и препятствия / Ю. А. Макеев, А. И. Салицкий, Н. К. Семенова, Чжао Синь // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 2. С. 9–32.
8. Mohan G, Tan-Mullins M. The geopolitics of South–South infrastructure development: Chinese-financed energy projects in the global South // Urban Studies. 2019. № 7 (56). P. 1368–1385.
9. Дейч Т. Л. Место Африки в инициативе Китая «Один пояс – один путь» // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 2 (64). С. 118–127.
10. Рукавицын П. М. Российско-германское сотрудничество в сфере энергетики: смена парадигмы и ее экономические и политические последствия для ФРГ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. № 3 (23). С. 303–312.
11. Третьякова Г. В., Казаченко А. А., Лыонг Н. Л. В. Перспективы использования национальных валют в международных расчетах с участием России и Китая // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 58. С. 190–207.

REFERENCES

1. 中国之定力——应对复杂局势的核心所在[J]. 人民论坛. 2012 (S1): 12–13 = China's Resilience: The Core of Navigating Complex Situations (2012). People's Tribune, 1, 12–13. (In Chinese)
2. Belozero, V. K. (2015). The National Security Strategy of The United States as a New Manifesto of The Global Hegemony. Vlast, 4, 19–24. (In Russ.)
3. 戴永红, 周禹朋, 付乐. 中国的“全球南方”观与“全球南方”合作发展前瞻[J]. 当代中国与世界. 2024(03): 56–70 = Dai Yonghong, Zhou Yupeng, Fu Le (2024). China's Perspective on the “Global South” and Prospects for Cooperation and Development with the “Global South”. Contemporary China and the World, 03, 56–70. (In Chinese)
4. Appalup, V. A., Keller, D. D. (2024). Ehnergeticheskaya politika Kitajskoj Narodnoj Respubliki (KNR) pod vliyaniem klimaticheskoy povestki = Energy Policy of the People's Republic of China (PRC) under the Influence of the Climate Agenda. In S. V. Zhukov (ed.): Transformaciya mirovoj ehnergetiki: glavnye tendencii, ehkzogennyye shoki, transformacia mirovoj ehnergetiki: glavnye tendencii, ehkologennyye shoki i krizisy, klimaticheskaya povestka (pp. 28–35): The digest of article of an international scientific conference. (In Russ.)
5. 中国天然气发展报告 (2024). 北京: 石油工业出版社, 2024. 7. = China Natural Gas Development Report (2024). Beijing: Petroleum Industry Press. (In Chinese)
6. Zengeni, K. T. (2020). Sino-African Relations: Emerging Concerns and Dynamics. Journal of International Studies, 09, 77–97.
7. Makeev, Yu. A., Salitskii, A. I., Semenova, N. K., Zhao, Xin (2022). Energy Transformation in China: Perspectives and Obstacles. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 15(2), 9–32. (In Russ.)
8. Mohan, G, Tan-Mullins, M. (2019). The geopolitics of South–South infrastructure development: Chinese-financed energy projects in the global South. Urban Studies, 7(56), 1368–1385.
9. Deich, T. L. (2020). Africa's Place in The Chinese Initiative “One Belt – One Road”. World Economy and International Relations, 64(2), 118–127. (In Russ.)

10. Rukavitsyn, P. M. (2023). Russia-Germany energy cooperation: How paradigm change affects Germany's economy and politics. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 23(3), 303–312. (In Russ.)
11. Tretyakova, G. V., Kazachenko, A. A., Lyong, N. L. V. (2022). Trends and prospects of national currencies in international settlements with the participation of Russia and China. *Tomsk State University Journal of Economics*, 58, 190–207. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чэнь Фанбо

аспирант кафедры политологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chen Fangbo

Postgraduate Student

Department of Political Sciences

Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

14.03.2025
09.04.2025
06.04.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Стадион и время: Международный Красный стадион на Воробьевых горах (1920-е годы)

В. Н. Горлов

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gorlov812@mail.ru*

Аннотация. Актуальность статьи определяется преемственностью между историческим прошлым и настоящим страны. Уточнение социальных мотивов, смыслов, целей гражданского строительства в Советском Союзе необходимо для перспектив дальнейшего развития России. Цель исследования – последовательное усвоение советского исторического опыта, который был накоплен страной в результате строительства грандиозных гражданских сооружений. Они имели не только индустриальное, но и общественное значение. Новостройки былой эпохи отвечали социальным условиям конструирования коммунистического общества. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных и специальных исторических подходов к изучаемому материалу. Исследование выполнено на основе проблемно-исторического анализа с учетом социальных условий того времени. Общенаучный метод применялся для структурно-функционального анализа собранной информации. Большую роль сыграл ретроспективный метод, воспроизводящий события в их историческом развитии и раскрывающий изучаемые феномены в их динамике, особенностях и противоречиях. В статье исследуются противоречия процесса проектирования Международного Красного стадиона в 1920-е годы, идеологическая обусловленность уникального спортивного комплекса, который должен был стать первой мощной экспериментальной базой ведения массовой физкультурно-спортивной работы, практическим воплощением программы физического воспитания нового человека. Анализ проектирования стадиона позволяет судить о нем, как о месте, предназначенном не только для спортивных мероприятий, не только для физического оздоровления трудящихся. Молодым советским государством планировалось строить стадионы для создания очагов культуры и воспитания творческой активности советских граждан. Международно-политический характер стадиона должен был проявиться в агитационном воздействии на граждан.

Ключевые слова: Международный Красный стадион, спортивный комплекс, физическое воспитание, конкурс

Для цитирования: Горлов В. Н. Стадион и время: Международный Красный стадион на Воробьевых горах (1920-е годы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 62–69.

Original article

Stadium and Time: International Red Stadium on Vorobyovye gory (1920s)

Vladimir N. Gorlov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gorlov812@mail.ru*

Abstract. The relevance of this article is determined by the continuity between the historical past and the present country. Understanding social motives, meanings, goals of civil construction in the Soviet Union is necessary for the prospects for the further development of Russia. The purpose of the

study is the consistent assimilation of Soviet historical experience, which was accumulated by the country as a result of the construction of grandiose civil structures. They had not only industrial, but also social significance. The new buildings of the former era met the social conditions for the construction of a communist society. The methodological basis of the study is a set of general scientific and special historical approaches to historical material. The study is based on problem-historical analysis, taking into account the social conditions of that time. The general method was used for structural-functional analysis of the collected information. An important role was played by a retrospective method that reproduces events in their historical development and revealing the studied phenomena in their dynamics, features and contradictions. The contradictions of the design of the international red stadium in the 1920s, the ideological conditionality of the unique sports complex, which was to be the first powerful experimental base for conducting mass physical education and sports work, and the practical embodiment of the program of physical education of a new person, are investigated. Analysis of the design of the stadium allows us to judge it as a place intended not only for sports activities not only for the physical recovery of workers. The young Soviet state was planned to build stadiums to create foci of culture and educate the creative activity of Soviet citizens. The international-political nature of the stadium was supposed to manifest itself in campaigning for large masses of citizens.

Keywords: International Red Stadium, sports complex, physical education, competition

For citation: Gorlov, V. N. (2025). Stadium and Time: International Red Stadium on Vorobyovy gory (1920s). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(859), 62–69. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В первые годы Советской власти система физкультурно-спортивного обслуживания, отвечающая природе стадиона, во многом еще не сложилась. Физкультурные зоны столицы были не развиты в функциональном отношении, не приспособлены к особенностям работы стадиона, не пригодны к круглогодичному функционированию, хотя популярность занятий спортом была велика.

Организацией спорта в РСФСР занимался Высший совет физической культуры (ВСФК), который был образован в 1920 году. Идея создания Всероссийского стадиона принадлежала известному государственному деятелю Н. И. Подвойскому, руководившему ВСФК. В его обязанности, в первую очередь, входило: общее руководство деятельностью спортивных организаций; разработка программ по физическому воспитанию [Млечин, 2015].

Масштабы такого важного начинания привели к усиленной деятельности по освобождению территории юго-западных окрестностей Москвы. Стадион для всероссийских и международных состязаний решили строить там, где до революции располагался престижнейший загородный ресторан Крынкина [Иванов, 2015].

КОНЦЕПЦИЯ КРАСНОГО СТАДИОНА

Н. И. Подвойский с конца 1919 года отвечал за всеобщее, одной из задач которого была организация массового физкультурного движения, и принимал

живейшее участие в проведении многотысячных субботников по расчистке места для стадиона на Воробьевых горах [Мячин, 1977].

В 1920 году началось проектирование стадиона. Планировалось назвать его Всероссийским Красным стадионом (ВКС), который должен был стать главной спортивной площадкой молодого Советского государства, образцом для формирования сети спортивных сооружений по всей стране. Н. И. Подвойский считал, что Всероссийский стадион станет тем местом, где советские люди воочию оценят революцию как массовое движение, где в их сознании упрочится революционный дух. Международно-политический характер стадиона должен был проявиться в агитвоздействии на большие массы граждан, поэтому проектировали трибуны для ораторов. Н. И. Подвойский на заседании Комиссии по сооружению стадиона в 1921 году заметил: «Этот стадион будет являться тем гигантским мировым памятником революции и свободного духа человеческого, о котором будут говорить не только в наш век, но через сотни, тысячи лет» [цит. по: Рябушин, 1986, с. 16–17].

Стадион должен был стать важнейшим центром массового спорта, где можно было проводить всероссийские соревнования и всемирные рабочие «октябриады» в противовес «буржуазным» олимпиадам, а также должен был стать первой мощной экспериментальной базой ведения массовой физкультурно-спортивной работы, практическим воплощением программы физического воспитания населения.

Молодым Советским государством планировалось строить стадионы не только для оздоровления трудящихся, но и для создания очагов культуры и воспитания творческой активности масс. ВКС должен был превратиться в «мощный культурный комбинат». При проектировании стадиона намечался подход к спортивным занятиям как одной из форм отдыха населения в окружении природы. Физкультурная работа тесно переплеталась со зрелищными мероприятиями. Например, специально в качестве объекта стадиона была сконструирована целая серия спортивных аттракционов.

Спортивные сооружения стадиона, их пространственная организация должны были соответствовать специфической природе стадиона. Только в этом случае стадион мог стать комфортной средой для активного отдыха населения. Следовало создать такую привлекательную среду, которая сама по себе, независимо от предметов спортивного инвентаря будет притягивать людей. Очевидно, физкультурные комплексы стадиона должны были выполнять функции спортивных секций, позволяющих советскому человеку попробовать себя в том или ином виде спорта.

В марте 1921 года после длительных обсуждений среди публицистов, архитекторов, художников, режиссеров сформировалась концепция ВКС на территории Воробьевых гор. Был сформирован план освоения территории будущего стадиона, который должен был стать всероссийским спортивным центром. Проектировался единый спортивно-культурный комплекс в парковой зоне. Такие принципы проектирования для Советского государства станут характерны только с 1930-х годов.

КОНКУРСНЫЕ ПРОЕКТЫ СТАДИОНА

В марте 1921 года усилиями государственных деятелей была разработана программа архитектурного конкурса. Ее подготовкой руководил член Комиссии по сооружению стадиона архитектор И. И. Рерберг. Во многом он следовал пожеланиям главы спортивного движения страны Н. И. Подвойского [Всеобщая история архитектуры ... 1975].

На программу архитектурного конкурса повлияла дискуссия о театрализации физической культуры в целях создания «нового коллективного человечества». Так, театральный режиссер В. Э. Мейерхольд сформулировал идеологическую программу стадиона. Он должен был стать не только местом для спортивных мероприятий, но также «средоточием культурной жизни во всех ее областях и проявлениях. В дискуссии участвовали известный поэт и публицист В. Г. Тардов, предложивший проект парка «Революции на Воробьевых

горах», художник Г. Б. Якулов, предоставивший для конкурса живописные эскизы Красного стадиона, и др. Проектированием стадиона активно интересовался первый нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский [Подвойский, 1921].

Главным объектом должна была стать спортивная арена с трибуной для 40–50 тыс. человек, которая должна была располагаться на средней террасе Воробьевых гор. К другим объектам относились: дворец спорта; ипподром, открытый театр для массовых выступлений (театр массового действия). Для грандиозного проекта планировалось строительство моста, который должен был разрешить будущие транспортные проблемы [Иванов, 2015].

Однако тяжелые последствия неурожая лета 1921 года помешали продолжить активно начатое проектирование ВКС. Главный Комитет Государственных сооружений (Главкомгосоор) резко сократил предоставление денежных средств на этот проект, вследствие чего пришлось отказаться от организации архитектурного конкурса и подготовки ВКС к Олимпийским играм 1924 года [Зверинцев, Нестеров, 1935].

Осенью 1921 года на Воробьевых горах проходил красочный спортивный праздник в честь III конгресса Коминтерна. Большинство делегатов этого конгресса предложили переименовать ВКС в Международный Красный стадион (МКС). Таким образом, стадион, который был задуман как всероссийский стадион, получил статус международного спортивного объекта. На этом празднике заметную роль сыграла созданная в феврале 1921 года по предложению известных советских скульпторов С. Т. Коненкова и А. Н. Златовратского скульптурная секция. В ней было подготовлено огромное число работ для размещения на территории ВКС. Объединение включало более 20 скульпторов, в своих работах выражавших идеи революции и всеобща [Коккинаки, 1985].

Председатель ВСФК Н. И. Подвойский планировал пригласить к участию в создании Красного стадиона самые значимые и интересные художественные силы республики, архитектурное руководство Москвы и всей страны. Он называл такое участие «художественным налогом» во всех его видах. Н. И. Подвойскому удалось привлечь к обсуждению проблем театрализации физической культуры и использования стадиона для этих целей таких известных деятелей культуры, как поэтов С. А. Есенина и А. Б. Мариенгофа, искусствоведов А. В. Луначарского, В. Э. Мейерхольда, художников Г. Б. Якулова, Л. П. Балиева [Шевяков, 1924].

Несмотря на то что летом 1921 года архитектурное проектирование Красного стадиона было приостановлено, Комиссия по сооружению

стадиона в течение двух лет (1921–1923) вела переговоры со знаменитыми московскими архитекторами Ф. О. Шехтелем, А. В. Щусевым, И. В. Жолтовским, Л. Н. Бенуа. Комиссия порекомендовала архитектору И. И. Рербергу изготовить модель стадиона, чертежи и эскизы для международной выставки проектов общественных сооружений в Милане [Антипов, 1926].

Этот многопрофильный спортивный комплекс в был самым значительным социальным проектом молодого Советского государства. Вслед за И. И. Рербергом будущий академик архитектуры СССР Н. Я. Колли разрабатывает свой дипломный проект ВКС в Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС). Творчески самостоятельно создавая спортивный комплекс, Н. Я. Колли одновременно ориентировался на проект И. И. Рерберга как на совокупность неоспоримых инфраструктурных образцов. Он считал, что «зритель должен свободно ощущать естественное природное окружение стадиона ... должна быть создана обстановка, которая бы способствовала тому, чтобы каждый зритель воспринимал себя в неразрывной связи с мощным коллективом, с происходящими действиями и окружающей природой» [Колли, 1985, с. 41].

Государственных денег на строительство такого масштабного сооружения, как МКС, явно не хватало. В 1922 году в связи с голодом в Поволжье финансирование строительства стадиона из госбюджета прекратили. И тогда для финансирования такого грандиозного проекта было создано паевое Общество строителей Международного Красного стадиона (ОС МКС). Оно было зарегистрировано в мае 1923 года отделом Управления Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (МСРК и КД). На паях в него вошли профсоюзы, Красная армия, ряд предприятий, общественных организаций. В задачи ОС МКС входили агитация и сбор средств как в России, так и за рубежом [Иконников, 1996].

В апреле 1923 году Красный стадион заключил с Московским управлением недвижимым имуществом (МУНИ) Московского Совета и Президиума Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов договор на предоставление в аренду на 49 лет участок земли между Воробьевским шоссе, деревней Потылиха, рекой и Андреевской богдельней. Таким образом, за МКС была законодательно закреплена масштабная и престижная территория Воробьевых гор. Сам этот факт свидетельствует о признании не только социальной, но и градостроительной значимости стадиона на Воробьевых горах [Мячин, 1977].

В январе 1923 года ОС МКС приступило к переговорам с Московским архитектурным обществом

(МАО) о проведении конкурса на проект МКС. Однако ожидаемых результатов переговоров ОС МКС с Московским архитектурным обществом не последовало, так как Московское архитектурное общество выдвинуло невыполнимые денежные требования. Оно объясняло такие финансовые условия для организации конкурса намерением пригласить к участию в конкурсе лучших архитекторов страны [Бархин, 1928].

Руководителя спортивного движения страны Н. И. Подвойского такие условия явно не устраивали. Ему хотелось привлечь к важному конкурсу совершенно новых архитекторов, которые творчески подошли бы эпохальному заданию, не требуя премий больших размеров. В такой ответственный момент Н. И. Подвойский намеревался придать конкурсу международный статус, пригласив к участию в конкурсе архитекторов Москвы, Петрограда, а также известных иностранных архитекторов, которые были заинтересованы в сотрудничестве с Советским государством. В начале 1924 года он встретился с преподавателями и студентами архитектурного факультета ВХУТЕМАСа, который в то время возглавлял известный архитектор, творческий лидер рационализма Николай Ладовский. Эти встречи обнадежили Н. И. Подвойского, так как показали заинтересованность сторон в осуществлении проекта МКС [Степанов, 1989].

Стимул к проектированию стадиона придало предложение первого Наркома внешней торговли СССР Л. Б. Красина соорудить на Воробьевых горах грандиознейший комплекс. Данный проект напоминал гимназии Древней Греции с общественными зданиями и спортивными сооружениями¹.

Данное предложение было с энтузиазмом встречено московскими архитекторами. Академик архитектуры А. В. Щусев в своей статье «Москва будущего» так описал Воробьевы горы: «Весь горный склон превращается при помощи монументальных лестниц в спортивный Акрополь, с памятником Ленину, стадионами, гимназиями, школами плавания и речного спорта. <...> Вход с Воробьевых гор напоминает виды Рима в композициях Пиранези» [Щусев, 1924, с. 3–4]. Впоследствии Н. А. Ладовский с удовлетворением отмечал, что московские архитекторы завоевали симпатии главы спортивного движения страны Н. И. Подвойского, который до этого весьма скептически относился к архитектору А. В. Щусеву и к Московскому архитектурному обществу [Хан-Магомедов, 1984].

В марте 1924 года ОС МКС объявило конкурс, председателем жюри которого был выбран

¹Трудящиеся, склоните знамёна // Известия. 27.01.1924. № 22. С. 1–2.

Н. И. Подвойский. Студентам архитектурных факультетов ВХУТЕМАСа и Московского института гражданских инженеров «было предложено в порядке академической работы разработать ряд проектов стадиона на Воробьевых горах» [Антипов, 1924, с. 812].

Автор проекта, победившего в конкурсе, Н. А. Ладовский в ВХУТЕМАСе сформировал целое поколение советских архитекторов. В 1923 года он стал основателем Ассоциации новых архитекторов – АСНОВА (союза архитекторов-рационалистов). Летом 1924 года под непосредственным руководством Н. А. Ладовского началось реальное проектирование стадиона. Проектирование осуществляли преподаватели и студенты АСНОВА, которые на конкурсе МКС на Воробьевых горах получили премии за проекты отдельных объектов стадиона. Это был первый публичный успех нового архитектурного общества. После этого конкурса они основали строительную контору ОС МКС [Хазанова, 1970].

Конкурсные проекты в 1924 году были тщательно переработаны. Особенно много споров, в которых самое активное участие принимал лидер авангардного театра В. Э. Мейерхольд, вызвали проекты театра массового действия. В конце концов, от проекта типа Колизей было решено отказаться. К строительству был выбран максимально приспособленный к ландшафту Воробьевых гор проект, где были расчленены массивы трибун. Фоном для действия была панорама Москвы.

Летом 1924 года на месте строительства начались дренажные работы, подготовлены фундаменты для спортивного клуба, построен летний театр на 1500 мест, трибуны на площади массового действия на 2000 мест. Над оформлением объектов стадиона работали ведущие скульпторы тех лет С. Коненков, В. Мухина, С. Меркуров и др. [Зверинцев, 1938].

Заключение геологов о возможности строительства МКС на Воробьевых горах способствовало тому, что летом 1924 года Н. А. Ладовский начал прорабатывать генеральный план стадиона и главный спортивный объект – арену с трибуной. Необычность проекта МКС проявлялась в тесной связи архитектуры с природой; формирование оригинальной композиционной схемы с двумя террасами спортивных арен, открытыми к Москве-реке; неординарные размеры спортивных арен, которые были рассчитаны на организацию массовых действий. Архитектура комплекса имела динамический характер благодаря введению участков передвигающихся трибун, для чего предлагалось использовать живую силу зрителей. В проекте не было строгого разделения на участников и зрителей. В состав комплекса включались также: спортклуб и зрелищно-увеселительные сооружения (театр массового действия и аттракционы, часть которых проектировалась с расчетом на

приведение в движение «собственной силой развлекательных») [Ладовский, 1927, с. 279].

В начале 1925 года, когда шла работа над проектом, параллельно готовилась экспозиция данного проекта для выставки в Париже. Перед отправкой в Париж проект был показан Президиуму ОС МКС. Он получил самую высокую оценку руководства Общества. В Париже на Международной выставке декоративного искусства и художественной промышленности экспонировался «рабочий проект» всего комплекса (с макетом МКС) и перспективные варианты проекта. Динамичность, контрастные сопоставления, асимметрия планировочных композиций произвели сильное впечатление на организаторов и гостей выставки. Проект МКС, выполненный коллективом АСНОВА под общим руководством профессора архитектуры Н. А. Ладовского, получил высокую награду в Париже – золотую медаль по классу «Архитектура» за новаторский архитектурный проект [Былинкин и др., 1962].

Строительные работы на Воробьевых горах в 1925 году были неожиданно приостановлены из-за признаков оползания грунта на склонах. К этому добавились финансовые проблемы. Грандиозный проект не удалось довести до завершения. Несмотря на эти сложности, проектные работы не прекращались. Н. А. Ладовский никак не хотел соглашаться с решением Губинжа¹ о прекращении строительства на правом берегу Москвы-реки и продолжал работу над проектом МКС. Последний вариант проекта МКС 1926 года опубликовал журнал «Строительная промышленность» в 1927 году. Этот вариант демонстрировался в том же году в Германии, Бельгии и США среди экспонатов, отражающих достижения Советской власти за десять лет в составе юбилейной выставки «Окно в СССР». В проекте не было передвижных трибун, спортарена дополнялась бассейном [Машков, 1927].

Строительство МКС как архитектурного сооружения было прекращено в 1925 году. Однако место проекта использовалось для «массового действия». За 1923–1925 годы на Воробьевых горах было проведено 52 рабочих гуляния с «массовым действием», среди них «Наступление империализма на пролетарскую республику» (Нота Керзона), «Земля дыбом» Мейерхольда, которые привлекли более 350 тыс. участников [Коккинаки, 1985].

Процесс проектирования и строительства МКС сыграл важную роль в жизни ведущего в 1920-е годы художественного вуза страны – ВХУТЕМАСа. Опыт привлечения его студентов к созданию

¹Управление губернских инженеров, в функции которого входили выдача разрешений на производство работ, наблюдение за производством строительных работ, учет и регистрация стройорганизаций.

стадиона был успешно продолжен использованием тематики строительства спортивных сооружений в дипломных работах на всем протяжении 1920-х годов. В 1925 году ВХУТЕМАС организовал выставку МКС. Архитекторы МКС в конце 1920-х годов спроектировали спортивные клубы, опиравшиеся на концепцию МКС (был спроектирован многофункциональный спортивный зал с эстрадой и проект спортклуба «Красные Хамовники») [Зверинцев, 1931].

В середине 1920-х годов спортивные функции стадионов на практике всё больше заменялись культурно-воспитательными. В 1930-х годах общество строителей МКС стадиона было упразднено, а его территория была передана Парку культуры и отдыха им. А. М. Горького.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Международный Красный стадион стал одним из самых ранних образцов проектирования крупного общественного комплекса всероссийского значения. Этот проект стал одним из первых архитектурных государственных заказов, важнейшим социально-культурным начинанием, положившим начало строительству стадионов и центров массовой культуры в стране. Проект стал новым в социальном отношении типом архитектурно-природного комплекса и значительного градообразующего объекта, заложив основы использования данной территории столицы, где традиционно размещаются объекты спорта и культуры. После проектирования МКС в крупных городах началось строительство стадионов большой вместимости: «Динамо» в Петровском парке в Москве, стадион им. Кирова в Ленинграде.

В целом проект МКС как центра физкультурно-спортивной работы «пробовал» себя в самых различных направлениях, поскольку система физического воспитания, как и ее материально-техническая база, только начинала складываться. В прогностическом варианте МКС рассматривался в качестве огромной мощи комбината физической культуры.

В будущем планировалось создание разветвленной сети физкультурно-спортивных

сооружений. Стадионы должны были выполнять роль спортивных центров градостроительных образований. В этих центрах планировалась основная доля спортивно-тренировочной и демонстрационной работы. В свою очередь, физкультурной зоне стадиона отводилась узкоспециализированная функция – организация массовой физкультурно-оздоровительной деятельности и активного отдыха населения. Данные проектные предложения МКС могли стать конкретным примером организации среды для физической рекреации, способствующей вовлечению в область физкультуры и спорта самых широких слоев населения.

Архитектурная динамика соответствовала времени проекта. Формировался новый мировой порядок, связанный с окончанием Первой мировой войны, Гражданской войны, образованием Советского государства. Совершилось много других ключевых событий, повлиявших на ход дальнейшего исторического развития молодого Советского государства.

Это было время смелых замыслов и невероятных проектов. После революции строительство грандиозного стадиона становится наиболее интересным проектом на контрастном фоне прочего мира. Как писал великий советский поэт В. В. Маяковский:

Из сердца старое вытри.
Улицы – наши кисти,
площади – наши палитры¹.

В советском государстве спорт рассматривался как один из аспектов переустройства общества, как показатель преимуществ социализма над капитализмом. Именно Международный Красный стадион должен был продемонстрировать преимущества социалистического спортивно-физкультурного движения над буржуазным.

¹Маяковский В. В. Стихотворения и поэмы. Л.: Лениздат, 1971. С.159–160.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Млечин Л. М. Полководцы-революционеры. СПб.: Амфора, 2015.
2. Иванов О. А. От Крымского вала до Воробьевых гор. М.: Центрполиграф, 2015.
3. Мячин И. К. По Москве-реке. М.: Московский рабочий, 1977.
4. Рябушин А. В. Гуманизм советской архитектуры. М.: Стройиздат, 1986.
5. Всеобщая история архитектуры: в 12 т. / под ред. Н. В. Баранова. М.: Изд-во литературы по строительству, 1975. Т. 12 (первая книга).
6. Подвойский Н. И., Мейерхольд В. Э. Всевобуч и искусство // Вестник театра. 1921. № 78–79. С. 25.

7. Зверинцев С. П., Нестеров С. А. Физкультурные сооружения. М.: ОНТИ. НКТП. СССР, 1935.
8. Коккинаки И. В. Градостроительный проект зоны спорта, науки и культуры для Москвы (1-й этап, проектирования Красного стадиона на Воробьевых горах). М.: ЦНИИП градостроительства, 1985.
9. Шевяков Н. С. К вопросу использования результатов архитектурных конкурсов // Строительная промышленность. 1924. № 5. С. 360.
10. Антипов П. И. К вопросу организации архитектурных конкурсов // Строительная промышленность. 1926. № 2. С. 885–886.
11. Колли Н. Я. В мастерской архитектора // Архитектура СССР. 1985. № 3. С. 41–43.
12. Иконников А. В. Советская архитектура реальность и утопии. М.: НИИТАГ. РААСН, 1996.
13. Бархин Г. Б. К вопросу об архитектурных конкурсах // Строительная промышленность. 1928. № 4. С. 304–306.
14. Степанов Н. Т. Подвойский. М.: Молодая гвардия, 1989.
15. Щусев А. В. Москва будущего // Красная нива. 1924. № 17. С. 3–4.
16. Хан-Магомедов С. О. Николай Ладовский. М.: Знание, 1984.
17. Антипов П. И. Архитектурный конкурс // Строительная промышленность. 1924. № 12. С. 812–814.
18. Хазанова В. Э. Советская архитектура первых лет Октября. М.: Наука, 1970.
19. Зверинцев С. П. Архитектура спортивных сооружений / под ред. проф. Н. Я. Колли. М.: Всес. акад. архитектуры, 1938.
20. Ладовский Н. А. Международный Красный стадион в Москве // Строительная промышленность. 1927. № 4. С. 279–281.
21. Былинкин Н. П. [и др.]. История советской архитектуры / Н. П. Былинкин и др. М.: Институт теории и истории архитектуры, 1962.
22. Машков И. П. Старейшее архитектурное общество в России // Строительная промышленность. 1927. № 12. С. 859–862.
23. Коккинаки И. В. Международный Красный стадион. К истории проектирования и строительства // Архитектура СССР. 1985. № 6. С. 106–107.
24. Зверинцев С. П. Спортивная архитектура. Л.: Госнаучтехиздат, 1931.

REFERENCE

1. Mlechin, L. M. (2015). Polkovodcy-revolucionery = Revolutionary commanders. Saint-Petersburg: Amphora (In Russ.)
2. Ivanov, O. A. (2015). Ot Krymskogo vala do Vorob'yovyh gor = From the Crimean shaft to the Sparrow Hills. Moscow: Centerpoligraf. (In Russ.)
3. Myachin, I. K. (1977). Po Moskve-reke = Along the Moscow River. Moscow: Moskovsky Rabochiy (In Russ.)
4. Ryabushin, A. V. (1986). Gumanizm sovetskoj arhitektury = Humanism of Soviet architecture. Moscow: Stroyizdat (In Russ.)
5. Baranov N. V. (Ed.). (1975). Vseobshchaya istoriya arhitektury: v 12 t. = General history of architecture: in 12 Vols. Moscow: Publishing house of literature on construction, 12 (first book). (In Russ.)
6. Podvoisky, N. I., Meyerhold, V. E. (1921). Vsevobuch i iskusstvo = Universal education and art. Vestnik teatra, 78–79, 25. (In Russ.)
7. Zverincev, S. P., Nesterov, S. A. (1935). Fizkul'turnye sooruzheniya = Physical Culture Facilities. Moscow: ONTI. NKTP USSR (In Russ.)
8. Kokkinaki, I. V. (1985). Gradostroitel'nyj proekt zony sporta, nauki i kul'tury dlya Moskvy (1-j etap, proektirovaniya Krasnogo stadiona na Vorob'evykh gorakh) = Urban development project of the sports, science and culture zone for Moscow (stage 1, design of the Red Stadium on Vorobyovy Gory). Moscow: TsNIIP urban development. (In Russ.)
9. Shevyakov, N. S. (1924). K voprosu ispol'zovaniya rezul'tatov arkhitekturnykh konkursov = On the issue of using the results of architectural competitions. Stroitel'naya promyshlennost', 5, 360. (In Russ.)
10. Antipov, P. I. (1926). K voprosu organizacii arkhitekturnykh konkursov = On the issue of organizing architectural competitions. Stroitel'naya promyshlennost', 2, 885–886. (In Russ.)
11. Colli, N. Ya. (1985). V masterskoj arkhitektora = In the architect's studio. Arhitektura v SSSR, 3, 41–43. (In Russ.)
12. Ikonnikov, A. V. (1996). Sovetskaya arhitektura real'nost' i utopii = Soviet architecture reality and utopias. Moscow: NIITAG. RAASN. (In Russ.)

13. Barkhin, G. B. (1928). K voprosu ob arkhitekturnykh konkursakh = On the issue of architectural competitions. *Stroitel'naya promyshlennost'*, 4, 304–306. (In Russ.)
14. Stepanov, N. T. (1989). Podvoisky = Podvoisky. Moscow: Molodaya Gvardiya (In Russ.)
15. Shchusev, A. V. (1924). Moskva budushchego = Moscow of the Future. *Krasnaya Niva*, 17, 3–4. (In Russ.)
16. Han-Magomedov, S. O. (1984). Nikolaj Ladovskij = Nikolay Ladovsky. Moscow: Znanie. (In Russ.)
17. Antipov, P. I. (1924). Architectural competition = Construction industry, 12, 812–814. (In Russ.)
18. Hazanova, V. E. (1970). Sovetskaya arhitektura pervykh let Oktyabrya = Soviet architecture of the first years of October. Moscow: Nauka (In Russ.)
19. Zverincev, S. P. Arhitektura sportivnykh sooruzhenij = Architecture of sports facilities. (1938). Moscow: Vsesoyuznaya akademiya arhitektury. akademiya arhitektury (In Russ.)
20. Ladovsky, N. A. (1927). Mezhdunarodnyj Krasnyj stadion v Moskve = International Red Stadium in Moscow. *Stroitel'naya promyshlennost'*, 4, 279–281. (In Russ.)
21. Bylinkin, N. P. (Ed.). (1962). Istoriya sovetskoj arhitektury = History of Soviet architecture. Moscow: Institut teorii i istorii architektury. (In Russ.)
22. Mashkov, I. P. (1927). Starejshee arkhitekturnoe obshchestvo v Rossii = The oldest architectural society in Russia. *Stroitel'naya promyshlennost'*, 12, 859–862. (In Russ.)
23. Kokkinaki, I. V. (1985). Mezhdunarodnyj Krasnyj stadion. K istorii proektirovaniya i stroitel'stva = International Red Stadium. On the history of design and construction. *Arhitektura SSSR*, 6, 106–107. (In Russ.)
24. Zverincev, S. P. (1931). Sportivnaya arhitektura = Sports architecture. Leningrad: Gosnauchtekhizdat. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, профессор

профессор кафедры исторических наук и архивоведения

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir Nikolaevich

Doctor of History (Dr. habil.), Professor

Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Studies

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.11.2024
25.12.2024
04.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Лев Толстой: начало известности в Англии и США в 1880-е годы

К. В. Кременецкий

Нью-Йоркская киноакадемия, Лос-Анджелес, США
kkremenetski@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются причины и механизмы возникновения интереса к религиозно-философской публицистике Л. Н. Толстого в Великобритании и США в 1880-е годы. Периодическая печать с интересом следила за новостями о конфликте Толстого с Православной церковью. После публикации перевода произведения Толстого «В чем моя вера» во Франции и Германии протестанты начали искать контакта с Толстым. В Россию приехала переводчица Л. Фирс для перевода «В чем моя вера», который был напечатан в Англии протестантским издателем Э. Стоком. Параллельно перевод «Исповеди», «В чем моя вера?» и «Краткого изложения Евангелия» начал В. Г. Чертков и выполнил Г. Бэттерсби. Эти произведения были выпущены за счет Черткова одним томом под названием «Christ's Christianity» издателем К. Полом. Пол был более заинтересован политическими, чем религиозными взглядами Толстого. Французское издание «В чем моя вера» было использовано для перевода на английский язык в Англии и США. За этим последовали другие переводы. Толстому стали создавать репутацию великого писателя, мыслителя и религиозного реформатора. Рецензенты отождествляли взгляды Толстого с неконформизмом, теософией или с восточными религиями. Толстого объявили проповедником христианского анархизма, коммунизма и нигилизма. Публицистика Толстого считалась полезной для революционной пропаганды и воздействия на общественное мнение в России. Католики видели, что пропаганда взглядов Толстого исходит от протестантов-евангелистов. Поэтому они не придавали большого значения публицистике Толстого, указывали на ее вторичность и противоречивость. Толстой понимал причины своей международной известности и учитывал это в последующей публицистической деятельности.

Ключевые слова: Лев Толстой, В. Г. Чертков, Г. Бэттерсби, М. Вогюэ, У. Хоуэллс, неконформизм, теософия, католицизм, анархизм

Благодарности: Автор считает своим долгом выразить благодарность Т. Г. Никифоровой и другим сотрудникам отдела рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (ГМТ) за предоставленную возможность ознакомления с материалами архива ГМТ.

Для цитирования: Кременецкий К. В. Лев Толстой: начало известности в Англии и США в 1880-е годы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 70–77.

Original article

Leo Tolstoy: the Dawn of the Fame in England and USA in 1880s

Konstantin V. Kremenetski

New York Film Academy, Los Angeles, USA
kkremenetski@gmail.com

Abstract: This paper discusses the reasons and mechanism of the emergence of interest to Leo Tolstoy philosophical writings in England and USA in 1880s. Media were following stages of the conflict

between Tolstoy and the Orthodox church. After publication of “Ma religion” in France and “Worin besteht mein Glaube” in Germany protestants established contact with Tolstoy, which lasted up to the end of his life. L. Frears was sent to Russia to translate “What is my faith”, the translation being published as “What I Believe” by nonconformist publisher E. Stock. Simultaneously the translation of “Confession”, “What is my faith”, and “Synopsis of Gospels” was initiated by V. G. Chertkov and completed by H. Battersby. These works were published in a single volume as “Christ’s Christianity” by Kegan Paul. Paul was attracted by political rather than religious views of Tolstoy. In the USA “Ma religion” was translated from French as “My Religion”. Other translations soon followed. Tolstoy was promoted as a great writer, thinker and religious reformer. Critics authenticated Tolstoy’s views with Nonconformism, Theosophy and Buddhism. He was seen as a preacher of Christian anarchism, communism and nihilism. Tolstoy’s declarations against the Russian form of government and Church were seen as beneficial for the revolutionary propaganda in the Russian Empire. Catholics were aware of Tolstoy’s embracing by Protestants, and denied to attribute any importance to Tolstoy’s views pointing to their secondary and controversial nature. Tolstoy was well aware of reason of his international fame, which determined his further publicist activity.

Keywords: Leo Tolstoy, V. Chertkov, H. Battersby, M. de Vogüé, W. Howells, Nonconformism, Theosophy, Catholicism, anarchism

Acknowledgements: The paper would be impossible without a very kind and most generous assistance of T. G. Nikiforova and other researchers from the State Tolstoy Museum at Moscow.

For citation: Kremenetski, K. V. (2025). Leo Tolstoy: The Dawn of the Fame in England and USA in 1880s. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(859), 70–77. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Международная известность Л. Н. Толстого начиная с 1880-х годов была предметом интереса современников и исследователей. Проводилось различие между интересом к художественным и к философско-публицистическим произведениям Толстого. Рассматривалось творчество Толстого в общем контексте интереса к русской культуре и в контексте межгосударственных отношений [Мотылева, 1957; Прийма, 1960; Edgerton, 1968; Ломунов, 1975; Кременецкий, 2024]. Проводились исследования о переводах и восприятии произведений Толстого в Великобритании и США в конце XIX – начале XX века [Зиннер, 1961; Николюкин, 1987; Журавлева, 2012; Сергеева, 2024]. Не уделялось достаточного внимания тому, как начались переводы публицистических произведений Толстого в Великобритании и США, кто был заинтересован в публицистике Толстого.

В статье рассматривается вопрос, как в периодических изданиях Великобритании и США освещались и комментировались религиозно-философские взгляды Л. Н. Толстого в 1880-е годы. Показано, кем и с какой целью осуществлялись первые переводы публицистики Толстого на английский язык, что заложило основу ее последующей известности в Великобритании и США.

ПЕРВЫЕ ИЗДАНИЯ ПУБЛИЦИСТИКИ Л. Н. ТОЛСТОГО В АНГЛИИ

Начиная с 1882 года английская пресса с интересом следила за конфликтом графа Толстого с духовной цензурой. Газеты сообщали о работе Толстого над комментариями к Новому Завету, которые по цензурным соображениям якобы будут изданы за пределами России¹. На эту новость обратили внимание английские неконформисты². Затем появилось известие о запрете духовной цензурой предназначенной для «Русской мысли» статьи Толстого³. Эту новость повторил в конце года в обзоре русской литературы Н. И. Стороженко, сравнив Толстого с Руссо⁴.

В июле 1883 года в парижском журнале «La Nouvelle Revue» («Новый журнал») был напечатан французский перевод Л. Д. Урусова введения к «Краткому изложению Евангелия»⁵. Это был

¹Count Leo Tolstoy // The Evening News. 04.03.1882. P. 1; Art and Literary Gossip // The Echo. 18.03.1882. P. 4.

²Notes of the Week // The Christian Life. A Unitarian Journal. 25.03.1882. P. 133.

³Art and Literary Gossip // The Echo. 19.08.1882. P. 4; Jottings // The Standard. 19.08.1882. P. 4; Notes and News // The Academy. 19.08.1882. P. 134; Journalistic Notes // Public Opinion. 26.08.1882. P. 275.

⁴Sutorjenko N. Russia // The Athenaeum. 30.12.1882. P. 890–892.

⁵Léon Tolstoï. Exposé de l’Évangile // La Nouvelle Revue. 15.07.1883. P. 243–256.

первый перевод публицистики Толстого на иностранный язык. «La Nouvelle Revue» был основан Ж. Адан, которая была хозяйкой влиятельного парижского салона и известной фигурой в политических и литературных кругах [Hogenhuis-Seliverstoff, 2002]. Адан написала к статье Толстого предисловие, в котором сравнила его с первыми христианами, с Лютером, Гусом и Кальвином¹. Благодаря предисловию Адан статья Толстого была замечена прессой. Специальный корреспондент «Journal de Genève» в Париже напечатал изложение статьи Толстого. Журналист сослался на мнение И. С. Тургенева, что Толстой самый значительный писатель в России, но совершенно неизвестный в Европе. Автор отметил, что Толстой порвал с Православной церковью, готов пострадать за свои взгляды, и высказал предположение, что это может стать началом реформации в России².

Известный в то время французский евангелист и историк Церкви Э. де Прессансе опубликовал в английском унитарном еженедельнике письмо с переводом большей части статьи из «Journal de Genève», снабдив его своими комментариями. Прессансе считал знаменем времени, что ультраантихристианский журнал «La Nouvelle Revue» напечатал статью Толстого. Прессансе отмечал, что статья не дает полного представления о взглядах Толстого, но верил, что Толстой придет к познанию истинного Бога³.

Письмо Прессансе о публикации перевода статьи Толстого в «La Nouvelle Revue» вызвало отклики в прессе протестантов-евангелистов. Часть статьи де Прессансе, где речь шла о Толстом, без указания источника была перепечатана в другом унитарном журнале⁴. Вскоре «The Inquirer» напечатал письмо в редакцию протестантского пастора Р. Саффилда (Rodolph Suffield), причем Саффилд знал, откуда «The Inquirer» перепечатал статью де Прессансе. Саффилд писал, что религиозные взгляды Толстого можно охарактеризовать как неконформистские. В подтверждение Саффилд сослался на свидетельство одной из своих прихожанок, которая была два года гувернанткой в семье Толстого⁵. Подробное изложение статьи в «Journal de Genève» под заголовком «Русский унитарий» появилось в евангелистском журнале в США и перепечатано

в Англии⁶. Так благодаря публикации в «La Nouvelle Revue» на публицистику и религиозные взгляды Толстого обратили внимание протестанты-евангелисты по обе стороны Атлантики.

Интерес английских газет вызвал демонстративный отказ Толстого от исполнения обязанностей присяжного. Газеты писали, что этот поступок писателя связан с его религиозными взглядами и цитировали сравнение Н. И. Стороженько Толстого с Руссо⁷.

После публикации французского и немецкого переводов «В чем моя вера»⁸ с Толстым решили связаться английские евангелисты. В мае 1885 года в Россию приехала Л. Фирис для перевода на английский «В чем моя вера». Книга вышла в конце 1885 года в издательстве Эллиот Сток⁹. Э. Сток был евангелистом, однако его бизнес-интересы были разнообразны, и он постоянно издавал религиозную литературу евангелистов¹⁰. Книге была обеспечена реклама и положительные рецензии¹¹. Отмечалось, что она уже опубликована во Франции и в Германии, но запрещена в России¹². Рецензенты подчеркивали, что взгляды Толстого подрывают основы социального, военного и религиозного строя России¹³.

В 1885 году к изданию английских переводов публицистики Толстого подключился В. Г. Чертков. Чертков начал работу над переводом «Исповеди», «В чем моя вера?» и «Краткого изложения Евангелия» с помощью преподавателей английского языка в Петербурге Ч. Тернера и К. Хиса в мае 1884 года [Ореханов, 2009]. В мае 1885 года Чертков поехал в Англию через Германию и по дороге купил два экземпляра немецкого перевода «В чем моя вера»¹⁴. Чертков сопровождал свою мать на ежегодной конференции евангельских христиан, которая проходила на юге Англии, и при общении с английскими евангелистами обнаружил, что им

¹Lamber J. Pages inédites de Léon Tolstoï // La Nouvelle Revue. 15.07.1883. P. 241–243.

²La confession d'un romancier russe // Journal de Genève. 05.08.1883. P. 3.

³Pressensé E. de. Count Tolstoï's Confessions // The Christian World. 23.08.1883. P. 562–563.

⁴Count Tolstoï's Confessions // The Inquirer. 25.08.1883. P. 533–534.

⁵Suffield R. R. To the Editor // The Inquirer. 08.09.1883. P. 572.

⁶Lowe M. P. A Russian Unitarian // The Unitarian Review. October 1883. P. 373; A Russian Unitarian // The Christian Life. A Unitarian Journal. 01.12.1883. P. 573.

⁷A Case of Conscience // The Daily News. 25.10.1883. P. 7; Storozhenko N. Russia // The Athenaeum. 30.12.1882. P. 890–892.

⁸Tolstoï L. Ma religion. Paris: Librairie Fischbacher, 1885; Tolstoï L. Worin besteht mein Glaube? Leipzig: Duncker & Humblot, 1885.

⁹М. А. Шмидт и О. А. Баршева Л. Н. Толстому. 23 мая [1885]. ГМТ. Ф. 1. № 117/1; Tolstoï L. What I believe. London: Elliot Stock, 1885.

¹⁰Mr. Elliot Stock // The Athenaeum. 11.03.1911. P. 277–278.

¹¹Literary and Art Gossip // The Methodist Times. 03.09.1885. P. 4; New Books and New Editions // The Newcastle Chronicle. 16.01.1886. P. 8; Bayne R. Christ's Christianity. What I Believe. By Leon Tolstoï // The Academy. 23.01.1886. P. 54–55; Literary // Evangelical Christendom. 01.01.1886. P. 5–7.

¹²Literary Gossip // The Athenaeum. 29.08.1885. P. 271–273.

¹³A Converted Novelist // Edinburgh Evening News. 26.10.1885. P. 4.

¹⁴В. Г. Чертков Л. Н. Толстому. 4 июня 1885. ГМТ. Ф. 1. № 118/89. Л. 2.

уже было известно издание французского перевода «В чем моя вера» Л. Н. Толстого – «Ma religion»¹.

В Англии Чертков готовил текст к изданию вместе с Г. Бэттерсби². Бэттерсби был сыном генерала и окончил с отличием военное училище в Сандхерсте. Бэттерсби был знаком с переехавшим в Англию в 1884 году русским евангелистом В. А. Пашковым³. В письмах к Толстому Чертков называл Бэттерсби своим молодым другом⁴. По-видимому, знакомство Черткова с Бэттерсби возникло благодаря связям матери Черткова с английскими евангелистами. Мать Черткова и жена Пашкова были родными сестрами. Перевод «В чем моя вера» Бэттерсби сверял с «Ma religion»⁵. Бэттерсби отмечал в предисловии, что в процессе редактирования текст был полностью переработан. Владение Чертковым английским было недостаточным для литературного перевода. Бэттерсби писал Черткову по-дружески, что в имеющемся переводе было столько ошибок, что многие листы ему пришлось переводить заново⁶. Бэттерсби вел переговоры с издателями, и вся переписка по изданию, включая адресованная Черткову, шла через него⁷. Бэттерсби нашел для книги издателя – К. Пола. Пол сообщал Бэттерсби, что он взялся за издание книги, поскольку у него больше симпатии вызвала политическая часть содержания книги, нежели религиозная. Интерес Пола к изданию перевода Толстого был мотивирован мировоззренчески: в то время Пол был агностиком и позитивистом [Howsam, 1998]. Пока шла работа над изданием, в издательстве Стока был опубликован перевод «В чем моя вера». Это вызвало беспокойство Пола, из-за потенциального конфликта по поводу прав на издание перевода, но со Стоком по-дружески договорились⁸.

К 31 октября 1885 года была отпечатана 1 тыс. экземпляров книги, что обошлось Черткову в 167 фунтов стерлингов. Деньги за оплату тиража переводились из России через Сытина. Из тиража

130 экземпляров было разослано в журналы на рецензию, в библиотеки, автору и его друзьям. Л. Н. Толстой получил экземпляр «Christ's Christianity» в декабре 1885 года⁹. Рецензии в печати появились в 1886 году¹⁰. Книга рекламировалась на лекциях о Толстом – религиозном реформаторе¹¹. На 30 июня 1886 года было продано 197 экземпляров. В декабре 1887 года издательство запрашивало Черткова (через Бэттерсби), что делать с нераспроданным тиражом¹². В 1891 году в издательстве еще оставались нераспроданные экземпляры¹³. Книга была запрещена цензурой для ввоза и продажи в Россию¹⁴.

Переводов Л. Н. Толстого на английский было мало, и в периодике ссылались на французские издания и на популярность Толстого во Франции¹⁵. Когда во Франции вышел очерк Э. Дююи о трех русских писателях (Н. Гоголе, И. Тургеневе, Л. Толстом), то его перевели на английский. Дююи отмечал, что Толстой отрицает собственность, суд, армию, национальные границы и разделяет социальную доктрину коммунизма¹⁶. В 1886 году во Франции вышел отдельным томом сборник эссе М. Вогюэ о русских писателях, включавший очерк о Л. Н. Толстом. Вогюэ вкратце охарактеризовал религиозно-философские произведения Толстого, отметив, что они расходятся в России в списках, поскольку запрещены цензурой, и не находил в идеях Толстого ничего нового и заслуживающего внимания¹⁷. Книга Вогюэ была известна в Англии¹⁸, и с небольшими сокращениями была переведена на английский и издана в США¹⁹.

⁹Толстой Л. Н. Полн. Собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит-ра, 1935. Т. 85. С. 288–289.

¹⁰How I came to believe // The Church Reformer. June 1886. P. 127–129.

¹¹Mr. Lake's Discourses // The Warwick and Warwickshire Advertiser. 03.04.1886. P. 5.

¹²K. Paul to H. F. Battersby. August 28, 1886 (РГАЛИ. ф. 552. оп. 2 ед. хр. 2 л. 4 об.-5); K. Paul to V. Tchertkoff. December 19, 1887 (РГАЛИ. ф. 552. оп. 2 ед. хр. 2 л. 6).

¹³H. F. Battersby to E. J. Dillon. March 11, 1891. University of Leeds. E. J. Dillon Papers. GB 206 MS 1483. Item 3.

¹⁴Каталог рассмотренных иностранною цензурою сочинений запрещенных и дозволенных с исключениями с 1-го июля 1871 г. по 1-е января 1897 г. СПб.: Типография Министерства Внутренних дел, 1898. С. 352.

¹⁵Russian Count Turned Shoemaker // The Glasgow Weekly Mail. 20.03.1886. P. 6; Literary Notes // American Register (London). 14.08.1886. P. 8; Literary Gossip // The Athenaeum. 11.09.1886. P. 339–340.

¹⁶Ernest Dupuy. The Great Masters of Russian Literature in the Nineteenth Century. New York: Thomas Y. Crowell & Co. and London: Maxwell, [1886].

¹⁷Vogüé E. M. de. Le roman russe. P.: Plon, 1886.

¹⁸Morfill W. R. Count Tolstoi as Novelist and Thinker // The Academy. 08.12.1888. P. 364.

¹⁹Vogüé E. M. de. The Russian novelists. Boston: D. Lothrop company [1887].

¹В. Г. Чертков Л. Н. Толстому. 19 июня 1885. ГМТ. Ф. 1. № 118/89. Л. 4 об.

²Harry Francis Prevost Battersby (1862–1949).

³В. Г. Чертков Л. Н. Толстому. 4 июня 1885. ГМТ. Ф. 1 №118/89. Л. 1 об.; H. F. Battersby to E. Dillon. 1 August 1887. E. J. Dillon Papers. Green Library, Stanford University. M0935. Series 1. Box 3. Folder 5.

⁴Толстой Л. Н. Полн. Собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит-ра, 1935. Т. 85. С. 370.

⁵H. F. Battersby to V. Tchertkoff. 6 October [1885]. Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ. ф. 552. оп. 2 ед. хр. 213. л. 37).

⁶Tolstoi L. Christ's Christianity. L., 1885. P. x. См. также H. F. Battersby to V. Tchertkoff. n/d [1885] (РГАЛИ. ф. 552. оп. 2 ед. хр. 213. лл. 34–35; 45–46; 49–53; 57–58).

⁷H. F. Battersby to V. Tchertkoff. n/d [1885] (РГАЛИ. ф. 552. оп. 2 ед. хр. 213. лл. 49; 57–58).

⁸H. F. Battersby to V. Tchertkoff. [29 August] 1885 (РГАЛИ. ф. 552. оп. 2 ед. хр. 213. л. 33–33б); H. F. Battersby to V. Tchertkoff. 19 September [1885] (РГАЛИ. ф. 552. оп. 2 ед. хр. 213. л. 34–35).

Толстого внесли в список знаменитостей XIX века как писателя и социального реформатора¹. Выходивший под редакцией Е. П. Блаватской теософский журнал «Люцифер» писал, что взгляды Л. Н. Толстого соответствуют принципам теософии².

Толстого пропагандировали евангельские христиане. Писательница и критик Ф. Уеджвуд назвала его великим писателем и сравнила с Буддой, поскольку Толстой, как и Будда, якобы живет среди бедных и для них³. Проповедь о Толстом была включена в цикл воскресных проповедей о великих мыслителях. В списке мыслителей: Сократ, Марк Аврелий, Франциск Ассизский, Дж. Уесли, Дж. Баньян, У. Чаннинг, Л. Н. Толстой. Было сообщено, что проповедь о Толстом прошла в целиком заполненной церкви⁴.

В литературе упоминается статья о Толстом влиятельного английского критика М. Арнольда⁵ [Мотылева, 1957; Прийма, 1960]. В. Г. Чертков был в Англии в мае – июне 1885 года и послал Арнольду французское издание книги Толстого «Ma religion»⁶. Арнольд не скупился на похвалы Толстому-писателю и тщательно подбирал выражения при рассуждениях о религиозных взглядах Толстого, ссылаясь на то, что у него (Арнольда) нет желания их критиковать, да и объем статьи этого не позволяет⁷. Арнольд был агностиком, и в частном письме от 24 февраля 1888 года объяснил, почему он написал эссе о Толстом. Арнольд никогда не писал о современниках, и поэтому ничего не писал о Тургеневе, которого высоко ценил и читал. Для Толстого же было сделано исключение из-за его религиозных взглядов⁸.

ПЕРВЫЕ ИЗДАНИЯ ПУБЛИЦИСТИКИ Л. Н. ТОЛСТОГО В США

В 1882 году вслед за английскими американские протестантские издания сообщили, что граф Толстой пишет рассказы на религиозные темы⁹. Позднее появились новости о том, что комментарии

Толстого о Новом Завете из-за цензуры не смогут быть опубликованы в России¹⁰. Как мы видели выше, американские евангелисты обратили внимание на публикацию статьи Толстого в «La Nouvelle Revue», отметив, что Толстой показывает, как далека Православная церковь от истинного христианства¹¹.

В рецензии на французское издание «Ma religion» парижский корреспондент «The Nation» подчеркнул, что Толстой отрицает правительство, законы и права собственности¹². Эта работа была переведена с французского языка на английский и издана в Нью-Йорке¹³.

Отзывы о книге были двойственными. Унитарный журнал назвал Толстого русским квакером и сравнил с Дж. Фоксом¹⁴, но отмечал постоянные повторения в тексте¹⁵. В отзыве на английское издание «My Religion» рецензент подчеркнул слепой буквализм и противоречия в рассуждениях Толстого¹⁶. Однако были положительные отзывы о «Christ's Christianity»¹⁷. В протестантском журнале, в котором содержался английский перевод очерка Э. Дюпюи о русских писателях, было подчеркнуто следующее: главной темой русского писателя, которая делает его влиятельным на родине и знаменитым за границей, являются страдания русского народа от абсолютизма и тирании.

Одновременно печатались сообщения о том, что Толстой сошел с ума и помещен в сумасшедший дом¹⁸, что он решил забросить литературу и стать сапожником¹⁹. Несмотря на кажущуюся анекдотичность подобных корреспонденций, они способствовали популяризации и узнаваемости имени Толстого.

В литературе упоминается роль, которую сыграли в привлечении внимания к художественным и публицистическим произведениям Л. Н. Толстого в США статьи американского писателя У. Хоуэллса [Алексеева, 2010]. При этом не учитывается общий контекст литературных взглядов Хоуэллса. Хоуэллс стремился познакомить американцев с европейскими писателями реалистами из Франции, Италии, Испании, Норвегии и России. В этом

¹Celebrities of the century: being a dictionary of men and women of the nineteenth century / Ed. L. C. Sanders. L., 1887.

²Is Theosophy a Religion? // Lucifer. 15.11.1888. P. 177–187.

³Wedgwood J. Count Leo Tolstoi // The Contemporary Review. August 1887. P. 249–262.

⁴Denominational Items // The Christian Life. 08.10.1887. P. 487–488; Denominational Items // The Christian Life. 03.12.1887. P. 584–585.

⁵Arnold M. Count Leo Tolstoi // The Fortnightly Review. 01.12.1887. P. 783–799.

⁶В. Г. Чертков Л. Н. Толстому. 4 июля 1885. ГМТ. Ф. 1. № 118/89. Л. 1 об.

⁷Arnold M. Count Leo Tolstoi // The Fortnightly Review. 01.12.1887. P. 783–799.

⁸The Letters of Matthew Arnold 1848–1888 : in 2 vols. / Ed. G. W. E. Russell. N-Y.: Macmillan, 1895.

⁹Literary News // The Independent. 23.02.1882. P. 12; Literary Notes // The Christian Union. 09.03.1882. P. 233.

¹⁰Foreign Literary Notes // The Eclectic Magazine of Foreign Literature. May 1882. P. 715–716; Miscellaneous Items // Printers' Circular. June 1882. P. 75.

¹¹Lowe M. P. A Russian Unitarian // The Unitarian Review. October 1883. P. 373.

¹²Tolstoi's 'My Religion' // The Nation. 08.10.1885. P. 298–299.

¹³Tolstoi L. My Religion. Translated from the French. N-Y.: Thomas Y. Crowell, 1885.

¹⁴George Fox (1624–1691) – основатель Общества друзей (квакеры).

¹⁵My Religion // The Christian Register. 04.02.1886. P. 74.

¹⁶My Religion // The Unitarian Review. March 1886. P. 286–287.

¹⁷From England // The Christian Register. 01.04.1886. P. 197.

¹⁸Summary of the Week's News // The Nation. 10.09.1885. P. 208–209.

¹⁹Brevities // The Christian Register. 22.04.1886. P. 243.

ряду был Тургенев, а впоследствии заменивший его Толстой. Хоуэллс следил за французской литературой и в оценке произведений русских писателей следовал суждениям французских критиков Вогюэ и Дюпюи [Goldfarb, 1971]. Хоуэллс отзывался о произведениях И. С. Тургенева в тех же выражениях, которые он затем использовал в статье о Толстом¹. Хоуэллс начал писать о Толстом в феврале 1886 году. Интерес Хоуэллса к Толстому был связан с его религиозными воззрениями: Хоуэллс был протестантом-евангелистом [Olsen, 1991].

Хоуэллс положительно отзывался о «My Religion», сравнив Толстого с ранними христианами, хотя и нашел у Толстого характерную для всех русских пассивную азиатскую меланхолию². Хоуэллс называл Толстого последователем Христа, ссылаясь на свидетельство Дж. Кеннана³. Религиозные взгляды Толстого одобрял в проповедях евангелистский пастор М. Сэвэдж, на чье мнение ссылался Хоуэллс⁴.

Американские евангелисты включили лекцию о Толстом в цикл о религиозных мыслителях современности и указывали на сходство взглядов Толстого с воззрениями квакеров⁵. Толстого ставили в один ряд с Христом, апостолом Павлом, Буддой и Джоном Брауном⁶.

Представляет интерес обсуждение воззрений Толстого американскими методистами. В отзыве на «My Religion» отмечалось, что взгляды Толстого нельзя считать христианскими⁷. Поскольку Толстой выступает против Православной церкви и государственного устройства в России, то книгу следует воспринимать как протест против угнетения⁸. Отмечалась экстравагантность взглядов Толстого

о непротавлении злу⁹. Другой автор пояснял, что безнадежный пессимизм Толстого обусловлен его проживанием в России и вызван положением дел в этой стране. Но несмотря на смутные взгляды Толстого, его проповеди очень полезны, поскольку способствуют изменениям в русском обществе и политике. Это важно для всего мира, и не имеет значения то, каким способом эти изменения подготавливаются¹⁰. В ответ было опубликовано письмо в редакцию, где приводятся цитаты из «My Religion». Они свидетельствуют о том, что Толстой отрицает бессмертие души. В письме, направленном против учения Толстого, подчеркивается, что это опасный социализм и анархизм¹¹.

ОТЗЫВЫ КАТОЛИКОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США О ПЕРВЫХ ИЗДАНИЯХ ПУБЛИЦИСТИКИ Л. Н. ТОЛСТОГО

Католические авторы следили за интеллектуальными и литературными новостями в своих странах. В католических журналах были разделы, посвященные новинкам литературы. Им давалась оценка с художественной и при необходимости с религиозной точки зрения. В литературные обзоры включались отзывы на переводы произведений Толстого. Взгляды католиков на Толстого были созвучны статьям Вогюэ.

В Великобритании католики откликнулись краткими отрицательными отзывами на появление перевода «В чем моя вера». Они отмечали, что Толстой считает всех христиан псевдохристианами, а капризы писателя заслуживают только забвения¹². Католический еженедельник «The Tablet» откликнулся на новый перевод «В чем моя вера». На страницах еженедельника отчетливо выражалась мысль о том, что взгляды Толстого полностью расходятся с доктриной Церкви и демонстрируют его бессилие. В еженедельнике «The Tablet» была также опубликована критическая рецензия на вышедший во Франции очерк Э. Дюпюи о трех русских писателях. В рецензии говорилось, что Толстой стал пророком новой религии и предложил свою интерпретацию Нового Завета. По мнению рецензента, случившееся с Толстым явилось следствием того, что Русская церковь пресмыкается

¹Howells W. D. Recent Literature // The Atlantic Monthly. February 1873. P. 237–243; Howells W. D. Editor's Study // Harper's Magazine. April 1886. P. 808–812; Howells W. D. Editor's Study // Harper's Magazine. November 1886. P. 961–967; Life in letters of William Dean Howells / Ed. by M. Howells. N.-Y.: Doubleday, Doran & Co, 1968. Vol. 1.

²Howells W. D. Editor's Study // Harper's Magazine. 1886. P. 808–812.

³Howells W. D. Lyof Tolstoi // Harper's Weekly. 23.04.1887. P. 299–300. Кеннан не назван по имени, но угадывается по контексту. См. также [Кременецкий, 2024, с. 67–68].

⁴Savage M. J. Count Tolstoi vs Evolution // Unity Pulpit. Sermons of M. J. Savage. 1887. Vol. 8. No 35; Savage M. J. Ten Talent Temptations // Unity Pulpit. Sermons of M. J. Savage. 1887. Vol. 8. No 36; Howells W. D. Editor's Study // Harper's Magazine. August 1887. P. 476–480.

⁵The Religion of Modern Thinkers // The Unitarian. 1887. Vol. 2. No 12. P. 300.

⁶Black G. D. Tolstoi's Ethics // Unity. 1888. Vol. 22. No 16. P. 214–215.

⁷Houghton R. C. Count Lyof Tolstoi // The Methodist Review. May–June 1889. P. 377–394.

⁸Editorial Notes and Discussions. Opinion // The Methodist Review. March–April 1889. P. 268–272; My Religion // The Methodist Review. March–April 1889. P. 313–314.

⁹The Origin of Nihilism // The Southern Methodist Review. 1887. Vol. 3. No 2. P. 268–273.

¹⁰Houghton R. C. Count Lyof Tolstoi // The Methodist Review. May–June 1889. P. 377–394.

¹¹Hargis J. H. Count Tolstoi on Immortality // The Methodist Review. July–August 1889. P. 597.

¹²What I believe // Dublin Review. January–April 1886. P. 234; What I believe // The Month. A Catholic Magazine and Review. December 1886. P. 599–601.

перед кесарем и поэтому не пользуется уважением и привязанностью русского народа¹.

В США отзывы на книги Толстого появлялись в литературном обозрении журнала «The Catholic World». Эту рубрику вел М. Игэн², писатель и дипломат ирландского происхождения. В отзыве о «My Religion» Игэн видел корень заблуждений Толстого в том, что Церковь в России поработана государством, а также в искусственности и варварстве русского общества. Греческая схизма порождает безнадёжность русской жизни. Иллюстрацию этого тезиса Игэн находил и в романах Толстого, которые не рекомендовал католикам к прочтению³. В отзыве на перевод «Так что же нам делать» рецензент отмечал, что Толстой отрицает правительство, Церковь, науку, «искусство для искусства» и бессмертие души⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Известия о конфликте Толстого с Православной церковью и публикация перевода введения к «Краткому изложению Евангелия» Толстого во

Франции привлекли к нему внимание протестантов Великобритании и США. Поэтому были осуществлены переводы публицистических текстов Толстого на английский язык и последовало их оперативное издание.

В отзывах рецензентов прослеживаются две тенденции. Многие рецензенты отмечали противоречивость взглядов Толстого, неоригинальность и вторичность его построений. Однако публицистика Толстого встречала и положительные отзывы. Положительно оценивался её пропагандистский потенциал. В ней присутствовало отрицание основ общественного, государственного и религиозного устройства Российской империи. Следует добавить, что Толстой был чрезвычайно известен в России. К его мнению прислушивались. Поэтому популяризация идей Толстого на Западе будет замечена в России и будет оказывать влияние на общественные умонастроения в России. Католики видели, что продвижение и реклама публицистики Толстого осуществляются протестантами. Они предполагали, что нападки Толстого на православие могут быть использованы и против католицизма и поэтому они не придавали никакого значения религиозно-философским взглядам Толстого. Толстой понимал причины интереса к своим публицистическим статьям и учитывал это в своей дальнейшей публицистической и общественной деятельности.

¹Leaders in Russian Literature // The Tablet. 13.03.1886. P. 409–410.

²Maurice Francis Egan (1852–1924).

³Egan M. F. A Chat about New Books // The Catholic World. April 1886. P. 133–134; May 1886. P. 275–276; September 1886. P. 846–847; August 1887. P. 702; September 1887. P. 842–843.

⁴Talk about New Books // The Catholic World. February 1889. P. 696–699.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мотылева Т. Л. О мировом значении Л. Н. Толстого. М.: Советский писатель, 1957.
2. Прийма Ф. Я. Начало мировой славы Льва Толстого // Русская литература. 1960. № 4. С. 33–63.
3. Edgerton W. The artist turned prophet: Leo Tolstoy after 1880 // American Contribution to the Sixth International Congress of Slavists: in 2 vols. Prague, 1968. The Hague ; Mouton, 1968. Vol. 2. Literary contributions. P. 61–85.
4. Ломунов К. Н. Лев Толстой в современном мире. М.: Современник, 1975.
5. Кременецкий К. В. «Словесе мятежна». Восприятие современниками публицистики Л. Н. Толстого 1880-х годов // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 55–74.
6. Зиннер Э. П. Творчество Л. Н. Толстого и английская реалистическая литература конца XIX и начала XX столетия. Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт, 1961.
7. Николюкин А. Н. Взаимосвязи литератур России и США: Unterne lations of Russian and American literatures: Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка. М.: Наука, 1987.
8. Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы: 1881–1914. М.: Издат. центр Российского государственного гуманитарного университета, 2012.
9. Сергеева В. С. Толстой американский и Толстой британский: рецепция конца XIX – начала XX вв. // Литература двух Америк. 2024. № 16. С. 209–227.
10. Hogenhuis-Seliverstoff A. Juliette Adam (1836–1936): l'Instigatrice. Paris: L'Harmattan, 2002.
11. Ореханов Г. Жестокий суд России: В. Г. Чертков в жизни Л. Н. Толстого. М.: ПСТГУ, 2009.
12. Howsam, L. Kegan Paul – A Victorian Imprint: publishers, books and cultural history. Kegan Paul International. London and Toronto, 1998.
13. Алексеева Г. В. Американские диалоги Льва Толстого. Тула: Ясная Поляна, 2010.
14. Goldfarb C. R. William Dean Howells: An American Reaction to Tolstoy // Comparative Literature Studies. 1971. Vol. 8. № 4. P. 317–337.
15. Olsen R. Dancing in Chains: The Youth of William Dean Howells. New York: New York University Press, 1991.

REFERENCES

1. Motyleva, T. L. (1957). O mirovom znachenii Lva Tolstogo = World importance of Leo Tolstoy. Moscow: Sovetskij pisatel'. (In Russ.)
2. Priima, F. Ya. (1960). Nachalo mirovoi slavy Lva Tolstogo = Beginning of world fame of Leo Tolstoy. Russkaya literatura, 4, 33–63. (In Russ.)
3. Edgerton, W. (1968). The artist turned prophet: Leo Tolstoy after 1880. American Contribution to the Sixth International Congress of Slavists (vol 2, pp. 61–85). The Hague; Mouton.
4. Lomunov, K. (1975). Lev Tolstoy v sovremennom mire = Leo Tolstoy in modern world. Moscow: Sovremennik. (In Russ.)
5. Kremenetski, K. V. (2024). «Slovese myatezhna». Vospriyatie sovremennikami publicistiki L. N. Tolstogo 1880 godov = “Verbo aspero”. Contemporaries’ perception of Leo Tolstoy’s non-fiction of the 1880-s. Christian Reading, 2, 55–74 (In Russ.)
6. Zinner, E. P. (1961). Tvorchestvo L. N. Tolstogo i angliiskaia realisticheskaia literatura kontsa XIX i nachala XX stoletii = Leo Tolstoy and English realistic literature at the end of the 19th – beginning of the 20th century. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut. (In Russ.)
7. Nikoliukin, A. N. (1987). Vzaimosviazi literatur Rossii i SShA: Unterne lations of Russian and American literatures: Turgenev, Tolstoy, Dostoevskii i Amerika = Interaction of Russian and US literatures: Unterne lations of Russian and American literatures: Turgenev, Tolstoy, Dostoevskii and America. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Zhuravleva, V. I. (2012). Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify: 1881–1914 = Understanding Russia in USA: images and myths. Moscow: Izdat. centr Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. (In Russ.)
9. Sergeeva, V. S. (2024). Tolstoy amerikanski i Tolstoy britanski: retseptsia kontsa XIX – nachcla XX vv. = American Tolstoy and British Tolstoy: reception at the end of the 19th – beginning of the 20th century. Literature of the Americas, 16, 209–227. (In Russ.)
10. Hogenhuis-Seliverstoff, A. (2002). Juliette Adam (1836–1936): l'Instigatrice. Paris: L'Harmattan.
11. Orekhanov, G. (2009) Zhestokii sud Rossii: V. G. Chertkov v zhizni L. Tolstogo = Severe judgement of Russia: V. G. Chertkov in life of Leo Tolstoy. Moscow: PSTGU. (In Russ.)
12. Howsam, L. (1998). Kegan Paul – A Victorian Imprint: publishers, books and cultural history. London and Toronto: Kegan Paul International.
13. Alekseeva, G. V. (2010). Amerikanskii dialogi Lva Tolstogo = Leo Tolstoy American dialogues. Tula: Yasnaia Poliana. (In Russ.)
14. Goldfarb, C. R. (1971). William Dean Howells: An American Reaction to Tolstoy. Comparative Literature Studies, 8(4), 317–337.
15. Olsen, R. (1991). Dancing in Chains: The Youth of William Dean Howells. New York: New York University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кременецкий Константин Владимирович

кандидат географических наук

доцент Нью-Йоркской киноакадемии (отделение в Лос-Анджелесе)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kremeneckij Konstantin Vladimirovich

PhD (Geography)

Associate Professor, New York Film Academy (Los Angeles Campus)

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.03.2025
26.03.2025
04.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Взаимодействие войск Северо-Западного фронта в ходе ведения Восточно-Прусской операции в Первой мировой войне

П. В. Пантелеев

*Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (НИИ (ВИ) ВАГШ ВС РФ), Москва, Россия
panteleew.p@yandex.ru*

Аннотация.

Цель исследования – дать характеристику деятельности руководства Северо-Западным фронтом 1-й и 2-й Армий, входящих в его состав. Корпусам дивизий этих армий была доверена координация войск в ходе ведения Восточно-Прусской операции. В статье применяются историко-системный и историко-типологический методы исследования. Они отвечают современным требованиям к историческим исследованиям. Использование этих методов позволило провести исследование достаточно большого количества исторических документов Ставки Верховного главнокомандующего, Северо-Западного фронта, штабов 1-й и 2-й армий и некоторых корпусов дивизий, входящих в их состав. Приводятся примеры согласования усилий между различными органами управления, армиями, корпусами и дивизиями в ходе ведения боевых действий последовательно по дням операции и направлениям действий войск. Отмечаются сложности в поддержании взаимодействия войск на различных этапах проведения боевых операций. Сложности возникают при выдвижении к государственной границе, завязке боя, ведении боевых действий, выходе из боя, выходе из окружения, отходе на другие рубежи, переходе к ведению оборонительных действий. Рассматриваются документы, позволяющие определить порядок действий командующих (командиров, начальников), их штабов на всех этапах ведения боевых операций. На основании рассмотренных исторических и аналитических документов делаются выводы о содержании, последовательности достижения устойчивого взаимодействия войск, об их составных частях и приемах по согласованию усилий различных родов войск на всех этапах ведения Восточно-Прусской операции, а при необходимости и восстановления взаимодействия; определяются причины нарушений в ходе ведения операции. Кроме того, делаются выводы о влиянии и роли организованного взаимодействия до начала операции на его поддержание и восстановление в ходе ведения.

Ключевые слова: Первая мировая война, операции армий, организация, поддержание и восстановление взаимодействия

Для цитирования: Пантелеев П. В. Взаимодействие войск Северо-Западного фронта в ходе ведения Восточно-Прусской операции в Первой мировой войне // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 78–88.

The Interaction of the Troops of the North-Western Front during the East Prussian Operation of the First World War

Peter V. Panteleev

Research Institute (Military History)

of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia

panteleew.p@yandex.ru

Abstract.

The purpose of the article is to familiarize with the activities of the leadership of the Northwestern Front, the 1st and 2nd armies, which are part of it, as well as the corps and divisions of these armies on the interaction of troops during the East Prussian operation. The use of basic modern research methods such as historical-systemic and historical-typological has allowed for the study of a fairly large number of historical documents of the Supreme Commander-in-Chief's Headquarters, the Northwestern Front, the headquarters of the 1st and 2nd armies and some of the corps and divisions that make up them. The study shows the importance and role of the coordination of the actions of the armies among themselves, the impact of the coordination of the actions of their leadership, headquarters, and, consequently, the actions of the troops on achieving the objectives of the operation. Examples of coordination of efforts between various governing bodies, armies, corps and divisions in the course of combat operations are given sequentially according to the days of the operation and the directions of the troops' actions. It shows the difficulties in maintaining interaction according to the stages of development of operations (when advancing to the state border, engaging in combat, conducting combat operations, exiting combat, exiting encirclement, retreating to other lines, and switching to defensive operations). Documents are disclosed that make it possible to determine the actions of commanders (commanders, chiefs) and their staffs at all stages of operations (combat operations), the components of maintaining interaction and the techniques used in this process. Based on the reviewed historical and analytical documents: conclusions are drawn about the content and sequence of achieving sustainable maintenance of the interaction of troops, their components and techniques for coordinating the efforts of various branches of the armed forces at all stages of the East Prussian operation, and, if necessary, its restoration; the causes of these violations during the conduct of the operation have been determined. In addition, conclusions are drawn about the impact and role of organized interaction prior to the start of the operation on its maintenance and recovery during the course of the operation.

Keywords:

World War I, army operations, organization, maintenance and restoration of cooperation

For citation:

Panteleev, P. V. (2025). The interaction of the troops of the North-Western Front during the East Prussian operation of the First World War. *Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 2(859), 78–88. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Подготовка Восточно-Прусской операции осуществлялась заблаговременно – с 1910 года [Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917), т. 1, 2014]. За четыре года, предшествующие началу войны, были согласованы вопросы участия всех родов войск в армиях, корпусах и дивизиях. Также было согласовано взаимодействие 1-й и 2-й армий. Все эти организационные

меры были направлены на решение одной задачи – разгромить 8-ю немецкую армию и нанести поражение Германии [Восточно-Прусская операция ... 1939].

Казалось бы, организованное взаимодействие в довоенный период на этапе заблаговременной подготовки (за четыре года до начала войны), разработанное по многовариантным сценариям действий противника и своих войск, проверенное и отработанное в ходе оперативных полевых

поездок [Восточно-Прусская операция ... 1939, с. 35], военных игр и уточненное в период непосредственной подготовки должно было дать успешные результаты, привести к достижению целей операции в целом [Суворов, 1919]. Но итоги Восточно-Прусской операции, к сожалению, имели результаты, не соответствующие затраченной энергии при ее подготовке [Российская империя: победы и поражения на фронтах Первой мировой войны, 2014].

В данной статье анализируются вопросы планирования и восстановления взаимодействия войск Северо-Западного фронта в ходе ведения Восточно-Прусской операции.

ПОДДЕРЖАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОЙСК В ХОДЕ ВЫДВИЖЕНИЯ СОЕДИНЕНИЙ И ЧАСТЕЙ ИЗ РАЙОНОВ СОСРЕДОТОЧЕНИЯ

1 августа (на 14-й день мобилизации) обе армии (1-я и 2-я Северо-Западного фронта) начали совершать марши в сторону государственной границы. С этого этапа (со времени выдвижения соединений и частей из районов сосредоточения) и начался период поддержания взаимодействия в ходе ведения операций армиями Северо-Западного фронта. Начали сказываться ощутимые и, к сожалению, не первые упущения. Они возникли из-за несогласованности действий руководящего состава, ошибки которого, в свою очередь, повлекли за собой сбои и нарушения в действии войск. В первую очередь, ошибки командования отразились на действиях 2-й армии. Они были недостаточно последовательными, недостаточно слаженными и не возымели должного успеха.

Просчеты в ходе военных действий во многом определялись разногласиями в руководящем составе армии. Существовал антагонизм между командованием Северо-Западного фронта и 2-й армией. Ее руководящий состав был не продуман. Меж тем по стратегическому замыслу эта армия была ударной. По численности она превосходила войска Северо-Западного фронта и решала наиболее важные военно-стратегические задачи. Свою дестабилизирующую роль сыграло и прибытие во 2-ю армию командующего генерала от кавалерии А. В. Самсонова¹ всего за 9 дней до начала выдвижения армии к государственной границе [Восточно-Прусская операция ... 1939, с. 79] и начальника штаба армии генерал-майора П. И. Постовского (примерно в те же сроки) [Российская империя ...

2014]. 23 июля 1914 года А. В. Самсонов был озвучен главнокомандующим Северо-Западного фронта генералом от кавалерии Я. Г. Жилинским с планом предстоящих действий и задачами армии при проведении наступательной операции. В этот же день (23 июля 1914) генерал от кавалерии А. В. Самсонов довел до сведения войск Приказ № 1 о своем вступлении в должность командующего 2-й армией и месте нахождения штаба армии в городе Волковыск с 24 июля 1914 года. Да и штаб армии был разделен решением Я. Г. Жилинского в пропорции всё лучшее в штаб главнокомандующего Северо-Западного фронта, всё ненужное (плохо подготовленное) – в штаб 2-й армии. Поэтому последний был недостаточно дееспособен.

1-я армия, в отличие от 2-й, формировалась на базе Виленского военного округа. Командующим 1-й армией был назначен генерал-адъютант П. К. фон Ренненкаммпф, начальником штаба армии – генерал-лейтенант Г. Г. Милеант, продолжительное время проходящие службу на данном театре военных действий, хорошо знающие местность, оперативное оборудование территорий округа, слабые и сильные стороны германцев и своих войск, руководящий состав корпусов, дивизий и частей, а самое главное принимающих участие в разработке планов применения войск при ведении боевых действий на данном направлении, координации взаимных действий в ходе полевых поездок и в практической отработке согласованности действий войск в ходе военной игры с 20 по 24 апреля 1914 года в г. Киеве [Суворов, 1919]. Потому и проблем в становлении и руководстве 1-й армией, объявленной Приказом войскам 1-й армии № 1 от 18 июля 1914 года о вступлении в должность командующего 1-й армией, генерал-адъютанта П. К. фон Ренненкамппа, начальника штаба армии генерал-лейтенанта Г. Г. Милеанта, не возникло.

Таким образом, процесс перехода с мирных штатов на военно-полевые для 2-й армии проходил со значительно большими осложнениями, нежели для 1-й. Со вступлением в управление армиями фронта и войсками армий командующим и их штабам понадобилось в кратчайшие сроки приступить к уточнению ранее утвержденного плана боевых действий (на основании окончательного решения верховного главнокомандующего о подготовке к наступлению в Восточную Пруссию [Восточно-Прусская ... 1939] от 28 июля 1914 года). Также требовалась срочная подготовка директив главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. Эти директивы следовало направить командующим 1-й и 2-й армиями.

¹А. В. Самсонов находился в отпуске на Кавказе, прибыл с должности Командующего войсками Туркестанского военного округа, войскового наказного атамана Семиреченского казачьего войска.

Распоряжения главнокомандующего касались подготовке к наступлению в Восточную Пруссию. Планировалось перейти государственную границу и разграничительную линию между армиями 31 июля 1914 года. Имелись и другие распоряжения главнокомандующего (направление боевых действий, координация между армиями и др.). На основании полученной директивы, командующие 1-й и 2-й армиями подготовили и довели до войск приказы армиям, в которых, исходя из имеющихся сведений о противнике и поставленной задачи главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта с определением даты перехода государственной границы – 1-й армии: 3 августа конницей, 4 августа главными силами, 2-й армии: 5 августа конницей, где возможно поддержанной пехотой, 6 августа главными силами [там же], были определены задачи армейской коннице 1-й армии, армейским корпусам армий и дивизиям армейского подчинения, 2-й армии – 3-й гвардейской пехотной и 6-й, 15-й кав. дивизиям, а также места районов штабов армий и сроки, в 1-й армии назначены заместители. В задачах корпусов определен состав, район и сроки сосредоточения, разграничительные линии по ведению разведки. 1 августа штабом 1-й армии до войск была доведена сводка со сведениями о противнике на фронте действий армии [там же].

2 августа командиры корпусов, начальник армейской конницы 1-й армии, начальники отдельных отрядов довели свои приказы до войск с определением задач соединениям, частям, отрядам, входящим в их состав. Причем задачи были более детализированы, а их действия между собой согласованы с учетом сведений о противнике, доведенных до них сводкой № 12 «Сведения о противнике на фронте Мемель, Рачки по данным к пяти часам дня первого августа 1914 года» [там же] и направленные на организованное,

своевременное, согласованное занятие установленных исходных районов для наступления, их оборудование и всестороннюю подготовку (размещение парков, обозов, штабов, организацию связи между ними, порядок и сроки донесений), а также порядок, сроки и решаемые задачи в ходе перехода в эти районы в условиях активного противодействия противника.

Активные слаженные боевые действия германцев и некоторая поспешность в действиях русских войск едва ли способствовала их успеху. Между тем русскую армию подстегивало большое количество приказов (иногда находящихся во взаимном противоречии). Особо выделяются среди них указание генералу Самсонову «о переносе сроков перехода границы не 6-го, а 5-го августа» [там же]. Показателен также указ о передаче корпусов, гвардейского и 1-го. Налицо была противоречивость их задач, созданная генералом Жилинским. В результате действия русских войск были не всегда эффективны. Свою дестабилизирующую роль сыграли обещания союзникам о скором начале наступления. Некоторая, пока еще не тотальная, торопливость начала приводить к несогласованности действий штабов. Налицо была некоторая растерянность.

Управление и взаимодействие между корпусами, дивизиями, отрядами в период развертывания и занятия исходных районов осуществлялось приказами, сводками и указаниями по линиям главнокомандующего армиями Север-Западного фронта – командующих 1-й, 2-й армиями – командирам корпусов, армейской конницы, начальникам дивизий армейского подчинения, командирам отдельных отрядов (рис. 1). Указания доводились через развернутые линии связи, высылкой офицеров связи, рабочих групп в передовые части по выявлению складывающейся обстановки и руководством действий войск на местах. А представлением

Рис. 1. Структура поддержания взаимодействия в ходе занятия исходных районов для наступления¹

¹РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2236. Л. 2–7, Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8459. Л. 136–141 об; Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917). М., 1939. С. 147–148, 150–151, 152–154, 162–163.

обратных докладов о выполненных мероприятиях осуществлялся контроль, вносились необходимые согласованные изменения в действия войск.

Всё вышеперечисленное с переходом государственной границы привело вначале к несогласованности действий войск, а впоследствии – к потере управления и взаимодействия. Она привела к катастрофе и гибели 2-й армии.

ПОДДЕРЖАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОЙСК С ПЕРЕХОДОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ С ВОСТОЧНОЙ ПРУССИЕЙ

На основании директивы главнокомандующего армиями фронта 1-я армия 3 августа конницей, 4 августа главными силами по директиве главнокомандующего Северо-Западного фронта № 1 [Восточно-Прусская ... 1939] от 31 июля 1914 года, приказа 1-й армии № 2 от 2 августа 1914 года, директивы № 1 за подписью начальника штаба армии генерал-лейтенанта Милеанта русская армия перешла государственную границу и вступила в упорные бои с немцами. В целом они были достаточно успешными. Русские войска нанесли существенное поражение противнику в сражениях у Сталупенена 4 августа, затем у Гумбинена 7 августа (рис. 2). Русские атаки 3-го корпуса, тяжелые потери Макензена вызвали в 8-й армии панику, она покинула поле сражения, а ее командующий генерал-полковник М. фон Притвиц унд Гаффон предложил единственный вариант по выходу из

создавшегося положения – отход войск на запад [Российская империя ... 2014].

В связи с неудачами на фронте Германское командование отдало распоряжение о переброске с западного (французского) фронта шести корпусов, в том числе трех с самого ответственного участка и заменило командование 8-й армии. Вместо генерала фон Притвица и его начальника штаба графа Вальдерзее были назначены генералы пехоты фон Гинденбург и Людендорф.

2-я армия 4 августа (по директиве главнокомандующего Северо-Западного фронта № 1 от 31 июля 1914 года; 6 августа, по дополнению к директиве от 1 августа – перейти границу 2-м армейским корпусом армии – 5 августа, по директиве командующего 2-й армией № 1 от 3 августа 1914 года – 4 августа [там же]) силами 2-го корпуса начала наступление на фронте Арис, Иоганисбург, остальные корпуса к 7 августа должны были подойти к государственной границе и занять указанные в директиве районы. Сопоставление директив главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта и командующего 2-й армией показывает, что генерал Самсонов отклонил корпуса армии от указанного главнокомандующим направления на Запад более чем на 20 км, растянув фронт трех корпусов армии (15-го, 13-го и 6-го) более чем на 70 км¹ [Восточно-Прусская операция ... 1939]. Генерал Жилинский пытался внести коррективы в расположение русских войск и повлиять на ситуацию отправкой телеграммы генералу Самсонову 4 августа с указаниями на недопустимость невыполнения директивы главнокомандующего Северо-Западного фронта № 2 от 31 июля 1914 года. Вместе с тем для нивелирования такого большого растяжения войск корпусов было выдано разрешение на выдвижение 2-й пехотной дивизии 1-го корпуса в первую линию. Несмотря на эти указания, командующий 2-й армией продолжал выполнение задачи по своему усмотрению, а 10-го августа командировал в штаб главнокомандующего армиями генерал-квартирмейстера штаба 2-й армии генерал-майора Филимонова с докладом соображений о изменении направления наступления армии, получившим также неодобрение генерала Жилинского.

В связи с неудачами на фронте Германское командование отдало распоряжение о переброске с западного (французского) фронта шести корпусов, в том числе трех с самого ответственного участка и заменило командование 8-й армии. Вместо генерала фон Притвица и его начальника

Рис. 2. Атлас боевых действий Первой мировой войны

¹Доклад начальника штаба 2-й армии Постовского от 4 августа 1914 года.

штаба графа Вальдерзее были назначены генералы пехоты фон Гинденбург и Людендорф.

Анализ деятельности ставки верховного главнокомандования (ВГК) главнокомандующего и штаба Северо-Западного фронта, командующего и штаба 2-й армии в этот очень важный начальный период первой операции вооруженных сил Российской империи позволяет прийти к выводу, что операция 2-й армии началась при полном несогласии в действиях войск между Жилинским и Самсоновым, а самое неутешительное заключалось в игнорировании указаний. С поддержанием взаимодействия в ходе начавшейся операции начались проблемы. Оно заключалось *не в способности* доводить указания, приказы, директивы, осуществлять доклады по ним и проводить постоянный сбор, обобщение, анализ поступающих данных об обстановке (своих войск и противника). Всё командование фронтом находилось в плоскости межличностных отношений между двумя генералами (оба – генералы от кавалерии, оба – до войны командовавшие округами, оба – ранее служившие в Варшавском военном округе и хорошо знающие театр военных действий). Анализ последующих директив генерала Самсонова № 2 от 7 августа, № 3 от 8 августа, № 4 от 10 августа, № 5 от 13 августа, приказа войскам 2-й армии от 14 августа, неоднократных указаний генерала Жилинского, пытавшегося направить деятельность командующего 2-й армией в иное русло, подтверждает, что организованное взаимодействие до начала операции с каждым днем операции стало всё больше *рушиться*.

Аналогичные проблемы возникли и внутри армии, возникали разногласия между корпусами и дивизиями армейского подчинения. Конфликтные ситуации возникали частично вследствие ошибок, допущенных при составлении генеральных планов войны. Ее ведение было задумано по планам А и Г. Однако генеральный штаб планирования не учел всех факторов, что со временем привело к катастрофическим последствиям. Ошибки были допущены и с началом войны, в ходе непосредственной подготовки операции в Восточной Пруссии. В результате последовало распыление сил и средств, начались изменения в боевом составе армий. Возникли перебои в тыловом обеспечении армий. В сложившейся обстановке участники боевых действий обнаруживали порой взаимное недоверие друг к другу. Так командующий 2-й армией генерал от кавалерии Самсонов в ходе ведения наступления практиковал высылку рабочих групп в передовые части для контроля действий войск (контроль практиковался как один из приемов поддержания взаимодействия). По результатам работы одной из таких групп особо доверенным генералу

Самсонову полковником Крымовым 10 августа 1914 года было доложено [Восточно-Прусская ... 1939], что на левом фланге 2-й армии находятся ненадежные командиры корпусов (Кондратович и Артамонов), ими осуществляются неправдивые доклады о положении войск, передвижении и выполнении задач русской армии. Кроме того, подчеркивалась необходимость улучшения вопросов снабжения войск всем необходимым. Но несмотря на поступающие доклады, мер по улучшению согласованности в действиях войск, поддержания должного взаимодействия и управления генералом Самсоновым принято не было.

11 августа этой же группой полковника Крымова в форме полевой записки было доложено, что связи вдоль фронта армии нет вообще никакой, взаимодействие между корпусами и конницей отсутствует, никто ни о чем не информирован и не ориентирован, много неразберихи и как следствие, – паники [там же]. Проблемы с управлением и взаимодействием имелись также на других структурных уровнях армии. В результате возникало взаимонепонимание между штабом главнокомандующего армиями фронта и штабом, и командующим 2-й армией, что видно из разговора между генералом-квартирмейстером штаба главнокомандующего армиями фронта генерала Леонтьева и начальника штаба 2-й армии генерала Постовского 12 августа 1914 года. В ходе разговора, ввиду развития наступления, ими обсуждались возможности связи (телеграфной, автомобильной и летучей) по обеспечению доставки распоряжений, указаний и получения обратных докладов по действиям войск и разрешением на установку промежуточных станций с размещением на них офицеров до установления прямого сообщения. На что был получен с одной стороны отказ, а с другой – «поступайте, как знаете, это ваше дело» [там же].

С началом периода боевых действий с 11 августа было допущено большое количество ошибок в поддержании взаимодействия и управления, приведших в последствии к негативным последствиям, и фактически – к гибели 2-й армии. К основным ошибкам планирования и организации боевых действий относились [там же, с. 553]:

1. Ведение разведки в тылу противника, возложенное на корпусную и дивизионную конницу, проводилось крайне неудовлетворительно вследствие ее низкой подготовленности и позднего прибытия. Конница подоспела только 16 августа (17 августа армии было нанесено основное поражение).

2. Непродуманные, несогласованные между собой, неорганизованные действия дивизий по осмотру территории (леса, города и селения).

Оставленные в небрежении территории были важны для русских войск. Там можно было обнаружить партизан, которые по телефонной сети передавали немцам сведения о действиях частей 2-й армии.

3. Нарушения в пользовании средствами передачи информации секретного характера (искровые телеграфы использовались без применения шифров), использование врагом захваченных документов с планами действий войск армий (погибшего офицера связи). Всё это позволило германцам получить сведения о составе группировок войск 2-й армии, о направлениях наступлений корпусов, передвижениях, о замыслах боевых действий.

Кроме того, генерал Жилинский ошибочно полагал, что после поражения под Губиным в полосе 1-й армии немцы отступают в Кенигсберг. Жилинскому внушали мысль о необходимости скорейшего перехвата противника русскими войсками на путях отхода. Однако Жилинский был убежден в своей правоте, не желал здраво оценить сложившуюся обстановку и прислушаться к докладом Самсонова, который свидетельствовал об усилении противника перед фронтом 2-й армии. Жилинский не следовал доводом Самсонова, что привело к неправильным и несогласованным действиям.

Противник тем временем сосредоточил войска для нанесения ударов по левому флангу 2-й армии. Он действовал силами 1-го армейского корпуса, переброшенного из Франции совместно с 20-м армейским корпусом, уже ведущим боевые действия. С востока надвигались еще два корпуса (1-й резервный и 17-й корпус). Прикрывшись от 1-й армии генерала Ренненкампа конницей и ландвером, они готовились нанести удар по правому флангу армии Самсонова [Российская империя ... 2014].

13 августа германские войска нанесли удары по флангам 2-й армии, в результате чего было нарушено взаимодействие между ее дивизиями и корпусами (рис. 3). В штабах Северо-Западного фронта и 2-й армии не понимали и не осознавали происходящего ни на боевой линии, ни в войсках противника. Глубокое замешательство в русской армии объясняется отсутствием данных разведки, непониманием в расположении войск и потери связи с управлением армии. Но продолжали механически отдавать распоряжения на движение вперед, в неизвестность, навстречу своей гибели. Сводки сведений о противнике за 12, 13 августа, доводили информацию до войск с выводом об отступлении врага. Вывод же из разговора подполковника Ангорского из штаба 2-й армии и подполковника Дроздовского из штаба фронта говорил о том, что противник готовит удар по флангам армии и окружению основных сил центральных корпусов [Восточно-Прусская операция ... 1939].

Рис. 3. Атлас боевых действий
Первой мировой войны

Последовавший 13 августа удар на левом фланге при Сольдау вынудил 1-й армейский корпус генерала Артамонова отступить назад. На правом фланге удар пришелся по 4-й пехотной дивизии 6-го армейского корпуса при Гросс Бреслау и Ортельсбургу, также вынудив корпус отступить в направлении Мышинец. Центральные же корпуса (части 23, 15 и 13) продолжали наступление в направлении на Остероде и Алленштейн. Фланги их были оголены и кольцо окружения замкнулось. В частях началась паника. Меры, принимаемые руководством ставки ВГК, штабом Северо-Западного фронта к изменению ситуации не привели. Командующий же 2-й армией в происходящей ситуации потерялся совершенно, не понимал происходящего и не понимал, что же необходимо сделать в этой ситуации. Потому и не нашел ничего лучшего как 15 августа выехать лично руководить боем 15-го и 13-го корпусов. Информацию об отходе 1-го корпуса он уже знал, о чем и доложил в штаб фронта телеграммой 15 августа в 7 ч 5 мин утра [там же, с. 297], предварительно отдав указания о снятии телефонных аппаратов. Данная мера привела к потере связи, а, следовательно, к потере управления и взаимодействия с корпусами армии, с штабом фронта [там же].

16 августа наступила развязка. Удар по тылам привел к разгрому 13-го и 15-го корпусов. Выход остатков армии из окружения проходил в невероятно сложных условиях активных боевых действий германцев и отсутствия какой-либо помощи со стороны других корпусов армии (бездействовавшего 6-го и вяло действующего 1-го корпусов) вследствие отсутствия управления и взаимодействия войсками армии ни со стороны штаба армии

в лице ее начальника штаба генерала Постовского (командующий 2-й армией погиб), ни со стороны штаба и главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. Попытки же руководства фронта восстановить взаимодействие и управление к успеху не привели. А двинутые было на выручку союзникам 4-й и 2-й армейские корпуса 1-й армии, находящиеся от 2-й армии более, чем на 100 км 14 августа, 16 августа получили распоряжения об отмене действий, в связи с отходом корпусов 2-й армии [Российская империя ... 2014].

НЕДОСТАТКИ В ПОДДЕРЖАНИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, ПРИВЕДШИЕ К ПОРАЖЕНИЮ 2-Й АРМИИ

Причины поражения армии были достаточно полно вскрыты и доложены правительственной комиссией в форме доклада. Главными причинами было признано считать [Восточно-Прусская ... 1939]:

1) несогласованность и невыполнение требований главнокомандующего армиями Северо-Западным фронтом, определенных директивой № 2 от 31 июля 1914 года по определенному направлению наступления. В результате образовавшегося разрыва противник получил возможность нанести поражение 1-й и 2-й армиям порознь;

2) слишком широкий фронт наступления 2-й армии, затруднявший взаимодействие корпусов армии между собой;

3) недостаточность времени и подготовки к передвижению войск по сложной местности и отсутствие обеспечения войск;

4) не принятие необходимых мер по проверке, очистке пройденной территории, а также по недопущению действий партизан и негативно настроенных граждан, заинтересованных в передаче информации о передвижениях и действиях войск 2-й армии;

5) нарушения использования технических средств по передаче секретной информации, позволившей германскому руководству раскрыть замыслы действий войск 2-й армии и Северо-Западного фронта;

6) неспособность правофлангового 6-го корпуса обеспечить правый фланг и тыл армии;

7) неуспешные действия левофлангового 1-го корпуса, позволившие немцам в дальнейшем нанести удар в левый фланг армии;

8) несмотря на оголенность флангов армии, генерал Самсонов отдал приказ центральным корпусам (15, 13 и части 23) продолжать наступление на север и северо-запад;

9) потеря управления и взаимодействия как с корпусами армии, так и с штабом фронта. Она возникла вследствие отдачи указаний о снятии телефонных аппаратов при перемещении в самый критический день битвы.

После поражения 2-й армии перед ставкой ВГК и Северо-Западным фронтом встал вопрос о дальнейших действиях войск в Восточной Пруссии.

Поддержание взаимодействия и управления в этот период осуществлялось на основе всесторонней оценки сложившейся обстановки (противника и своих войск), проведения необходимых расчетов, доведением указаний ставки верховного главнокомандующего главнокомандующему Северо-Западным фронтом от 18 августа 1914 года [там же].

Стратегические соображения были предложены на обсуждение штабу Северо-Западного фронта на основании положения дел на этом фронте к 19 августа 1914 года, неоднократных разговоров по телефону между должностными лицами штабов ставки верховного главнокомандующего Северо-Западного фронта, 1-й и 2-й армий [там же]. Эти разговоры велись в целях обсуждения и согласования дальнейших действий войск. Русскую армию консолидировало также доведение до сведения руководства ежедневных сводок о противнике [там же]. В указаниях верховного главнокомандующего был определен общий план действий войск фронта в Восточной Пруссии и сожаление командующему армиями фронта об отправке им генерал-квартирмейстера штаба за «высочайшими повелениями», а не для представления мотивированных соображений по действиям войск фронта. В стратегических соображениях, предложенных на обсуждение штабу Северо-Западного фронта, на основании положения на фронте к 19 сентября 1914 года, просматривались варианты действий войск, причем не только Северо-Западного, но и Юго-Западного фронтов [там же].

По результатам проведенной работы главнокомандующим Северо-Западным фронтом (директива № 6 от 19 августа 1914) были поставлены задачи командующим 1-й и 2-й армиями [там же].

Анализ указанных документов показывает, что определенные задачи имели поверхностный характер без привязки к конкретным объектам и рубежам, но требовали проявления особого упорства по удержанию достигнутых 1-й армией позиций без учета мнения начальника штаба армии генерала Милеанта, предлагавшего отход на более выгодные рубежи и занятие такого положения, которое позволило бы нивелировать контрманевр 8-й армии противника через Мазурские

озера. Большая надежда возлагалась на резервы, которые должны были прибыть. В указаниях верховного главнокомандующего ответственность за руководство войсками, действующими против Германии, возлагалась на главнокомандующего Северо-Западным фронтом.

В отличие от растерявшегося Жилинского, Гинденбург несмотря на предвоенные обещания Австро-Венгрии (нанести удар в помощь ее войскам), сосредоточил основные усилия против 1-й армии и очистке от русских войск Восточной Пруссии. И это решение противника по нанесению поражения уже 1-й армии Ренненкампа было воплощено в реальность. Доклады командующего 1-й армией главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта по несению главного удара противником по левому флангу армии привели лишь к противоречивым приказам со стороны Жилинского 22 корпусу вновь сформированной и не до конца сосредоточенной 10-й армии. Суть этих приказаний сводилась вначале к прикрытию одного направления (на Гродно, Августов), что позволяло нанести удар противнику в левый фланг и тыл 1-й армии (на Гольдап, Маргграбово или Сувалки). Однако через день следовало немедленное перемещение (из Августова на Маргграбов). В дальнейшем и распоряжения по скорейшему отводу войск центра 1-й армии привело, в конце концов, к оставлению не только Восточной Пруссии, но и приграничных территорий Российской империи (директива главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта № 10 от 13 сентября 1914). 16 сентября 1914 года директивой № 11 за подписью главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта Жилинского 1-й армии было приказано занять рубежи за рекой Неман; 2-й армии было предписано прикрыть отдельными отрядами Ломжу, Остроленку, Рожаны во взаимодействии с 10-й армией, а 10-й армии прикрыть Белосток, Августов, Гродно и Визна.

С назначением нового главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала от инфантерии Н. В. Рузского директивой от 17 сентября ситуация была несколько стабилизирована (предписывающая 10-й армии овладеть Августовом и северными опушками августовских лесов, и организовать тщательное взаимодействие с 1-й армией). Отходом войск на указанные рубежи завершается Восточно-Прусская операция.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные выше положения основных разработанных боевых и сопутствующих документов,

ряд архивных документов, а также приведенные исторические примеры позволяют сделать ряд выводов.

1. Организованное взаимодействие в довоенный период на этапе заблаговременной подготовки (за четыре года до начала войны), разработанное по многовариантным сценариям действий противника и своих войск [Алпеев, 2023], проверенное и отработанное в ходе оперативных полевых поездок [Восточно-Прусская ... 1939], военных игр [Суворов, 1919 и уточненное в период непосредственной подготовки было бы успешным при проведении целенаправленных действий Ставки ВГК [Пахалюк, 2021], главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, командующих 1-й и 2-й армиями, командиров корпусов, начальников дивизий, командиров полков, их штабов и других лиц по согласованию действий взаимодействующих войск в ходе ведения наступательных боев, боевых действий, сражений в Восточной Пруссии (рис. 2)¹.

2. Постоянный сбор, обобщение, анализ поступающих данных об обстановке (своих войск и противника), постоянное информирование командующих, командиров (начальников), их штабов об изменениях в оперативной обстановке, своевременное уточнение задач и согласование порядка совместных действий при выполнении задач на начальных этапах операции давало свои результаты, о чем говорят в целом успешные боевые действия 1-й армии в сражениях при Сталлупенене и под Гумбиненем. На последующих этапах операции, особенно в действиях 2-й армии генерала Самсонова, нарабатанные цепочки по поддержанию взаимодействия (такие как постоянный контроль выполнения поставленных задач, немедленное восстановление нарушенного единства в рядах русской армии) в силу ряда причин стали рушиться. Попытки применения отдельных приемов поддержания взаимодействия войск к успешным результатам ведения боевых действий и в целом операции не привели.

3. Недостаточно согласованные, не до конца продуманные решения, в первую очередь, просчеты главнокомандующего Северо-Западным фронтом, при попустительстве Ставки верховного главнокомандующего, позволили германцам нанести поражение по отдельности сначала 2-й армии (ее полном разгроме), затем 1-й армии.

4. Проведенный анализ поддержания взаимодействия войск Северо-Западного фронта показывает, что несогласованность действия руководящего состава (характер личных

¹РГВИА. Ф. 2000. Оп.1. Д. 2236. Л. 2-7, Ф. 2000. Оп.1. Д. 8459. Л. 136–141 об; Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917). М., 1939. С. 147–148, 150–151, 152–154, 162–163.

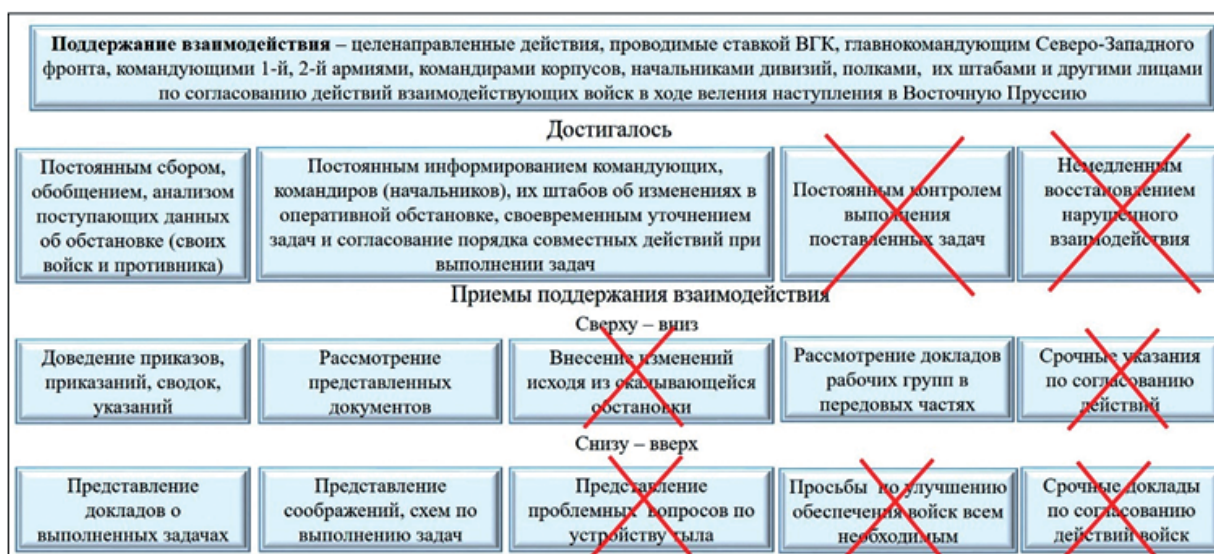

Рис. 4. Структура поддержания взаимодействия в ходе наступления в Восточную Пруссию

взаимоотношений генералов Самсонова и Жилинского, понукание командующего 2-й армией главнокомандующим Северо-Западным фронтом и т. д.) была первичной по отношению к согласованности действий вначале штабов, а уж потом и

согласованности действий войск. Подбору, продуманному и согласованному назначению, а также подготовке руководящего состава следовало уделять наиважнейшее внимание задолго до начала боевых действий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917): в 2 т. / под ред. В. В. Герасимова. М.: Мегapolis, 2014. Т. 1.
2. Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917) / под ред. В. Е. Белоліпецкого. М.: Воениздат, 1939.
3. Суворов А. Н. Военная игра старших войсковых начальников в апреле 1914 года // Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1814–1918 годов: военно-исторический сборник. М.: Военное дело, 1919. Вып. I. С. 9–29.
4. Российская империя: победы и поражения на фронтах Первой мировой войны / под ред. В. П. Бутромеева, В. В. Бутромеева. М.: Олма Медиа Групп, 2014.
5. Алпеев О. Е. Восточная Пруссия в стратегических планах России и Германии в конце XIX – начале XX века // Военно-ученый архив. Калининград: Живем, 2013. С. 38–46.
6. Пахалюк К. А. Надо кончать с Восточной Пруссией: к вопросу об оперативном руководстве Восточно-Прусской операцией 1914 года // Георгиевские чтения: сборник трудов по военной истории Отечества. М.: Яуза, 2021. С. 177–216. (Серия: Военно-исторические книги)

REFERENCES

1. Gerasimov, V. V. (Ed.). (2014). Vooruzhennyye sily Rossii v pervoj mirovoj vojne (1914–1917) = The Armed Forces of Russia in the First World War (1914–1917): in 2 vols. (Vol. 1). Moscow: Megapolis. (In Russ.)
2. Belolipeckij, V. E. (Ed.). (1939). Vostochno-Prusskaja operacija. Sbornik dokumentov mirovoj imperialisticheskoj vojny na russkom fronte (1914–1917) = East Prussian Operation. Collection of documents of the world imperialist war on the Russian front (1914–1917). Moscow: Voennizdat. (In Russ.)
3. Suvorov, A. N. (1919). Voennaja igra starshih vojskovykh nachal'nikov v aprele 1914 g. = War game of senior military commanders in April 1914. Voennno-Istoricheskij Sbornik, 1, 9–29. Moscow: Voennoe delo. (Military Historical Collection)

4. Butromeev, V. P., Butromeev, V. V. (Eds.). (2014). Rossijskaja imperija: pobedy i porazhenija na frontah Pervoj mirovoj vojny = Russian Empire: victories and defeats on the fronts of the First World War. Moscow: Olma Media Grupp. (In Russ.)
5. Alpeev, O. E. (2023). East Prussia in the war plans of Russia and Germany in the late 19th and early 20th centuries (pp. 38–46). Voenno-uchjonyj arhiv. (In Russ.)
6. Pahaljuk, K. A. (2021). Nado konchat' s Vostočnoj Prussiej: k voprosu ob operativnom rukovodstve Vostočno-Prusskoj operaciej 1914 g. = We must finish with East Prussia: on the question of operational leadership of the East Prussian operation of 1914. Georgievskie chtenija (pp. 177–216). Sbornik trudov po voennoj istorii Otechestva. Moscow: Izdatel'stvo yauza: Seriya voenno-istoricheskie knigi. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пантелеев Пётр Валентинович

кандидат военных наук

старший научный сотрудник

Научно-исследовательского института (военной истории)

Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Panteleev Peter Valentinovich

PhD (Military Sciences)

Senior Researcher

Scientific Research Institute (Military History)

Military Academy of the General Staff of the Armed Forces

Russian Federation (Research Institute (VI) VAGSH of the Armed Forces of the Russian Federation)

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	17.03.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	16.04.2025	
	17.04.2025	

Организация и содержание советской спецпропаганды в Корсунь-Шевченковской наступательной операции (24 января–17 февраля 1944 года)

А. И. Прохоровская

*Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва, Россия
prohorovskaja@yandex.ru*

Аннотация.

В статье на основе документов Центрального архива Министерства обороны РФ и опубликованных источников рассматривается советский опыт информационно-пропагандистского воздействия на противника в период окружения и уничтожения немецкой группировки в районе Корсунь-Шевченковского котла. Данная тема актуальна в связи с проведением специальной военной операции на Украине, а также фрагментарной изученностью в отечественной и зарубежной историографии. Цель исследования – показать организацию и содержание советской спецпропаганды в ходе Корсунь-Шевченковской наступательной операции (24 января – 17 февраля 1944). Основу источниковой базы статьи составили делопроизводственные материалы органов спецпропаганды Красной армии, опросы военнопленных, воспоминания непосредственных участников событий. Для достижения цели исследования автор использовал историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический, проблемно-хронологический методы. Благодаря совокупности избранных методов исследования удалось выявить факторы, влиявшие на проведение советской спецпропаганды, рассмотреть ее организационную структуру, показать ключевые различия в советской спецпропаганде от имени Красной армии и от имени НКВД / СНВ, а также основные формы и средства информационно-психологического воздействия на личный состав окруженной группировки. Органы спецпропаганды осуществляли информационно-психологическое воздействие на противника, окруженного войсками 1-го и 2-го Украинских фронтов возле Корсунь-Шевченковского, вплоть до его уничтожения. В результате комплекса проведенных мероприятий по склонению солдат и офицеров противника к сдаче в плен в ходе Корсунь-Шевченковской наступательной операции не удалось добиться его организованной капитуляции. Однако были получены положительные результаты в групповой и индивидуальной сдаче в плен. Значительную роль в этом сыграли привлеченные к данной работе немецкие военнопленные антифашисты из НКВД / СНВ.

Ключевые слова: спецпропаганда, Корсунь-Шевченковская наступательная операция, Черкасский «котел», информационно-психологическое воздействие, немецкие военнопленные-антифашисты

Для цитирования: Прохоровская А. И. Организация и содержание советской спецпропаганды в Корсунь-Шевченковской наступательной операции (24 января – 17 февраля 1944 года) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 89–97.

Original article

Organization and Content of Soviet Special Propaganda in the Korsun-Shevchenkovsky Operation (January 24 – February 17, 1944)

Anastasia I. Prokhorovskaya

Research Institute (Military History)

of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia

prohorovskajaa@yandex.ru

Annotation. In the article on the basis of documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation and published sources the Soviet experience of information and propaganda influence on the enemy during the encirclement and destruction of the German grouping in the area of Korsun-Shevchenkovsky is considered. The author's interest in this topic is due to its actualization in connection with the special military operation in Ukraine, as well as fragmentary study in domestic and foreign historiography. The purpose of the article is to show the organization and content of Soviet special propaganda during the Korsun-Shevchenkovsky operation (January 24–February 17, 1944). The basis of the source base of the article was made up of office records of the special propaganda bodies of the Red Army, interviews with prisoners of war, and recollections of the direct participants of the events. To achieve the goal the author used historical-genetic, historical-comparative, historical-systemic, historical-typological, problem-chronological methods of research. Due to the chosen set of research methods it was possible to identify the factors influencing the conduct of special propaganda, to consider its organizational structure, to determine the main directions of activity of the Soviet political bodies of the Red Army, which carried out information and psychological impact on the enemy, surrounded by the troops of the 1st and 2nd Ukrainian Fronts near Korsun-Shevchenkovsky, up to its destruction, to identify the key differences in the Soviet special propaganda on behalf of the Red Army and the NKSG/SNO, as well as the main forms and means of information and propaganda. As a result of a complex of measures to induce enemy soldiers and officers to surrender, the Soviet political organs of the Red Army during the Korsun-Shevchenkovsky operation failed to achieve its organized surrender, but positive results were obtained in group and individual surrenders. The German anti-fascist prisoners of war from the NKSG / SNO who were involved in this work played a significant role in this.

Keywords: special propaganda, Korsun-Shevchenkovsky operation, Cherkassy Pocket, information-psychological influence, German anti-fascist prisoners of war

For citation: Prokhorovskaya, A. I. (2025). Organization and content of Soviet special propaganda in the Korsun-Shevchenkovsky operation (January 24 – February 17, 1944). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Science*, 2(859), 89– 97. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исключительное значение в современных военных конфликтах, в том числе и в ходе проведения специальной военной операции на Украине, имеет информационно-психологическое воздействие на противника с целью его деморализации и склонения к прекращению сопротивления. В этой связи актуализируется отечественный опыт разложения войск противника в Корсунь-Шевченковской наступательной операции, в ходе которой была

окружена и ликвидирована крупная фашистская группировка.

В отечественной и зарубежной историографии рассмотрены отдельные аспекты данной темы, в том числе участие в разложении окруженных войск антифашистских организаций немецких военнопленных Национального комитета «Свободная Германия» (НКСП) и Союза немецких офицеров (СНО), организованных на территории СССР [Касюк, 2020; Бухнер, 2013; Nash, 2005; Ружина, 2020].

Применение сталинградского опыта в использовании политическими органами РККА комплекса различных форм информационно-психологического воздействия на противника, блокированного на Правобережной Украине в январе 1944 года, способствовало сдаче в плен более 18 тыс. солдат и офицеров.

ОПЕРАТИВНАЯ ГРУППА ШТЕММЕРМАНА. ПОЛИТИКО-МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОТИВНИКА В КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКОМ КОТЛЕ

В начале 1944 года в целях полного освобождения Правобережной Украины и дальнейшего наступления советских войск основной задачей 1-го и 2-го Украинских фронтов являлась ликвидация окруженной в районе Корсунь-Шевченковского части немецких сил 1-й танковой и 8-й полевой армий группы армий «Юг».

Немецкая группировка включала в себя XLII и XI армейские корпуса, состоявшие из 10 дивизий, в том числе 5-й танковой дивизии СС «Викинг», а также бельгийской 5-й добровольческой штурмовой бригады СС «Валлония», артиллерийских и инженерных частей, общей численностью 70–80 тыс. человек¹. Огневую поддержку, снабжение и вывод раненных из образовавшегося «котла» оказывала авиация 4-го воздушного флота (Luftflotte 4). 7 февраля 1944 года командование группировкой было возложено на командира XI армейского корпуса генерал-лейтенанта В. Штеммермана (оперативная группа Штеммермана).

Полное окружение, ежедневные потери личного состава и техники почти не сказывались на устойчивом моральном состоянии противника, сохранявшего высокую степень боеспособности². Сохранялось упорное сопротивление, контратаки не прекращались, а в плен сдавались единицы. Несмотря на обреченность своего положения, противник выглядел «очень сильным, упорным и устойчивым»³.

Сохранению морального духа и организованности окруженных войск способствовал и их опыт участия в боевых действиях. Немецкое командование учитывало сталинградские ошибки в недооценке советской спецпропаганды. Теперь она воспринималась как опасное оружие, с которым необходимо активно бороться. С января 1944 года

хранение советских листовок приравнялось к измене родине [Пропуск в рай: сверхоружие последней мировой, 2007].

Немецкая контрпропаганда внушала солдатам и офицерам Рейха, что в случае победы СССР будущее Германии обречено, побежденный немецкий народ ждет «Сибирь, стерилизация, насилие и массовое уничтожение» [Бухнер, 2013]. Этот миф также удерживал их от сдачи в плен.

Подвергалось радикальному отрицанию и само существование советского плена, внушалось, что сдавшихся в плен ждут жестокие расправы со стороны РККА. Этот страх, намеренно нагнетаемый немецко-фашистским командованием, усиливался и чувством ответственности за совершенные на оккупированной советской территории военные преступления. Всё это побуждало оказывать упорное сопротивление, даже находясь в окружении. Немецкий историк А. Бухнер, отмечая эти причины, не уточняет, что пленобязнь формировалась усилиями немецкой контрпропаганды, направленной на сохранение боеспособности личного состава даже в безысходных положениях [там же]⁴.

Боевой дух небезуспешно поддерживался и обещаниями помощи со стороны 1-й танковой армии генерала Г.-В. Хубе. Она пыталась прорвать кольцо, но была остановлена советскими войсками. Однако мотивация к сопротивлению искусственно сохранялась благодаря ложным слухам и радиogramмам о скорой внешней деблокаде. Фашисты продолжали поддерживать миф о своей непобедимости вплоть до ликвидации оперативной группы Штеммермана 17 февраля 1944 года.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ СПЕЦПРОПАГАДЫ

Основной задачей спецпропаганды в Корсунь-Шевченковской наступательной операции с учетом политико-морального состояния противника было склонить его к организованной капитуляции, а в случае отказа – к индивидуальной и групповой сдаче в плен. Деятельность по разложению противника осуществлялась политическими органами РККА на основании указаний ЦК ВКП(б), Государственного Комитета Обороны, Ставки Верховного главнокомандования, Совета военно-политической пропаганды.

Общими вопросами организации и содержания спецпропаганды занимались Главное политическое управление РККА (ГлавПУ РККА) под руководством генерал-полковника А. С. Щербакова

¹Сообщения Советского Информбюро. Т. 6 (январь–июнь 1944 г.). М., 1944. С. 80.

²Operations of Encircled Forces: German experiences in Russia // Department of the Army Pamphlet. № 20–234. Washington D.C., 1952. P. 22.

³ЦА МО РФ. Ф. 240. Оп. 12779. Д. 1132. Л. 26.

⁴ЦА МО РФ. Ф. 233. Оп. 2376. Д. 154. Л. 114.

и входивший в него 7-й отдел по работе среди войск противника и населения, начальником которого являлся полковник М. И. Бурцев. В составе 7-го отдела функционировал немецкий отдел, которым руководил полковник С. И. Брагинский. Сотрудники 7-го отдела ГлавПУ РККА занимались изучением политико-морального состояния противника, разрабатывали, издавали и распространяли пропагандистские материалы общеполитического характера, а с 1944 года проводили пропагандистские операции [Касюк, 2020].

В ходе Корсунь-Шевченковской наступательной операции оперативной спецпропагандой занимались политические управления 1-го и 2-го Украинских фронтов (ПУ фронта) и их 7-е отделы по работе среди войск противника; политические отделы армий (ПОарм) и их 7-е отделения, а также старшие инструкторы политических отделов дивизий (ПОдив) по работе среди войск противника. Кроме того, согласно постановлению НКО, политическим органам 1-го и 2-го Украинских фронтов помогали специально подготовленные военнопленные-антифашисты – представители НКСГ. Они занимали должности фронтового уполномоченного, армейского представителя, дивизионного помощника.

Фронтовым уполномоченным НКСГ 1-го Украинского фронта был полковник Л. Штейдле, бывший командир 767-го гренадерского полка 376-й пехотной дивизии, заместитель председателя СНО. Должность фронтового уполномоченного НКСГ 2-го Украинского фронта занимал майор Б. Бехлер. Помимо печатной и устной пропаганды от имени НКСГ, они проводили работу с немецкими военнопленными, готовили аналитические материалы о состоянии противника на основе данных, полученных в ходе опросов военнопленных и из трофейных документов.

Координацией усилий 7-х отделов ПУ и фронтовых уполномоченных НКСГ 1-го и 2-го Украинских фронтов в Корсунь-Шевченковском районе занималась специальная оперативная группа во главе с подполковником В. И. Немчиновым, в состав которой были включены опытные пропагандисты военнопленные-антифашисты майор Г. Леверенц и капитан доктор Э. Хадерман [Штейдле, 1981].

Оперативной работой по разложению противника в Корсунь-Шевченковском районе занималась совместная группа с представителями НКСГ и СНО, возглавляемая начальником 7-го отдела ПУ 1-го Украинского фронта Л. А. Дубровицким [Бурцев, 1981]. Направленные на фронт по решению ГлавПУ РККА немецкие военнопленные-антифашисты в составе выездных бригад привлекались к выпуску листовок, устных выступлений

и подготовке военнопленных к заброске через линию фронта в свои части¹.

СОДЕРЖАНИЕ СОВЕТСКОЙ СПЕЦПРОПАГАНДЫ

В ходе Корсунь-Шевченковской наступательной операции широко применялся опыт спецпропаганды, полученный в ходе Сталинградской битвы². В содержании печатной и устной спецпропаганды подчеркивалась аналогия сложившейся обстановки с положением 6-й армии в Сталинградском котле неоднократно сообщалось о бессмысленной гибели немецких солдат и офицеров на Волге. Ее особенностью стало усиление национально-патриотической пропаганды от имени НКСГ.

Содержание пропагандистских материалов Национального комитета и политических органов РККА было четко разграничено³. Заявления Национального комитета отличались стремлением предотвратить национальную катастрофу Германии. Сотрудники 7-х отделов, в свою очередь, акцентировали боевые успехи Красной армии и бесперспективность исхода войны для немцев.

В целом пропагандистские материалы и НКСГ, и политических органов РККА подчеркивали невозможность победы гитлеровской Германии и бессмысленность жертв, в случае затягивания войны, информировали противника о существовании советского плена. Пропаганда плена приобрела системный характер. Она убеждала в том, что плен – единственный способ остаться в живых и возвратиться на родину⁴.

1–4 февраля 1944 года ПУ 1-го Украинского фронта под руководством генерал-майора С. С. Шатилова издало и распространило более 518 тыс. листовок, в том числе листовки со схемой окружения на немецком языке. Окруженным солдатам и офицерам предлагался выбор – сдаться в плен или погибнуть. Опросы военнопленных показывали удручающее воздействие информации об окружении на рядовой и унтер-офицерский состав. Узнав об этом, немецкие солдаты принимали решение сдаться и искали для этого подходящий случай⁵.

7-й отдел политуправления 2-го Украинского фронта под руководством А. З. Зусмановича и 7-е отделение ПОАРМа выпускали листовки, посвященные условиям содержания немецких

¹ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 231. Л. 87.

²Там же. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 202. Л. 18.

³Там же. Оп. 11309. Д. 591. Л. 352.

⁴Там же. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 91. Л. 124.

⁵Там же. Л. 61.

военнопленных в советском плену. Листовка «Пять льгот для офицеров и солдат, которые добровольно сдаются в плен», информировала о том, что им полагаются дополнительное питание, размещение в лагерях в зонах благоприятного климата, работа по специальности, отправка корреспонденции на родину.

Помимо листовок среди войск противника распространялась фронтовая газета на немецком языке «Front Illustrierte», посвященная капитуляции под Сталинградом 6-й армии под командованием фельдмаршала Паулюса. Дополнительно были выписаны 40 тыс. экземпляров газеты НКСГ «Freies Deutschland» с ответом генерала фон Зейдлица Верховному командованию вермахта (ОКВ), утверждавшему, что участие пленных немецких генералов и офицеров в антифашистском движении «Свободная Германия» – пропагандистская фальшивка¹.

8 февраля 1944 года советское командование предъявило окруженным войскам ультиматум, в котором призывало прекратить сопротивление. Документ содержал те же гуманные предложения, что и ультиматум, предъявленный окруженным войскам под Сталинградом. Он гарантировал сдавшимся жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или другую страну по желанию военнопленного. Сохранялись военная форма, знаки различия, ордена, личная собственность и ценности, а для старшего офицерского состава и холодное оружие. В случае отклонения ультиматума окруженные войска подлежали уничтожению, ответственность за это возлагалась на немецкое командование².

Для вручения ультиматума была сформирована группа в составе парламентаря – старшего помощника начальника 1-го отделения разведывательного отдела штаба 1-го Украинского фронта подполковника А. П. Савельева, переводчика – сотрудника 7-го отдела лейтенанта А. В. Смирнова и сигналиста – рядового А. Р. Кузнецова. Перейдя линию фронта, группа передала ультиматум ответственному за стеблецкий участок обороны заместителю командира XLII армейского корпуса полковнику Фуке³.

9 февраля 1944 года командование окруженной немецкой группировки отклонило советский ультиматум. В этой связи было решено ознакомить личный состав окруженных частей с предложениями советского командования и побудить их к групповой и индивидуальной сдаче в плен. ПУ фронта

напечатало и распространило 138 тыс. листовок с текстом ультиматума на немецком языке. Также было массово распространено личное обращение командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Н. Ф. Ватутина к окруженным немецким генералам, офицерам и солдатам. Помимо предложения организованно сдаваться в плен существовала интенция завлечь противника такой перспективой: настоятельно подчеркивалось, что «кто сдается в плен – больше не является нашим врагом»⁴.

Опросы немецких военнопленных показали, что командующий генерал-лейтенант В. Штеммерман и командир XLII армейского корпуса генерал-лейтенант Т. Либ склонялись к принятию предложений советского командования, однако получили от А. Гитлера приказ любой ценой, до последнего солдата удерживать позиции, «вплоть до самоубийства», но не капитулировать. Распространялись слухи, что В. Штеммерман и Т. Либ были арестованы⁵. В этой связи отмечались случаи физического насилия солдат вермахта над эсэсовцами⁶.

Впоследствии подтвердилось, что В. Штеммерман был отстранен от командования окруженной группировкой, оно было возложено на командира танковой дивизии СС «Викинг» группенфюрера СС М. Гилле, которому пришлось ввести в «котле» строжайший дисциплинарный режим⁷.

После отклонения ультиматума было принято решение о проведении Союзом немецких офицеров разоблачительной пропагандистской операции. Ее организацией занимался заместитель начальника ГлавПУ РККА генерал-лейтенант И. В. Шикин во взаимодействии с начальником УПВИ НКВД СССР генералом И. А. Петровым и заместителем начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенантом И. Я. Бабиным. 10 февраля 1944 года в обстановке секретности на 1-й Украинский фронт выехала бригада немецких военнопленных во главе с председателем СНО, бывшим командиром LI корпуса 6-й армии вермахта генералом артиллерии В. фон Зейдлицем и членом СНО, бывшим командиром 295-й пехотной дивизии 6-й армии вермахта генерал-майором О. Корфесом⁸. В группу также вошел уполномоченный по связям с НКСГ полковник И. С. Брагинский.

Важность решаемой задачи подчеркивалась статусом организаторов пропагандистской операции, сопровождавших военнопленных немецких

¹ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 231. Л. 82.

²Там же. Оп. 11312. Д. 149. Л. 23.

³Там же. Оп. 11309. Д. 231. Л. 60.

⁴Там же. Л. 84–85.

⁵Там же. Л. 40.

⁶Там же. Оп. 11306. Д. 91. Л. 118.

⁷ЦА МО РФ. Оп. 11306. Д. 91. Л. 40, 51.

⁸Там же. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 231. Л. 40, 51.

генералов непосредственно к месту ее проведения. План мероприятий был согласован с командующим 1-го Украинского фронта генералом армии Н. Ф. Ватутиным, который лично встретился с В. фон Зейдлицем и О. Корфесом.

Предполагалось, что воздействием своего авторитета им удастся склонить командный состав окруженной группировки к организованному переходу на сторону НКСГ. В случае отказа повлиять на рядовой состав для перехода на сторону НКСГ группами в явочном порядке. Переход предлагался на условиях сохранения жизни и безопасности, а также сохранения организационных форм частей и соединений при содержании в лагерях¹.

11–13 февраля 1944 года было отпечатано 550 тыс. листовок с воззванием генерала В. фон Зейдлица «К генералам, офицерам и солдатам 10 немецких дивизий, окруженных в районе Корсунь-Шевченковского» и 800 тыс. листовок сокращенного варианта обращения, 914 тыс. листовок-пропусков на сторону НКСГ. Было сделано 300 совместных фотографий с военнопленными немецкими генералами и пленными из района окружения с листовками-пропусками НКСГ. Из-за плохой погоды из запланированного количества было распространено только 760 тыс. листовок².

Согласно опросам военнопленных, советские листовки были востребованы у солдат противника, несмотря на введение карательных мер за их распространение. Корреспондент газеты «Правда» Б. Н. Полевой, прикомандированный к ПУ 2-го Украинского фронта и освещавший разгром немецкой группировки под Корсунь-Шевченковским, отмечал, что «солдаты из-под полы торгуют нашими листовками-пропусками через фронт. Листовка с фотографией председателя союза немецких офицеров генерала фон Зейдлица с воззванием этого союза стоит почему-то дороже... Этого не бывало и в Сталинграде... немецкий солдат задумался – и это уже хорошо» [Полевой, 1974]. В этой связи выпуск листовок с пропусками был увеличен³.

Командирам окруженных соединений и частей выпелами были направлены 49 личных писем генерала фон Зейдлица и генерал-майора О. Корфеса. Ссылаясь на собственный сталинградский опыт, они предупреждали об опасности отклонения ультиматума. 16–17 февраля была распространена листовка «Цена промедления». В ней напоминалось о потерях немцев под Сталинградом – 240 тыс. убитых, ставших жертвами промедления и 91 тыс. спасенных благодаря сдаче в плен.

Всего над районом окружения было распространено 3 млн 432 тыс. экземпляров листовок различного содержания, что говорит о массовом характере советской печатной спецпропаганды в ходе Корсунь-Шевченковской наступательной операции⁴. Военнопленный Пауль Гросс из танковой дивизии СС «Викинг» показал, что солдаты внимательно относились к содержанию советских листовок, которыми буквально была усыпана вся местность под Шендеровкой⁵.

Материалы печатной пропаганды распространялись в тылу противника посредством авиации (самолеты У-2), наземных средств (агитгранаты, агитснаряды, агитмины), разведывательных групп, обратной засылки военнопленных к своим частям. Зачастую листовки распространялись в сложных погодных и боевых условиях⁶.

Широко применялась как печатная, так и устная пропаганда. Содержание ультиматума советского командования, а также листовок-обращений от имени НКСГ / СНО передавалось устно через окопные громкоговорящие установки (ОГУ) и мощные громкоговорящие установки (МГУ). 1–18 февраля 1944 года на каждую ОГУ приходилось в среднем 67 передач⁷. Большинство облегченных звуковещательных станций (ОЗС) 7-й отдел ПУ 2-го Украинского фронта сконцентрировал в соединениях, которые ликвидировали окруженную группировку. На данном участке боевых действий эффективность специальной пропаганды потенциально была высокой.

Нередко задачи инструкторов-спецпропагандистов выполнялись с риском для жизни. Так, при попытке прорыва противником погиб старший инструктор 7-го отдела ПУ 1-го Украинского фронта капитан Ю. Л. Ватер, который в районе села Шендеровка по ОЗС проводил оповещение окруженных войск о выходе советских парламентариев и ультиматуме советского командования⁸.

В ходе Корсунь-Шевченковской наступательной операции увеличилось количество передач от имени НКСГ. Находившиеся на 1-м Украинском фронте генерал-майор О. Корфес, майор Г. Лавренец и капитан Э. Хадерман провели 35 выступлений по МГУ с предложениями сдаваться в плен [Ружина, 2020].

Эффективным средством устной спецпропаганды стало вещание через боевые радиостанции. За 17 дней в районе «котла» оперативной группой 7-го отдела через них было проведено до 100 передач,

⁴Там же. Л. 128.

⁵Информационный бюллетень ГлавПУ РККА. № 7.

⁶ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 91. Л. 152.

⁷Там же. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 91. Л. 152.

⁸Там же. Оп. 686043. Д. 92. Л. 359.

¹ЦА МО РФ. Оп. 11309. Д. 231. Л. 1.

²Там же. Л. 49.

³Там же. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 91. Л. 128.

отделениями и старшими инструкторами ПОДивов было проведено 325 передач, в том числе 85 передач через мощные армейские радиостанции¹. Через фронтную радиостанцию, работавшую на немецких волнах, транслировались выступления В. Зейдлица, О. Корфеса и уполномоченных НКСГ, в которых предлагалось переходить на сторону Национального комитета. Примечательно, что удалось получить неоднократные подтверждения приема. Ранее, их удавалось получить лишь в очень редких случаях².

К спецпропаганде в Корсунь-Шевченковской наступательной операции активно привлекали и «свежих» пленных. От их имени издавались листовки с фотоснимками, они писали личные письма, выступали на звуковещательных станциях³. Привлечение военных пленных к ведению спецпропаганды оказало существенную помощь старшим инструкторам дивизий, чей уровень знания немецкого языка не всегда соответствовал необходимому.

Эффективной формой спецпропаганды и одновременно средством ее распространения стала обратная заброска военнопленных. Через линию фронта в районе Корсунь-Шевченковского было переброшено 95 военнопленных, из них обратно возвратилось 60 человек, которые привели с собой более 300 человек⁴. Они информировали немецких солдат о русском плене и хорошем обращении с ними, передавали содержание советского ультиматума, личные письма и фотографии немецких военнопленных с генералами В. фон Зайдлицем и О. Корфесом, письменные приказы пленных офицеров своим подразделениям сдаваться в плен⁵. Эффективность обратной засылки военнопленных подтверждалась беспокойством немецкого командования и контрмерами, принимавшимися в этой связи⁶.

О деморализующем влиянии советской спецпропаганды на личный состав окруженных немецких частей свидетельствуют выступления немецкого командования. В них опровергается содержание советской спецпропаганды, а также факты оставления немецкими солдатами передовых позиций обороны, самострелов, дезертирства⁷.

По итогам спецпропагандистской операции генерал В. фон Зейдлиц в докладной записке изложил предложения по повышению эффективности пропаганды НКСГ / СНО («Меморандум Зейдлица»).

Он отметил, что у немецких солдат и офицеров недоверие вызывали неопределенный политический статус Национального комитета и недостаточность информации о нем, а также отсутствие позитивных предположений о будущем послевоенной Германии [Национальный комитет Свободная Германия» и Союз немецких офицеров, 1996]. Однако член Совета военно-политической пропаганды Д. З. Мануильский, который руководил работой по разложению противника, усмотрел в соображениях Зейдлица корыстную подоплеку. Он расценил предложение Зейдлица об официальном признании политического статуса НКСГ как попытку использовать организацию для создания в послевоенной Германии генеральской диктатуры [Коминтерн и Вторая мировая война, 1998].

ЛИКВИДАЦИЯ КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКОГО «КОТЛА»

17 февраля 1944 года в ходе третьей попытки прорыва немецких войск сквозь окружение, повлекшей за собой большое количество жертв, части окруженных удалось вырваться из «котла», в том числе командиру танковой бригады СС «Викинг» генералу Г. Гилле, командиру XLII армейского корпуса генерал-лейтенанту Т. Либу⁸. В ходе прорыва командующий окруженной группировкой генерал В. Штеммерман погиб. Его тело было найдено западнее села Петровское⁹, где по приказу командующего 2-м Украинским фронтом генерала армии И. С. Конева он был похоронен с воинскими почестями.

Корсунь-Шевченковская наступательная операция завершилась ликвидацией «котла» и разгромом окруженной группировки. 18 февраля 1944 года еще сохранялись отдельные очаги сопротивления противника, куда засылались парламентеры с предъявлением ультиматума. Отмечались случаи массовой сдачи в плен¹⁰. Безвозвратные потери противника составили 55 тыс. человек, в плен сдались более 18 тыс. человек¹¹.

ПУ 2-го Украинского фронта были организованы опросы пленных, сбор трофейных документов и фотографирование пленных, трофеев, трупов¹². Собранные материалы использовались в целях спецпропаганды. Сообщалось о фактической ликвидации Корсунь-Шевченковской

¹Там же. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 91. Л. 131.

²ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 91. Л. 130.

³Там же. Л. 227.

⁴Там же. Оп. 11306. Д. 91. Л. 141.

⁵Там же. Оп. 11309. Д. 231. Л. 49; Оп. 11306. Д. 91. Л. 145.

⁶Там же. Оп. 11306. Д. 91. Л. 141.

⁷Там же. Оп. 11309. Д. 231. Л. 51, 58.

⁸Немецкие историки отмечают, что в общей сложности из котла удалось прорваться более 36 тыс. чел. // Die Ostfront 1943/44: der Krieg im Osten und an den Nebenfronten / K.-H. Frieser, K. Schmider, K. Schönherr. Vol. VIII. München, 2007.

⁹ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 231. Л. 47.

¹⁰ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 231. Л. 41.

¹¹Там же. Оп. 11306. Д. 91. Л. 107.

¹²Там же. Оп. 11309. Д. 231. Л. 34.

группировки. Одновременно немецкая контрпропаганда использовала информацию о выходе части немецких войск из окружения. Немецко-фашистское командование не оставляло попыток нейтрализовать доверие немецких солдат и офицеров к советской пропаганде¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В организации и содержании советской спецпропаганды в ходе Корсунь-Шевченковской наступательной операции применялся опыт, полученный в ходе Сталинградской битвы. Организационная структура советской спецпропаганды, основанная на сочетании элементов централизации и децентрализации, позволяла не только эффективно управлять работой по разложению противника, но и способствовала гибкости, оперативности и разумной творческой инициативе в принятии решений. Организаторы спецпропаганды действовали исходя из конкретной боевой обстановки (а не из априорных посылок, которые могли бы вступить в противоречие с реальностью). Несмотря на все усилия советских органов спецпропаганды, индоктринированные офицеры дивизии СС «Викинг» в составе Оперативной

группы Штеммермана жесткими дисциплинарными мерами предотвратили принятие советского ультиматума. Склонить окруженную немецкую группировку к организованной капитуляции не удалось.

В то же время содержание печатной и устной пропаганды оказывало желаемое влияние на состояние личного состава окруженных немецких частей. Оно выражалось не только в групповой и индивидуальной сдаче в плен солдат и офицеров противника, но и в оставлении ими передовых позиций обороны, самострелах, дезертирстве, что свидетельствовало о снижении боевого духа окруженных. Деморализующее влияние советской спецпропаганды на личный состав окруженной группировки косвенно подтверждается и особым вниманием к ее опровержению в выступлениях немецкого командования, а также ужесточением дисциплинарного режима внутри «котла».

Эффективной оказалась форма обратной засылки военнопленных. Эта практика непосредственно опровергала основной тезис немецкой пропаганды о жестокости Красной армии и «ужасах русского плена». Увеличение спецпропаганды от имени НКВД и проведение пропагандистской операции с участием военнопленных немецких генералов из СНО усилило деморализующее влияние на противника.

¹ЦА МО РФ. Оп. 11306. Д. 91. Л. 289.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Касюк А. Я. Пропагандистское оружие Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. Вып. 2 (839). С. 116–132.
2. Бухнер А. Восточный фронт. Черкасы. Тернополь. Крым. Витебск. Бобруйск. Броды. Яссы. Кишинев. 1944 / пер. с англ. В. Д. Кайдалова. М.: Центрполиграф, 2013.
3. Nash D. Hell's gate: the battle of the Cherkassy Pocket, January–February 1944. Stanford: RZM publ., 2005.
4. Ружина И. М. Фронтовая деятельность Национального комитета «Свободная Германия» (1943–1945) // Военно-исторический журнал. 2020. № 5. С. 39–47.
5. Пропуск в рай: Сверхоружие последней мировой / авт. сост. Л. Белоусов, А. Ватлин. М.: Вагриус, 2007.
6. Штейдле Л. От Волги до Веймара. Мемуары немецкого полковника, командира полка 6-й армии Паулюса / пер. с нем.; под ред. З. С. Шейниса. М.: [б. и.], 1975.
7. Бурцев М. И. Прозрение. М.: Воениздат 1981.
8. Полевой Б. Н. Эти четыре года: Из записок военного корреспондента: в 2 т. М.: Молодая гвардия, 1974. Т. 1.
9. Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров: сборник статей российских и зарубежных историков / под ред. А. А. Крупенникова / пер. Г. Р. Юбершера. Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.
10. Коминтерн и Вторая мировая война / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. С. Лебедева, М. М. Наринский: в 2 ч. М.: Памятники исторической мысли, 1998. Ч. 2. После 22 июня 1941 года. С. 438–439.

REFERENCES

1. Kasyuk, A. Ya. (2020). Propaganda weapons of the Red Army during the Great Patriotic War 1941–1945. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(839), 116–132. (In Russ.)
2. Buchner, A. (2013). Buhner A. Vostochnyj front. Cherkassy. Ternopol'. Krym. Vitebsk. Bobrujsk. Brody. Yassy. Kishinev. 1944 = Eastern Front. Cherkassy. Ternopil. Crimea. Vitebsk. Bobruisk. Brody. Yassy. Kishinev. 1944. Moscow: Centrpoligraf. (In Russ.)
3. Nash, D. (2005). Hell's gate: the battle of the Cherkassy Pocket, January – February 1944. Stanford: RZM publ.
4. Ruzhina, I. M. (2020). Frontovaya deyatel'nost' Nacional'nogo komiteta «Svobodnaya Germaniya» (1943–1945) = Front activities of the National Committee "Free Germany" (1943–1945). *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 5, 39–47. (In Russ.)
5. Belousov, L., Vatlin, A. (Eds.). (2007). Propusk v raj: Sverkhorozhie poslednej mirovoj = Pass to Paradise: Superweapons of the last world. Moscow: Vagrius. (In Russ.)
6. Steidle, L. (1975). Ot Volgi do Veimara. Memuary nemeckogo polkovnika, komandira polka 6-j armii Paulysa = From Volga to Weimar. Memoirs of a German colonel, regimental commander of the 6th Army Paulus. Moscow. (In Russ.)
7. Burtsev, M. I. (1981). Prozrenie = Epiphany. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
8. Polevoy, B. N. (1974). Ehti chetyre goda: Iz zapisok voennogo korrespondenta: v 2 tt.=These four years: From the notes of a war correspondent: in 2 vols. (Vol. I). Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russ.)
9. Krupenikov, A. A. (Ed.). (1996). National Committee "Free Germany" and the Union of German Officers: a collection of articles by Russian and foreign historians / G. R. Überscher. Krasnogorsk: Memorial'nyj muzej nemeckikh antifashistov. (In Russ.)
10. Lebedeva, N. S., Narinskij, M. M. (Eds.). (1998). Comintern and the Second World War: in 2 issues (pp. 438–439). (Issue 2. After June 22, 1941). Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прохоровская Анастасия Игоревна

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник

Научно-исследовательского института (военной истории)

Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Prokhorovskaya Anastasia Igorevna

PhD (History)

Senior Researcher Officer of Research Institute (Military History)

Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.03.2025
18.04.2025
04.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Атлантический вектор внешней политики Испании при правительстве Х. М. Аснара (2000–2004)

М. В. Пупышева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
pupysheva.maria@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается эволюция внешней политики Испании в начале XXI века с акцентом на анализе изменений, произошедших после 11 сентября 2001 года. Этот момент стал знаковым для испанского внешнеполитического курса. Он привел к отказу от ранее установленной преемственности в области международной политики в пользу выстраивания приоритетов на основе текущей конъюнктуры. Испания Аснара сделала акцент на сотрудничестве с США. Означенная политическая новация способствовала укреплению ее позиций на международной арене, но привела к ухудшению отношений Испании как со странами Европейского союза, так и с Латинской Америкой, с которыми она исторически поддерживала тесные связи. Для проведения данного исследования были использованы качественные методы анализа, включая обзор исторических документов, изучение экспертных мнений, биографических исследований ведущих испанских политиков и сравнительный анализ отчетов профильных аналитических центров. Исследование позволило выявить основные цели внешней политики Испании: усиление международного веса и получение большего влияния в рамках ЕС, безопасность южных границ, восстановление влияния в странах Латинской Америки и налаживание более тесных связей в США за счет испаноязычных общин. Они стали достижимыми благодаря усилению атлантического вектора. Однако предпринимаемые для этого шаги не только негативно влияют на другие направления внешней политики Испании, но также отрицательно воспринимаются гражданами внутри страны, что неизбежно приводит к снижению популярности Народной партии и ее проигрышу в очередных выборах.

Ключевые слова: внешняя политика Испании, Хосе Мария Аснар, политические приоритеты внешней политики, эволюция внешней политики, отношения между Испанией и США

Для цитирования: Пупышева М. В. Атлантический вектор внешней политики Испании при правительстве Х. М. Аснара (2000–2004) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 2 (859). С. 98–106.

Original article

The Atlantic Vector of Spanish Foreign Policy Under the Government of José María Aznar (2000–2004)

Maria V. Pupysheva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
pupysheva.maria@gmail.com

Abstract. This article examines the evolution of Spanish foreign policy at the beginning of the 21st century, with an emphasis on the changes that occurred after September 11, 2001. This moment was a key point for Spanish foreign policy, leading to a sharp turn from the previously established continuity in

the field of international politics towards setting priorities based on the current political situation. Spain focused on cooperation with the United States, which, although it contributed to strengthening its position in the international arena, led to a deterioration in relations with both the countries of the European Union and Latin America, with which it maintained close historical ties. To conduct this study, the author used qualitative methods of analysis, including a review of historical documents, research of expert opinions, biographical studies of leading Spanish politicians and a comparative analysis of reports from specialized think tanks. The study identified the main goals of Spain's foreign policy: increasing international weight and gaining more influence within the EU, securing its southern borders, restoring influence in Latin American countries and establishing closer ties with the United States through Spanish-speaking communities. However, the steps that need to be taken to implement it not only negatively affect other areas of foreign policy but are also perceived negatively by citizens within the country, which led to a decline in the popularity of the People's Party and loss in the next elections.

Keywords: Spanish foreign policy, José María Aznar, political priorities of foreign policy, the evolution of foreign policy, Spain-USA relations

For citation: Pupysheva, M. V. (2025). The Atlantic Vector of Spanish Foreign Policy under the Government of José María Aznar (2000–2004). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(859), 98–106. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Проведенные исследования подтверждают, что внешняя политика демократической Испании XX века характеризовалась последовательностью. От первого председателя правительства Адольфо Суареса до конца первого срока Хосе Аснара внешний курс страны отличался стабильностью приоритетов, на которые не влияли ни смена партии у власти, ни межпартийные конфликты в Кортесах. Данная модель внешней политики пользовалась поддержкой общественного мнения. Главным ее приоритетом был политический курс на евроинтеграцию, позволявший Испании продвигать свои интересы и на втором по значимости направлении – в Латинской Америке. Атлантический вектор, таким образом, ставился на третье место [Arenal, 2008]. По мнению Селестино дель Ареналя, последовательность во внешнем курсе страны позволила Испании вернуть себе международный вес, а также войти в число передовых стран Европейского союза, поскольку она соответствовала всем критериям евроинтеграции.

Однако соотношение политических сил в мире радикально меняется после 11 сентября 2001 года. Вступает в силу установка «Доктрины Буша» об односторонней превентивной обороне от потенциальной угрозы. Ввиду кардинально изменившегося политического курса в США была поставлена под сомнение эффективность международных институтов, на которые опиралось международное сообщество до сего времени. Переизбравшись на второй срок с большинством голосов в Кортесах, Хосе Мария Аснар принимает

решение использовать неопределенность в мировом сообществе для укрепления Испанией влияния на международной арене при поддержке Соединенных Штатов. Для этого было необходимо нарушить устоявшуюся иерархию векторов внешней политики. Поворот во внешней политике подтверждают слова министра иностранных дел Аны Паласио: «Европейские флаги – это флаги с большой историей, и, когда есть история, всегда есть обиды на прошлое. Флаг Соединенных Штатов, наоборот, – флаг будущего», – утверждала министр иностранных дел. – «Принципы важнее консенсуса как такового»¹.

Первым крупным событием во внешней политике Испании XXI века стало выступление министра обороны Федерико Трильо-Фигероа в Конгрессе Депутатов. Согласно проведенным исследованиям, данное политическое событие стало первым официальным свидетельством поворота во внешней политике Испании, который планировало совершить консервативное правительство Аснара [García, 2011]. С этого момента атлантический вектор внешней политики Испании получает приоритет. Среди основных преимуществ, которые при помощи США надеялось получить правительство Испании, следует выделить:

- 1) Испания, получив поддержку сверхдержавы, могла бы занять место рядом с великими демократиями мира;
- 2) из-за европейского расширения на восток центр ЕС смещался на северо-восток, ослабляя

¹Паласио рассматривает флаг США как «будущее европейских ценностей». URL: https://elpais.com/diario/2003/09/13/espana/1063404018_850215.html (дата обращения: 09.05.2025).

Испанию. Союз с Великобританией и США помог бы Испании отстоять свои интересы в рамках Евросоюза;

3) многие угрозы безопасности Испании исходят из стран Магриба и Северной Африки, на территории которой Испании принадлежат два автономных города. В данном регионе интересы Испании сталкиваются с интересами Франции, входящей в «ядро» стран ЕС и получающей поддержку Германии. Однако США также обладали и обладают большим влиянием в этом регионе и могли помочь защитить интересы королевства;

4) в латиноамериканском регионе всё большую роль играла зона свободной торговли. Она сокращала присутствие и влияние Испании. Однако сотрудничество североамериканского гиганта и испанского королевства могло помочь восстановить статус-кво;

5) растущее влияние испаноязычных общин в США. Испания могла укрепить свою связь с ними только при поддержании «теплых» отношений со страной их пребывания, что, в свою очередь, должно было усилить их политический вес внутри страны.

КОАЛИЦИЯ СОГЛАСНЫХ И ИРАКСКИЙ КРИЗИС

Испанское правительство в лице Хосе Марии Аснара не только выразило свою поддержку президенту США Джорджу Бушу-мл., но и в ноябре того же года председатель правительства прибыл в Вашингтон. К этому моменту США уже создало так называемую «коалицию согласных», невзирая на предложение НАТО опираться на пятую статью Вашингтонского договора. Вариант, выбранный США, внес раскол в Североатлантический альянс и вызвал недовольство Европейского союза. Во время встречи Аснара и Буша, последний обратился к председателю правительства с просьбой об использовании испанских баз Морон и Рота в рамках американо-испанского сотрудничества. Таким образом, испанцам пришлось выбирать между политикой Евросоюза, членом которого она является, и поддержанием отношений со своим новым союзником.

Испания участвовала в операциях в Афганистане в рамках сразу нескольких коалиций: совместно с силами содействия безопасности испанские отряды должны были гарантировать безопасность в мирных областях, в частности, в Кабуле, а 1300 человек были направлены с «коалицией согласных» на борьбу с террористической угрозой. Кроме того, в Аденском заливе и в северной части Аравийского моря были расположены морские подразделения, а на базе в Баграме работала

группа медицинского обеспечения. Одновременно с этим правительство Аснара пыталось проводить пропагандистскую политику внутри страны, основываясь на том, что любые террористические организации, международные или национальные, являются преступными. Их действия различны по масштабам, но едины по сути. Таким образом, Мадрид предупреждал радикально настроенные группировки басков о действиях, которые примет правительство Испании для того, чтобы не допустить существование альтернативного государству сообщества, наделенного социальной автономией.

Одной из решающих вех во внешней политике правительства Аснара стала вторая война в Персидском заливе, ввод войск в Ирак международной коалицией во главе с США. С началом иракского кризиса 2002–2003 годов, военной интервенцией и свержением Саддама Хусейна Хосе Мария Аснар безоговорочно поддерживал позицию США. Солидарность с США выказывали и другие атлантические страны, такие как Великобритания или Польша.

В противовес данному блоку выступали государства, имеющие интересы в зоне Персидского залива, такие как Франция или Россия. Программа обмена нефти на продовольствие, разработанная для смягчения последствий введенных против Ирака санкций, стала источником злоупотреблений и коррупции среди должностных лиц в ООН [Шебанова, 2012]. Фактор коррупции усложнил ситуацию на международной арене, на которой Париж и Москва выступали за возобновление нефтяной торговли.

Перенос внимания Испании с Европейского союза на Соединенные Штаты подтверждается также комментарием самого Хосе Марии Аснара к подписанному им «Письму восьми»: «В “Письме восьми” признается важность Франции и Германии для Евросоюза, а также законность их решения по отношению к вмешательству во внутренние дела Ирака, но в нем также говорится, что Европа несколько больше и разнообразнее, и что ни Франция, ни Германия не могут говорить от имени всей Европы. Будучи документом, поддерживающим вмешательство в Ирак и выражающим нашу убежденность в необходимости защиты атлантических ценностей демократии и свободы, “Письмо восьми” стало ответом на одностороннее решение Франции и Германии»¹ [Aznar, 2005, с. 250–251].

Учитывая все вышесказанное логично предположить, что европейское измерение внешней политики Испании утратило свой приоритет. Хосе

¹Зд. и далее перевод наш. – М. П.

Мария Аснар считал, что в области политики безопасности и обороны США является более надежным партнером, нежели страны Евросоюза. В этот период времени, одновременно с удалением от Франции и Германии, Испания приблизилась к полюсу Великобритании и Италии, чьи правительства разделяли концепцию сотрудничества с США. В то же время раскол внутри самого Евросоюза и резкие выступления президента Франции Жака Ширака всё больше сдвигали позицию Испании из ядра ЕС на периферию.

С другой стороны, смена приоритетов и курс на сближение с США обусловили изменения в средиземноморском и латиноамериканском векторе внешней политики Испании. Латиноамериканский регион исходно является зоной столкновения интересов между Вашингтоном, Пекином и Мадридом. В рамках развития двусторонних отношений администрация Буша-мл. оказала сильное влияние на изменение политики Испании в данном регионе. Политическая метаморфоза Испании стала настолько радикальной, что многие исследователи говорят о скоординированной политике двух стран – Испании и Америки. Их сближение стало особо отчетливым к концу второго председательства Х. М. Аснара [Rodríguez Gómez, 2014].

С третьей стороны, не следует забывать о том, что сами испанцы традиционно воспринимают роль своей страны в международных конфликтах как миротворческую. Опросы общественного мнения показывают, что в случае с войнами в Афганистане и Ираке, введение испанского контингента для помощи в восстановлении поддерживает большинство опрошенных, тогда как проведение военных операций против талибов вызывает резкое неприятие [Хенкин, 2023]. Неудивительно, что безусловная поддержка правительством Аснара операции западных стран на Ближнем Востоке расколола не только парламент, но и всю нацию. Участие в военных операциях постепенно снижало уровень доверия к председателю и его правительству, а дальнейшее непонимание и неприятие внешней политики Испании привело к ухудшению имиджа страны на международной арене. «Нет войне!» не только стал одним из самых популярных слоганов в предыдущие годы, он используется до сих пор как аргумент против Народной партии Испании.

МАРОККАНСКИЙ КРИЗИС

Второй срок председательства Х. М. Аснара характеризовался новым витком напряженности на юге средиземноморского региона. Исследователи традиционно характеризуют отношения между Испанией и Марокко как сложные: географическая

близость, дополняемая присутствием крупного марокканского сообщества в Испании (более 800 тыс. человек), испанский протекторат над Северным Марокко и связанные с ним территориальные претензии, политические, демографические и культурные различия представляют собой богатую почву для трений и конфликтов. Тем не менее вышеперечисленные особенности означают, что существуют и причины для обоюдовыгодного сотрудничества.

Началом дипломатического кризиса считается апрель 2001 года, когда Мадрид предупреждает Рабат о тяжелых последствиях отказа от переговоров с ЕС по вопросам рыболовства, после чего король Мухаммед VI отзывает своего посла для консультаций. В рамках борьбы за лидерство в регионе между Марокко и Алжиром, а также конкуренции между Францией и Испанией за влияние в Магрибе последняя начинает отдавать всё большее предпочтение в качестве политического и торгового партнера Алжиру и, несмотря на заверения о готовности к диалогу, также отзывает своего посла.

Действия Испании вызывают неприятие у правительства Мухаммеда VI. Оно вновь поднимает вопрос о статусе двух автономных городов Испании в Марокко – Сеуты и Мелильи, которые промонархическая «Le Matin» квалифицирует как «останки испанского империализма» или как «оккупированные анклавы» [Sembrero, 2002, с. 1]. Часть европейской прессы поддерживает идею Рабата о том, что «Испания является европейской страной, не завершившей процесс деколонизации и намеренной стать жандармом пролива» [там же]. Неоднозначная реакция Европейского союза позволила Рабату решиться на вторжение на остров Перехиль. Ситуация была сложной: с одной стороны, остров не представляет особой экономической ценности для короны, с другой – он находится в центре зоны, через которую по направлению к Испании (и дальше в страны Евросоюза) проходит нежелательный транзит. К нему относятся как судна с нелегальными мигрантами, так и лодки с каннабисом, произведенным и упакованным на близлежащих территориях (Риф и Йебала). Кроме того, отсутствие реакции со стороны Мадрида могло повлечь за собой пересмотр статуса других суверенных территорий Испании, которые Марокко также считает спорными.

Как только об инциденте стало известно, правительство Испании проинформировало НАТО и ЕС. Обе организации отреагировали одинаково: они квалифицировали инцидент как двусторонний кризис, наступивший в отношениях между Испанией и Марокко. Отсутствие каких-либо фактических результатов обращения вынудило Испанию применить военную силу, восстановив

управление островом и статус-кво. Некоторые исследователи также полагают, что военное вмешательство Испании в политическую ситуацию на острове было неожиданным [Cembrero, 2002]. Об этом свидетельствуют публичные заявления пресс-секретаря и частные комментарии других должностных лиц. Окружение марокканского монарха не предполагало, что правительство Испании прибегнет к силе.

Случай интересен тем, что позиция Европейского союза, в особенности Франции, в решении конфликта была сугубо нейтральной. Конфликт послужил толчком к дальнейшему сближению Испании и США, и дополнительно способствовал отдалению Мадрида от Евросоюза [Черкасова, 2009]. Кризис не только продемонстрировал нежелание ЕС оказывать поддержку Испании на африканских территориях, но также поставил под сомнение действенность механизмов диалога, предусмотренных в Договоре о дружбе. Также вследствие кризиса обнаружилась несостоятельность идеи о «подушке интересов»¹. Некоторые авторы критикуют решение Аснара вернуть остров. Они утверждают, что инцидент мог быть рассмотрен как «опасное и безответственное использование вооруженных сил» [Valle Gálvez, 2007, с. 19], повышающее градус напряженности в регионе.

Соединенные Штаты официально поддерживали Испанию в выстраивании отношений с Марокко. Однако следует учитывать, что интересы Испании в некоторых политических, а также коммерческих и культурных вопросах в большей степени совпадают с устремлениями Европейского союза, нежели с интересами США. В частности, в Средиземноморье и в латиноамериканском регионе интересы Испании практически прямо противоположны политическим установкам североамериканского гиганта. С одной стороны, позиция сторонника атлантизма ослабила позиции Испании внутри Евросоюза, с другой – ключевые страны, такие как Великобритания, Франция или Германия, далеко не всегда были склонны помогать Испании в достижении ее интересов (исключение составляло решение конкретных вопросов в определенных обстоятельствах).

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Начиная с 2002 года, внешняя политика Испании в Латинской Америке была напрямую связана

с курсом администрации Буша, что привело к репутационным потерям в странах южноамериканского субконтинента, которые не понимали и не принимали резких изменений курса Мадрида. И однако отношения Испании со своими бывшими колониями нельзя трактовать однозначно. Некоторые из ибероамериканских стран изначально тяготели к Соединенным Штатам. Среди них – Доминиканская Республика, Гондурас, Сальвадор и Колумбия. И напротив, вследствие участия Испании в войне в Ираке, ее отношения с такими странами, как Мексика, Венесуэла, Чили, Аргентина и Куба, значительно ухудшились.

Поддержка Испанией введения международного контингента в Ирак подвергалась критике. Несмотря на это Мадрид сохранял с Колумбией достаточно теплые отношения. Они продолжались отчасти благодаря тому, что Мадриду удалось включить ФАРК в список террористических организаций ЕС. В феврале 2004 года Аснар посетил Картахену, чтобы поддержать Урибе в борьбе с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков. Таким образом, Аснар подтверждал предыдущие договоренности о продаже оружия. Это означало, что Испания фактически стала вторым по величине поставщиком Картахены. Однако такое положение вещей ухудшило отношения Испании с Венесуэлой, поскольку ее правительство опасалось за безопасность своих границ.

Несмотря на неприятие Лулой да Сильвой политики администрации Буша, это не повлияло на его взаимоотношения с Аснаром. Считая Бразилию одним из лидеров региона, Испания направляла в эту страну крупные инвестиционные потоки, позволявшие последней разворачивать обширные социальные программы по ликвидации бедности. Отношения Бразилии и Испании, по мнению Испано-бразильской торговой палаты, не исчерпываются прямыми инвестициями, они поддерживаются интересом бразильцев к языку и культуре своих соседей² (в частности, Бразилия является одной из стран с наибольшим количеством Центров Сервантеса). Борясь с Аргентиной за лидерство в Южном Конусе, Бразилия предпочитает поддерживать прямые двусторонние отношения с Испанией, которые закреплены многосторонним ибероамериканским договором. Он сохраняет свое действие во многих встречах на высшем уровне. Такие встречи происходят, например, на Ибероамериканских саммитах. Укреплению отношений Испании и Бразилии дополнительно способствует

¹Теория «подушки интересов», воплощенная в «Договоре о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве», была основана на идее, что благодаря инвестициям и сотрудничеству Испании с Марокко развитие отношений между двумя странами будет настолько интенсивным, что ради экономической выгоды Рабат не станет искать конфронтации.

²Relaciones entre España y Brasil. Cámara de Comercio. URL: <http://ccbe.es/inicio/relaciones-entre-espana-y-brasil/> (дата обращения: 09.05.2025).

поддержка, которую получает Испания в Совете Безопасности ООН. Бразилия, со своей стороны, стремится стать его постоянным членом. Данная политика Мадрида усложняла отношения Испании с Аргентиной, которая переживала в тот период глубокий внутренний кризис, и с Мексикой, которая также претендовала на место постоянного члена в Совбезе ООН.

В международный конфликт была втянута и Аргентина. Серьезный политический, экономический и социальный кризис, поразивший эту страну, не мог не отразиться на испанско-аргентинских отношениях, учитывая участие крупных испанских предприятий в ее экономике. Активная политическая деятельность Хосе Марии Аснара не распространялась на поддержку переговоров Буэнос-Айреса с Международным валютным фондом. В целом редкое участие Испании в переговорах с такими международными экономическими организациями, как Всемирный банк, МВФ и Межамериканский банк развития, значительно ослабил Иberoамериканский регион и негативно повлиял на деятельность испанских компаний на этом рынке. В результате Испанию постиг экономический кризис, что неоднократно отмечалось исследователями [Mallo, 2001]. Позиция правительства Испании также была раскритикована оппозиционной социалистической партией. Она считала, что Народная партия недостаточно помогла Аргентине в ее переговорах с МВФ и в результате не сумела повлиять на принятие положительного решения о помощи, которую следовало оказать Аргентине странам – членам ЕС. Их голоса составляли 30 %, по сравнению с 17 % США [Sanahuja, 2003].

Не менее сложными были отношения Испании с Венесуэлой: поддержка Испанией внешней политики США привела к заметному напряжению между Х. М. Аснаром и У. Чавесом. Политический кризис Каракаса и попытка государственного переворота лишь усугубили возникшие проблемы. 13 апреля 2002 года посол Испании в Каракасе Мануэль Витурро де ла Торре и посол США Чарльз Шапиро встретились с президентом «временного правительства» Педро Кармона. Встреча на высшем уровне состоялась после того, как последний распустил Ассамблею и основные институты власти¹. Мануэль Витурро де ла Торре и посол США Чарльз Шапиро оказались единственными дипломатами, которые встречались с Кармона. Позднее Испания и США признают, что поддерживали постоянный контакт и координировали

свои действия во время переворота. 12 апреля 2002 года вышла совместная испано-американская декларация², в которой прозвучал призыв к возврату страны в демократическое русло. Таким образом, события в Венесуэле были истолкованы не в качестве попытки государственного переворота, а в качестве «периода безвластия». Крупнейшие страны Иberoамерики, в частности, Бразилия, Мексика и Аргентина, отказались подписать декларацию.

В апреле 2003 года резко ухудшились отношения Испании с Кубой, поскольку правительство острова начало политические репрессии, расстреляв трех угонщиков паромов, которые пытались нелегально уплыть в Соединенные Штаты. ЕС, будучи крупнейшим экономическим партнером и инвестором Гаваны, заморозил переговоры о каком-либо дальнейшем сотрудничестве с режимом Кастро и ввел жесткие санкционные меры. В дополнение к этому, в рамках «общей позиции» ЕС, странам-членам предписывалось ограничить культурные и дипломатические отношения, усилить контакты с эмигрантами и оппозиционерами кастристского режима, например, приглашая их на национальные праздники в посольства [Канунников, 2014]. В качестве ответных действий Гавана закрыла испанский культурный центр, заморозила свои отношения с европейскими представителями, разорвала связи с дипломатическими миссиями ЕС, после чего приступила к поиску новых торговых партнеров, которыми стали Венесуэла, Бразилия и Китай. Правительство Аснара не решилось выступить против Брюсселя, а быстро развивающиеся «дружеские» отношения с Венесуэлой не позволяли ему восстановить утраченные позиции посредством Иberoамериканских саммитов.

Безоговорочная поддержка внешней политики США повлияла и на отношения Испании и Мексики. Причинами этого стали действия Испании в Совете Безопасности ООН, временными членами которого в 2002 году были обе страны. Сыграло свою роль и то, что Мехико расценивало руководство Хосе Марии Аснара на иberoамериканских саммитах как авторитарное и одностороннее.

Различия в позициях Испании и Мексики по вопросу о вторжении в Ирак привели к кризису во взаимоотношениях двух стран. Этот кризис стал очевидным после визита Аснара в Мексику 20 февраля 2003 года. Целью Аснара изначально была попытка убедить президента Кесаду поддержать позицию США. Официальные и неофициальные

¹La participación de España y de EE. UU. en el golpe de Estado en Venezuela. El Mundo. URL: <https://www.elmundo.es/elmundo/2004/11/24/espana/1101319375.html> (дата обращения: 09.05.2025).

²Declaración conjunta de EE. UU. y el Reino de España sobre la situación en Venezuela. URL: <http://www.derechos.org/nizkor/venezuela/doc/usaesp.html> (дата обращения: 09.05.2025).

СМИ Мексики квалифицировали действия Испании как вмешательство во внутренние дела страны, вызвав резонанс в общественном мнении и нанеся ущерб имиджу Испании в регионе в целом.

Среди причин ухудшения отношений Испании со странами Латинской Америки следует назвать и попытки правительства Испании укрепить отношения с испаноязычными сообществами в США. Хотя чиканос были объектом пристального внимания короны с конца 1990-х годов, в новом контексте «дружбы» с США Хосе Мария Аснар первым среди председателей правительства проявил личную инициативу. Она заключалась в том, что Аснар встретился в США как с латиноамериканцами (их количество было значительно), так и с лидерами испаноязычных общин. Политический жест Аснара мог бы возыметь свое действие. Однако проблема заключалась в том, что его активная политика проводилась в одностороннем порядке, без участия лидеров стран Латинской Америки, и особенно Мексики, которая уже пыталась расширить свое влияние за счет экономического и культурного присутствия своих мигрантов в США. Дальнейшему ухудшению отношений с Мексикой способствовало и формирование бригады «Плюс Ультра» с участием Сальвадора, Гондураса, Никарагуа и Доминиканской Республики, поскольку Мехико не был приглашен на переговоры.

Похожая ситуация сложилась и с Республикой Чили, имевшей статус непостоянного члена Совета Безопасности ООН. Она также подверглась давлению со стороны лично Аснара и министра иностранных дел Аны Паласио. Они желали склонить к поддержке позиции Соединенных Штатов по вопросу вторжения в Ирак. Напряженность в двусторонних отношениях между Испанией и Чили уже существовала с 1998 года в связи с выдачей испанским судьей ордера на арест бывшего чилийского диктатора Аугусто Пиночета, который в то время находился в Лондоне. Эдуардо Фрей Руис-Тагле, тогдашний президент страны, квалифицировал политический жест Аснара как вмешательство во внутренние дела Чили. Решение испанского судьи также поставило под сомнение ибероамериканский договор о неэкстерриториальности законов стран-членов, который был закреплен на ибероамериканских саммитах¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С начала перехода к демократии основными векторами внешней политики Испании были и остаются

европейский, атлантический, латиноамериканский и средиземноморский.

Как утверждал Хосе-Ортега-и-Гассет, Европа должна была стать решением той проблемы, которую представляет из себя Испания, однако как показала практика, Брюссель не всегда был готов поддерживать Мадрид в трудных ситуациях. Выходом стал альянс с США и повышение международного статуса Испании посредством достижения статуса ведущей державы в средиземноморском регионе. Означенного статуса Мадрид добился благодаря поддержке Вашингтона [Hervás Mas, 2024].

Как писал французский политолог и заместитель директора Французского института международных отношений Доминик Мойси: «Я осмелюсь заявить, что отчасти благодаря Аснару, отчасти несмотря на него, роль и влияние Испании на международной арене в последние годы выросли. Еще вчера выражение “великая Испания” звучало помпезно. Сегодня, шаг за шагом, Испания вновь становится “величиной в Европе”»².

Несмотря на то что во время второго срока председательства Х. М. Аснара сотрудничество с США способствовало укреплению позиций Испании на международной арене и позволило ей принять участие в глобальных процессах, оно также привело к ухудшению отношений с партнерами по Европейскому союзу и Латинской Америке. Изменения повлекли за собой последствия и во внутренней политике страны, включая потерю популярности Народной партии, что подчеркивает необходимость соотношения внешнеполитических приоритетов с мнением общества.

Испанские политологи продолжают считать США «незаменимой страной» [Beneyto, Pérez, 2023], однако двусторонние отношения между Пекином и Вашингтоном остаются одним из ключевых элементов структуры международных отношений. Им неизбежно сопутствует борьба за влияние в латиноамериканском регионе, приоритетном для Мадрида. Обладая тесными связями со странами ЛАК, Испания традиционно выступает медиатором во взаимоотношениях обеих держав. Лавируя между их интересами, Испания одновременно отстаивает собственные интересы. Их защита и одновременно – достижение международного баланса входит в круг будущих задач дипломатии королевства. Настоящее в потоке истории зависит от прошлого. Поэтому представляется актуальным переосмысление «атлантического» этапа внешней политики Испании.

¹La cumbre rechazó la extraterritorialidad. La nación URL: <https://www.lanacion.com.ar/el-mundo/la-cumbre-rechazo-la-extraterritorialidad-nid161548> (дата обращения: 09.05.2025).

²Moisi D. Una grande de Europa. La política exterior de Aznar: tres visiones europeas. URL: https://web.archive.org/web/20071114144016/http://www.fp-es.org/feb_mar_2004/story4.asp (дата обращения: 09.05.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Arenal C. del Consenso y disenso en la política exterior de España // Real Insituto Elcano de Estudios Internacionales y Estratégicos. Documento de Trabajo. 2008. № 25. P. 17–19.
2. García J. I. La redefinición de la política española de seguridad y defensa para la segunda década del siglo XXI: borrón y cuenta nueva // UNISCI Discussion Papers. 2011. № 27. P. 101–115.
3. Шебанова М. А. Проблема легитимности власти транснациональных элит // PolitBook. 2012. № 4. P. 128–129.
4. Aznar J. M. Retratos y perfiles. De Fraga a Bush. Barcelona: Editorial Planeta, 2005.
5. Rodríguez Gómez A. A. La diplomacia pública española desde 1939 a 2012. Memoria para optar al grado de doctor. Madrid, 2014.
6. Хенкин С. М. Испания. Современное нестабильное общество. М.: Аспект Пресс, 2023.
7. Cembrero I. Perejil: Dos tantos para Marruecos, dos lecciones para España // ARI. 30.07.2002. № 3. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/42964811.pdf>
8. Черкасова Е. Испания между атлантизмом и европеизмом (постфранкистский период) // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 8. С. 82–88.
9. Valle Gálvez J. A. del Relaciones España-Marruecos: nuevas perspectivas y enfoques. Cádiz: Servicio Publicaciones Universidad de Cádiz, 2007. P. 17–46.
10. Mallo T. (Ed.). España e Iberoamérica: fortaleciendo la relación en tiempos de incertidumbre. Madrid: AIETI, 2001.
11. Sanahuja J. A. De Río a Madrid: límites y posibilidades de las relaciones Unión Europea-América Latina. Barcelona: Institut Universitari d'Estudis Europeus. 2003. № 45.
12. Канунников А. А. Европейский Союз – Латинская Америка: экономическое, политическое, социальное сотрудничество. М.: Ин-т Европы РАН, 2014.
13. Hervás Mas P. Análisis de la política exterior española durante los mandatos de José María Aznar. Madrid: Universidad Rey Juan Carlos, 2024.
14. Beneyto Pérez J. M. Política exterior española. Madrid: Editorial Tecnos, 2023.

REFERENCES

1. Arenal, C. del (2008). Consenso y disenso en la política exterior de España. Real Insituto Elcano de Estudios Internacionales y Estratégicos. Documento de Trabajo № 25/2008, 17–19.
2. García, J. I. (2011). La redefinición de la política española de seguridad y defensa para la segunda década del siglo XXI: borrón y cuenta nueva. UNISCI Discussion Papers, 27, 101–115.
3. Shebanova, M. A. (2012). Problema legitimnosti vlasti transnacional'nyh elit = The problem of legitimacy of power of transnational elites. PolitBook, 4, 128–129. (In Rus.)
4. Aznar, J. M. (2005). Retratos y perfiles. De Fraga a Bush. Barcelona: Editorial Planeta.
5. Rodríguez Gómez, A. A. (2014). La diplomacia pública española desde 1939 a 2012. Memoria para optar al grado de doctor. Madrid.
6. Henkin, S.M. (2023). Ispanija. Sovremennoe nestabil'noe obshchestvo = Spain. Modern unstable society. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press».
7. Cembrero, I. (2002). Perejil: Dos tantos para Marruecos, dos lecciones para España. ARI 30.07.2002. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/42964811.pdf>
8. Cherkasova E. S (2009) Ispanija mezhdu atlantizmom i evropeizmom (postfrankistskij period) = Spain between Atlanticism and Europeanism (post-Franco period). Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija, 8, 82–88. (In Rus.)
9. Valle Gálvez, J. A. del (2007). Relaciones España-Marruecos: nuevas perspectivas y enfoques (pp. 17–46). Cádiz: Servicio Publicaciones Universidad de Cádiz.
10. Mallo, T. (Ed.) (2001). España e Iberoamérica: fortaleciendo la relación en tiempos de incertidumbre. Madrid: AIETI.
11. Sanahuja J.A. (2003). De Río a Madrid: límites y posibilidades de las relaciones Unión Europea-América Latina. Barcelona: Institut Universitari d'Estudis Europeus, 45.
12. Kanunnikov, A. A. (2014). Evropejskij Soyuz – Latinskaya Amerika: ehkonomicheskoe, politicheskoe, social'noe sotrudnichestvo = European Union – Latin America: economic, political, social cooperation. Moscow: Institut Evropy RAN. (In Rus.)
13. Hervás Mas, P. (2024). Análisis de la política exterior española durante los mandatos de José María Aznar. Madrid: Universidad Rey Juan Carlos.
14. Beneyto Pérez, J. M. (2023). Política exterior española. Madrid: Editorial Tecnos.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пупышева Мария Владимировна

кандидат политических наук

доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pupysheva Maria Vladimirovna

PhD (Political Sciences)

Associate Professor

Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies

Institute of International Relations and Social-Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	04.06.2025	accepted for publication

Организация продовольственного дела царским правительством в период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 года)

О. О. Сепелёв

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия
o.o.sepelev@iling-ran.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты организации продовольственных органов царским правительством в период Первой мировой войны. Описываются поиски правительства, направленные на улучшение их работы при заготовке хлеба и продуктов питания для армии и гражданского населения, на введение разверстки зерновых хлебов и фуража. Выясняются причины, срывавшие государственные поставки. Системно описываются реакция органов власти на возникшие проблемы и ее усилия, направленные на урегулирование продовольственного вопроса. Цель работы – проанализировать создание правительством продовольственных органов, обеспечивающих продуктами питания армию и гражданское население, рассмотреть эволюцию системы по снабжению продовольствием в России. На основе изучения архивных материалов, опубликованных документов, анализа обширного научно-исследовательского корпуса текстов, обзора периодической печати рассмотрен поиск преодоления трудностей, которыми сопровождалась попытка правительства наладить снабжение населения страны всем жизненно необходимым. В статье проанализированы причины проблем с поставками хлеба и других продуктов питания населению, а также механизмы борьбы царского правительства с возникшими трудностями. Для анализа материалов мы использовали системно-структурный и сравнительно-исторический методы. Таким образом, объективные недостатки государственной системы правительство пыталось восполнить за счет улучшения организации поставок продовольствия, что способствовало усилению государственного регулирования, установлению твердых цен только на продукты сельского хозяйства и что привело к сокращению товарной доли, производимой в России зерновой продукции.

Ключевые слова: продовольственный вопрос, Министерство земледелия, твердые цены, хлеб и фураж, продовольственные органы

Для цитирования: Сепелёв О. О. Организация продовольственного дела царским правительством в период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 года) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 107–115.

Original article

Organization of Food Supply by the Tsarist Government during the First World War (July 1914 – February, 1917)

Oleg O. Sepelev

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
o.o.sepelev@iling-ran.ru*

Abstract. The article examines some aspects of the organization of food authorities by the tsarist government during the First World War, the government's search for improving their work in the procurement

of commercial grain and food products for the army and civilians, and the introduction of grain and fodder rationing. The reasons that prevented the implementation of state deliveries and the reaction of government bodies aimed at regulating the food issue are identified. The purpose of the work is to analyze the creation by the tsarist government of a system of food authorities providing food products to the army and civilians, and to consider the evolution of the food supply system in Russia. Based on the study of archival materials, published documents, extensive scientific research material, and periodicals, the search for a solution to the difficulties associated with the supply of bread and other food products to the food authorities of the tsarist government is considered. To analyze the materials, we used systemic-structural and comparative-historical methods. Thus, the government tried to solve the objective shortcomings of the state system by improving the organization of food efforts, which resulted in increased state regulation in setting fixed prices only for agricultural products, and led to a reduction in the commodity share of grain products produced in Russia.

Keywords: food issue, Ministry of Agriculture, fixed prices, bread and fodder, food authorities

For citation: Sepelev, O. O. (2025). Organization of food affairs by the tsarist government during the First World War (July 1914 – February 1917). *Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(859), 107–115. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Состоянию продовольственного дела в Российской империи посвящено достаточно много научных исследований. Продовольственные проблемы в этих исследованиях, как правило, связываются с причинами Революции 1917 года. В большинстве работ анализу подвергаются социальные корни революционного движения, крушение самодержавно-монархического строя как закономерного этапа освободительного движения [Минц, 1977].

Недостаточное снабжение хлебом городского и промышленного населения послужило началом ухудшения социально-политической ситуации в стране, которое поэтапно привело к революции. Поэтому продовольственная политика правительства становилась предметом тщательного изучения историков. В советское время деятельность царского правительства систематически подвергалась негативной оценке. Считалось, что продовольственный кризис повлек за собой революцию. Согласно советской концепции истории, ей предшествовало народное недовольство. Из событий начала XX века многие исследователи единодушно делали вывод, что антинародная политика властей, ориентированная на интересы крупных и средних производителей, привела широкие слои населения к тотальному голоду, опустошила города и деревни, посеяла дороговизну [Лозинский, 1929; Орлов, 1919; Продовольственная политика самодержавия и временного правительства, 1939].

Уникальный фактический материал об экономических трудностях в годы Первой мировой войны собран в работах советского периода,

в которых предрешенность экономического краха страны, объяснялась не только промышленной отсталостью, но и не последовательной половинчатой деятельностью правительства при организации продовольственного обеспечения. В результате только социалистическая революция могла спасти страну от голода и разорения [Лаверычев, 1956; Сидоров, 1973; Китанина, 1985].

Авторы новейших публикаций рассматривают причины русских революций не в провалах экономической политики, а в успехах российской модернизации и сопутствующих ей изменениях общества. В тоже время исследователи отмечают, что царское, а затем и Временное правительство сохранило приверженность предпринимательским интересам [Китанина, 1985]. М. В. Оськин при рассмотрении продовольственной политики России в период Первой мировой войны отмечает объективные упущения государственной системы. Он называет сбой в распределении хлеба ключевым недостатком продовольственных усилий [Оськин, 2017].

Современные исследования проводятся в русле региональной истории, рассматриваются меры по решению продовольственного вопроса, принятые властью в период с августа 1914 до февраля 1917 года, анализируются документы, находящиеся в местных государственных архивах, продолжаются дискуссии о динамике уровня жизни населения [Паняшин, Петровичева, 2025; Тумурхонова, 2020; Оськин, 2021]. Дается новый взгляд на меры, с помощью которых представители правительства и предприниматели пытались смягчить остроту продовольственного вопроса в военные годы [Немова, 2021; Ходяков, 2021].

Цель исследования – выявить позитивные элементы в продовольственной деятельности царского правительства в военный период, а также эффективные формы и механизмы взаимодействия с крупными и средними производителями хлеба, кооперативными организациями и предпринимателями в стремлении улучшить продовольственное снабжение армии и тыла.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В СТРАНЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Начавшаяся летом 1914 года Первая мировая война изменила продовольственное дело в России, поставив правительство перед необходимостью осуществить регулирующие мероприятия в области хлебной торговли. Традиционные торговые связи были нарушены: хлеб, предназначенный для отправки за границу, остался в России.

В продовольственном вопросе в связи с полным прекращением экспорта существовала уверенность, что в стране проблем не будет. В правительстве опасались только излишков зерновых. Они могли бы повлечь за собой опасную для сельского хозяйства дешевизну продукции. 12 августа 1914 года правительство запретило экспорт хлеба и наложило вето на вывоз ряда других сельскохозяйственных продуктов (кормовых культур, продуктов животноводства), лесных материалов, промышленного сырья. Законом 17 февраля 1915 года перечень продукции сельского хозяйства, не подлежащей вывозу, был расширен [Ясный, 1917]. Практически под запрет попадали любые продовольственные и фуражные запасы. Ожидалось снижение цен на сельскохозяйственные продукты. Однако вопреки ожиданию цены повысились и усилился недостаток зерновых. Рост цен объяснялся спекуляцией перекупщиков, скупкой для запасов, да и просто паникой, охватившей население. Государство было обязано снабжать продовольствием действующую армию. Обладая информацией о достаточности продовольственных ресурсов, правительство поначалу практически целиком полагалось на действие привычных рыночных механизмов.

На первом этапе снабжение армии продовольственными продуктами осуществляло интендантское ведомство, уполномочив инспекторов элеваторов Государственного банка производить закупки. Они вели эту работу в течение августа через элеваторы банков и частных посредников. В августе 1914 года Совет министров поручил вести заготовку продовольствия и фуража

Главному управлению земледелия и землеустройства (ГУЗиЗ), а на местах – окружным и губернским уполномоченным [Орлов, 1919]. «Руководство операциями по закупкам и заготовкам на местах принадлежит назначаемым главноуправляющим ГУЗиЗ окружным уполномоченным, а выполнение означенных закупок и заготовок возлагается на губернских уполномоченных, приглашаемых из числа местных общественных деятелей или должностных лиц ведомств»¹ – таким видел Совет министров деятельность будущего продовольственного аппарата. Основной причиной передачи продовольственного дела было использование сложившейся системы в военных интересах, возможность на местах опираться на уже существующие государственные организации и земства, возглавить которые должны были специальные органы в лице уполномоченных.

Производство закупочных операций по заказу военного ведомства сразу натолкнулось на ряд трудностей. Несмотря на хороший урожай, отсутствие вывоза хлеба за границу, деятельность уполномоченных дала отрицательные результаты. При закупке больших объемов зерна, произошло увеличение спроса на товар, что подтолкнуло рынок к росту цен. Отсутствие взаимодействия между потребностями армии и тыла привело к накоплению излишков в прифронтовой зоне и недостатка в местах закупки хлеба. Такая диспропорция неуклонно вела к спекуляции. Правительственные закупки непосредственно у производителей сдерживали частный хлебный оборот, но не могли остановить нарастающую спекуляцию и искусственное увеличение цен.

В конце августа 1914 года А. В. Кривошеин обратился к председателям губернских земских управ с настоятельным предложением стать уполномоченными по закупкам хлеба для армии. Он надеялся, что авторитет губернаторов и административный аппарат оперативно организует поступление продовольствия в армию. Все функции по регулированию продовольственного дела в губернии перешли к губернаторам или председателям губернских земских управ. Но в письме и телеграммах Главного уполномоченного не оговаривались размеры организации и объем ее работы, т. е. было непонятно, каким образом губернаторы и председатели земских управ должны осуществлять выполнение данной задачи, что в итоге привело к различным подходам в решении продовольственного вопроса на местах².

¹Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 499. Оп.3. Д.11. Л.18. об.

²Материалы по вопросам организации продовольственного дела. Москва, 1916. Вып. III. С. 69–71.

По данным Н. Д. Кондратьева, в качестве уполномоченных в первую же кампанию были привлечены три члена Государственного совета, семь членов Государственной думы, 20 председателей земских управ, четыре председателя биржевых комитетов, пять председателей правлений железнодорожных обществ и других железнодорожных деятелей, пять губернаторов [Кондратьев, 1991]. Как правило, губернаторы, члены Государственного совета, только числились уполномоченными, фактически все рычаги управления и административные ресурсы в области продовольствия принадлежали местным земствам. Отсутствие единых общеобязательных установок при закупке продовольствия выявило и различные подходы к решению поставленной задачи, одни губернаторы пользовались собственными ссыпными пунктами, кооперативами, другие – использовали в большинстве случаев в качестве поставщиков скупщиков и частные торговые заведения.

17 февраля 1915 года был издан указ, согласно которому командующим военных округов с согласия губернаторов, уполномоченных ГУЗиЗ и представителей государственного контроля было предоставлено право:

- 1) устанавливать запрет на вывоз нужных для армии припасов;
- 2) устанавливать закупочные цены на продовольственные и фуражные продукты для армии;
- 3) в случае отказа владельцев продавать продукты по установленным предельным ценам назначать реквизицию продуктов с понижением цены на 15 %.

Все эти действия дали кратковременный эффект: с марта по июнь было выполнено 52 % всей заготовки для нужд армии¹.

Запрет на вывоз продуктов из производящих губерний, в свою очередь, негативно сказался на снабжении населения продовольствием. Чтобы исправить ситуацию, городские, земские и общественные организации начали самостоятельно закупать продовольствие по рыночным ценам. Еще 23 сентября 1914 года Совет министров порекомендовал местным органам власти устанавливать цены на наиболее важные продукты потребления совместно с биржевыми комитетами и торговцами, занятыми в данных отраслях. Поэтому повсеместно в губерниях вводились таксы, т. е. цены, выше которых продажа не допускалась. Таксы формировались на основании фактической себестоимости

произведенных продуктов и стоимости их доставки на рынки. На протяжении войны таксы постоянно менялись, но все-таки не так быстро, как того хотелось производителям и торговцам. По большому счету таксы не ограничивали, а лишь фиксировали фактическое движение рыночных цен². Запрет на вывоз хлеба и других жизненно важных продуктов из губерний до выполнения казенных закупок в города только повлиял на расстройство частной торговли, поскольку ей не было надежной альтернативы: государственная система последовательно не вводилась.

В результате складывается два типа мер государственного регулирования. Первый заключался в прямом воздействии хода снабжения: государство приобретало продукты по рыночным ценам, перевозило, распределяло их среди потребителей. Второй включал меры косвенного влияния, когда государство воздействовало на рынок хлебов, опосредованно через регулирование цен, т. е. формировало условия, определяющие ход снабжения продуктами. Сюда входило: установление твердых цен, запреты вывоза, введение плановых перевозок. Рост цен весной и летом 1915 года показал, что предпринимаемые меры были недостаточными, административные методы порождали дефицит, процветание теневого рынка. Повсеместно таксы нарушались, меры контроля и воздействия на частную торговлю у администрации отсутствовали.

ГЛАВНЫЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ И ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОДОВОЛЬСТВУ

19 мая 1915 года были учреждены Главный продовольственный комитет и губернские продовольственные комитеты на местах. Председателем стал министр торговли и промышленности В. С. Шаховский, а на местах властными полномочиями наделялись губернаторы, а членами комитетов назначались представители общеадминистративных органов. Основной задачей вновь организуемого комитета было налаживание взаимодействия с военными ведомствами, разграничение сферы влияния и ответственности. Главный продовольственный комитет, помимо рассмотрения многочисленных ходатайств по решению продовольственного вопроса, приступил к решению вопроса об официальном утверждении такс на предметы первой необходимости. Однако из-за

¹Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу 17 августа 1915 года. 17 февраля 1916 года / Упр. делами Особого совещ. по продовольствию. Петербург. 1916. С.16.

²Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. Современное положение таксировки предметов продовольствия в России. Петербург: Екатерининская типография, Петроград, 1915. С. 125–126. ГА РФ. 6809 / 1. 1914–1917 гг.

кратковременности существования комитета ни одно из начатых дел не было доведено до конца. Образование комитета внесло еще большую путаницу в упорядочение продовольственного процесса, поскольку Главный комитет не имел права контролировать, координировать и создавать местные комитеты, не был достаточно осведомлен о деятельности на местах. И всё же представители общественных организаций с участием уполномоченных ведомств по армейским закупкам создали сеть местных продовольственных комитетов, возглавляемых губернаторами, и осуществляли закупки продовольствия для нужд армии и населения.

Через два месяца, 19 июля 1915 года военный министр вносит в Государственную Думу проект образования под его собственным председательством Особого совещания [Швиттау, 1922]. Законом от 17 августа 1915 года было образовано Особое совещание, состоящее из четырех отделов: по обороне, топливу, перевозкам и продовольствию. Согласно закону, Особое совещание обладало определенной юридической независимостью. Над ними не было никакого правительственного учреждения. Было официально установлено и юридически закреплено, что «никакое правительственное место или лицо» не контролирует и не дает Особому совещанию предписаний и не может «требовать от него отчёта»¹. Таким образом, Особое совещание сосредоточило всю исполнительную власть в области продовольственного вопроса и фактически возглавило продовольственное дело в стране. Организованные отделы формально считались равноправными, но руководящая роль принадлежала Особому совещанию по обороне.

Во главе вновь образованных отделов стояли военный министр, министр торговли и промышленности, министр путей сообщения и главноуправляющий землеустройством и земледелием. Особое совещание по продовольствию отвечало за заготовку продовольствия и фуража для армии, общие и частные реквизиции скота, продовольственных продуктов, семян, за регулирование торговли и цен, отмену постановлений местных властей о правилах торговли и снабжении продовольствием городов.

На первых совещаниях при организации деятельности Особого совещания по продовольствию было принято решение не ломать существующие продовольственные органы, а по возможности объединить их работу. Поэтому губернские уполномоченные Главного управления

земледелия и землеустройства вошли в состав Совещания в качестве местных органов заготовки продовольствия для армии и населения. Была признана и деятельность посредников в процессе продовольственных заготовок, носивших стихийный характер.

УПОЛНОМОЧЕННЫЕ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ СОВЕЩАНИЯ

С октября 1915 года начала формироваться параллельная система уполномоченных, подчиняющихся председателю Особого совещания по продовольствию. С одной стороны, в регионах уже осуществляли деятельность уполномоченные Главного управления земледелия и землеустройства, они занимались заготовкой продовольствия для армии, с другой – уполномоченные Особого совещания по продовольственному делу. Они должны были наладить снабжение населения продуктами своего региона. В феврале 1916 года в стране осуществляли деятельность около 70 уполномоченных в 61 губернии и области: 32 были губернаторами, 17 – представителями земских управ, по 4 – членами Государственного Совета и Государственной думы [Оськин, 2017].

Для упорядочения деятельности уполномоченных 25 октября 1915 года председатель Особого совещания по продовольствию утвердил Правила о местных уполномоченных². Согласно правилам под председательством уполномоченных можно было образовывать губернские, городские и районные совещания по различным вопросам, касающимся продовольственного дела. Административными ресурсами эти совещания реально не обладали, вся работа велась исключительно по усмотрению уполномоченного. Он удостоверял наличие / отсутствие в губернии продовольствия, оценивал состояние рынков, обеспечивал для населения продукты первой необходимости, принимал меры к восполнению запасов продовольствия, контролировал ценообразование, распределял продукты питания и предметы первой необходимости. Главное управление земледелия и землеустройства 26 октября (8 ноября) 1915 года было переименовано в Министерство земледелия, с образованием канцелярии Главноуполномоченного по закупкам хлеба для армии и отдела заготовок продовольствия и фуража. В совокупности они составили основную продовольственную

¹Закон 17 августа 1915 года. Об учреждении Особых Совещаний // Гинс Г. К. Указания и распоряжения по продовольственному делу за 1914–1917 гг. Петроград, 1917. С. 11–36.

²Указания и распоряжения по продовольственному делу за 1914–1917 годы. Петербург, 1917. С. 37–41.

структуру Российской империи до марта 1917 года [Лаверычев, 1956].

Положение об Особом совещании закрепило ранее существовавшие местные продовольственные совещания и способствовало образованию совещаний в районах, где они ранее отсутствовали. 6 апреля 1916 года центральная власть рассмотрела возможность, пусть и факультативной, организации уездных и районных продовольственных органов¹.

Сложившаяся структура производственного дела представляла собой следующую форму: Особое совещание – центральный орган, возглавлял его Главноуправляющий Главного управления землеустройства и земледелия со своим аппаратом. Министерство земледелия получило полную власть и структуру управления. За каждой группой продуктов был закреплен главноуполномоченный. Государству было необходимо остановить повсеместный рост цен, для этого по постановлению Совета министров в декабре 1915 года создается специальная высшая правительственная комиссия «Совещание министров по обеспечению нуждающихся местностей империи продовольствием и топливом», которую возглавил А. Ф. Трепов – министр путей сообщения [Сидоров, 1973]. В работе Совещания на постоянной основе участвовал министр внутренних дел. Объединив работу четырех отделов, Совещание внесло единство в управление тылом. Просуществовав до мая 1916 года, под натиском оппозиции оно прекратило существование. Согласованность различных органов, имевших отношение к заготовке продовольствия, была нарушена.

С начала войны и к концу 1915 года цены на хлеб выросли на 17 %, а летом 1916 года – уже на 23 %². Поэтому в условиях наличия хлеба в стране и отсутствия его на рынке государство постепенно отказалось от рынка вообще. Оно перешло от рыночной экономики к жесткой централизованной политике, введению твердых цен, контролю за продажей и покупкой продовольствия. Следующим шагом правительства стало установление контроля государственных органов за хлебным производством и потреблением. Эти скорректированные цены просуществовали до урожая 1916 года.

Так как единые цены в стране отсутствовали, а по твердым ценам закупали товарный хлеб для нужд армии, частный торговый аппарат заготавливал хлеб по рыночным ценам. Система двух цен

давала возможность осуществлять спекулятивную торговлю. По итогам сбора урожая в 1916 году хлебных запасов наблюдалось 365 272 677 пудов ржи и 217 185 249 пудов пшеницы³. Твердые цены, продразверстка, и даже созданная «хлебармия» не смогли должным образом обеспечить население хлебом из-за ограниченности закупок на военные нужды. Держатели хлебных запасов, имевших рыночное значение, предпочитали спекулировать, добиваясь безудержного роста цен и усугубляя продовольственные трудности для неимущих слоев населения как в городе, так и в деревне.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС 1916 ГОДА

В 1916 году продовольственные волнения охватили буквально всю страну. Они приняли всероссийский характер. Перед правительством встал вопрос изъятия свободных хлебных ресурсов у собственников – как у производителей, так и у посредников. 9 сентября Министерство земледелия, оставляя право собственности на сельскохозяйственные продукты за их производителями и предоставляя им свободу отчуждения своих припасов, распространило твердые цены на все хлеботорговые сделки⁴. Из ведомостей Особого совещания по продовольствию видно, что к 7 ноября 1916 года было заготовлено 72,1 млн пудов хлеба, из них рожь, пшеница в зерне и муке составляли 30 млн пудов, ячмень и овес – 40 млн пудов, крупы составили 2,1 млн пудов, что было крайне недостаточно⁵. В то же время по подсчетам П. В. Волобуева благоприятные природные условия предыдущих лет обеспечили хороший урожай 3,5 млрд пудов и 670 млн пудов товарных излишков. Всего излишки прошлых лет составляли 1370–1400 млн пудов и превышали потребности армии и населения на 1120 млн пудов [Волобуев, 1962].

ХЛЕБНАЯ РАЗВЕРСТКА

26 ноября Министр земледелия А. А. Риттих приступил к проведению хлебной повинности. 29 ноября были изданы правила хлебной разверстки «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной», проводить которую на местах должны были специальные уполномоченные Министерства земледелия. Также устанавливались

¹Главный комитет Всероссийского союза городов. Борьба с дороговизной и городские управления. Вып. 1. Москва. 1916. С. 8.

²Обзор хлебного рынка за август – сентябрь 1916 года. Петербург. 1917.

³Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. 6. Оп. 2. Д. 464. Л. 47.

⁴Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 43.

⁵РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1009. Л. 125.

правила и принципы заготовления хлеба непосредственно от крестьянства¹. Владельцы должны были хлеб и фураж, подлежащий сдаче, доставлять на пристани и станции, а уполномоченные получали право создавать сеть приемных пунктов там, где расстояние от мест производства до станции или пристани превышало 20 верст. Такая система отчуждения продукта должна была исключить элемент случайности, обеспечить равномерность закупок и создать образование государственного запаса. Министр предписывал к 14 декабря произвести разверстку по уездам, к 20 декабря по волостям, к 24 декабря поселенную, а к 31 декабря похозяйственную². За шесть месяцев необходимо было получить 772 млн пудов хлебов из 21 губернии, которые обязывались сдать хлеб государству. Из них 150 млн пудов овса, 120 млн пудов ячменя, 285 млн пудов ржи, 189 млн пудов пшеницы, 10,5 млн пудов проса, 17,5 млн пудов гречихи. Для стимулирования сдачи хлеба производителям предоставлялись поощрительные меры. Ранее твердые цены устанавливала франко-станция, теперь же франко-амбар, т. е. за подвоз к станциям стали платить сверх твердых цен. От разверстки освобождались торговые запасы, сделанные до проведения разверстки, казна брала на себя доплаты хлеботорговцам за провоз продукта от склада до железнодорожной станции, а за доставку крупных партий двойной платы для перекупщиков и транспортеров хлеба³.

По всем данным разверстка должна была пройти в сжатые сроки за 35 дней, но разверстка не пользовалась популярностью и вызвала пассивное сопротивление, поэтому было продлена до 1 марта 1917 года, что означало сбой в ее проведении. По факту вознаграждение оказалось незначительным и плохо стимулировало подвоз хлеба. На самом деле в губерниях из указанного количества было разверстано по уездам 405 млн пудов, в уездных совещаниях план был урезан до 321 млн пудов, т. е. до 63 %, и уже непосредственно в волостях до 29 %, в результате всего было разверстано 170 млн пудов⁴. Планы снабжения продуктами и особенно товарным хлебом не выполнялись. Систему регулирования не удалось наладить. Многочисленные противоречия правовых актов, регулирующих снабжение, создавали противоречия между органами и учреждениями – как местными, так и центральными.

¹РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 129. Л. 3-5.

²Известия министерства земледелия. 1916. № 49.

³РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 78. Л. 18.

⁴РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 579. Л. 65.

В январе 1917 года из необходимого наряда 27,083 тыс. пудов хлеба для населения представилось 5409 тыс. пудов, т. е. 20,2 %, в феврале из 28534 тыс. пудов 8458 тыс. пудов, т. е. – 29,6 %⁵. Однако результаты не оправдались, голод охватил не только города, но и армию. В феврале в армию было поставлено 20318 вагонов вместо 38316 вагонов хлеба, т. е. 53 %.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отсутствие централизованной системы снабжения армии продовольствием, а затем и гражданского населения, зависящего полностью от сельскохозяйственного производства, потребовало ужесточить организацию продовольственных органов. Министерство земледелия, Особое совещание по продовольствию стали высшим органом продовольственной политики в государстве. При этом не были упразднены старые органы, занимающиеся продовольственными вопросами, что вносило дисбаланс в темпы хлебозаготовительных операций. Планомерные государственные закупки нарушались неконтролируемым вывозом зерна в непроизводящие губернии кооперативными заготовительными органами, скупщиками, представителями банков и т. д. Правительство искало способы и методы наладить продовольственное дело, тем более что товарный хлеб в стране был. Для этого проводили регулирующие мероприятия: централизованную закупку товарного хлеба, ограничение и контроль вывоза продукции из губерний в губернию, проведение политики твердых цен.

Этих мер было недостаточно, для обеспечения продовольствием армии и населения, правительство разработало новую, более радикальную программу – продовольственную разверстку, которую проводили местные продовольственные органы. Власть выбрала жесткую политику центра, помноженную на инициативу местных общественных организаций, что не принесло результата. Проводимые мероприятия по спасению страны от голода были единственно правильными, что являлось несомненной заслугой царского правительства. Претворить их в жизнь помешала зависимость от крупных торгово-промышленных кругов. Разверстка последнего Министра земледелия А. А. Риттиха была неизбежным средством для снабжения армии и гражданского населения. Сбор хлеба не был подкреплён твердой властью, и распоряжения правительства просто не выполнялись. В результате слабая продовольственная организация правительства, потерявшего

⁵ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 37. Л. 7-14.

контроль над распределением продовольствия в стране, противоречивость действий, ведомственная несогласованность, происки оппозиции

и общественных организаций, направленные на расшатывание власти, привели к революционной ситуации в стране.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Минц И. И. История Великого Октября: в 3 т. М.: Наука, 1977. Т. 1. Свержение самодержавия
2. Лозинский З. Б. Экономическая политика Временного правительства. Ленинград: Прибой, 1929.
3. Орлов Н. А. Продовольственное дело в России во время войны и революции. М.: Изд. отд. Нар. ком. по продовольствию, 1919.
4. Продовольственная политика самодержавия и Временного правительства: исторический сборник; под ред. Н. М. Добротвора. Горький: Горьковский государственный педагогический институт, 1939.
5. Лаверычев В. Я. Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1956. № 1. С. 141–180.
6. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973.
7. Китанина Т. М. Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России 1914 – октябрь 1917 года) / под ред. С. И. Потолова. Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1985.
8. Оськин М. В. Продовольственная политика Министерства земледелия в период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 2. С. 190–209.
9. Паняшин А. А., Петровичева Е. М. Решение продовольственного вопроса в годы Первой мировой войны в период с августа 1914 по февраль 1917 г. (на материалах Владимирской губернии) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31. № 1. С. 132–137.
10. Тумурхонова Н. В. Хлебный кризис и хлебная монополия Временного правительства на территории Забайкалья (март – октябрь 1917 г.) // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 10. С. 111–116.
11. Оськин М. В. Продовольственные заготовки в Центрально-Черноземном районе в годы Первой мировой войны (1914–1917). Via in tempore // История. Политология. 2021. Т. 48. № 4. С. 859–869.
12. Немова В. В. Причины продовольственного кризиса в период Первой мировой войны // Молодой ученый. 2021. № 11 (353). С. 57–61.
13. Ходяков М. В. «Классовый паек» и бронированное снабжение продовольствием в годы Гражданской войны // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9. № 1. С. 169–187.
14. Ясный Н. Опыт регулирования снабжения хлебом. Петербург: Типография Андерсона и Лойцянского, 1917.
15. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991.
16. Швиттау Г. Г. Революция и народное хозяйство в России (1917–1921). [Б. м.]: Центральное т-во Кооп. изд-ва, 1922.
17. Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.

REFERENCES

1. Mintz, I. I. (1977). Istoriya Velikogo Oktyabrya = History of the Great October: in 3 vols. (Vol. 1. Sverzheniye samoderzhaviya = Overthrow of the autocracy). Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Lozinsky, Z. B. (1929). Ekonomicheskaya politika Vremennogo pravitel'stva = Economic Policy of the Provisional Government. Leningrad: Priboj. (In Russ.)
3. Orlov, N. A. (1919). Prodovol'stvennoe delo v Rossii v gody vojny i revolyucii = Food business in Russia during the war and revolution. Moscow: Izd. ott. Nar. kom. po prodovol'stviyu. (In Russ.)
4. Dobrotvor, N. M. (Ed.). (1939). Prodovol'stvennaya politika samoderzhaviya i Vremennogo pravitel'stva = Food Policy of the Autocracy and the Provisional Government. Historical Collection. Gorky: Gor'kovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut. (In Russ.)
5. Laverychev, V. Ya. (1956). Prodovol'stvennaya politika tsarizma v gody Pervoy mirovoy vojny (1914–1917) = Food policy of tsarism and the bourgeoisie during the First World War (1914–1917). Bulletin of Moscow State University, Historical and Philological Series, 1, 141–180. (In Russ.)
6. Sidorov, A. L. (1973). Ekonomicheskoye polozheniye Rossii v gody Pervoy mirovoy vojny = Economic situation of Russia during the First World War. Moscow: Nauka. (In Russ.)

7. Kitanina, T. M. (1985). Voyna, khleb i revolyutsiya. (Prodoval'stvennyy vopros v Rossii 1914-oktyabr' 1917 g.) = War, Bread and Revolution. (The Food Question in Russia 1914 – October 1917). Leningrad: Nauka: Leningradskoe otделение. (In Russ.)
8. Oskin, M. V. (2017). Food policy of the Ministry of Agriculture during the First World War (July 1914 – February 1917). Bulletin of "Peoples' Friendship University of Russia." Series: History of Russia, 16(2), 190–209. (In Russ.)
9. Panyashin, A. A., Petrovicheva, E. M. (2025). The food problem in the Vladimir province 1914–1918. The authorities' activities to resolve it. Bulletin of the Kostroma State University, 31(1), 132–137. (In Russ.)
10. Tumurkhonova, N. V. (2020). Khlebnyy krizis i khlebnaya monopoliya Vremennogo pravitel'stva na territorii Zabaykal'ya (mart – oktyabr' 1917 g.) = Bread crisis and bread monopoly of the Provisional Government in the territory of Transbaikalia (March – October 1917). Manuscript, 13(10), 111–116. (In Russ.)
11. Oskin, M. V. (2021). The food procurement in the Central-Chernozem district during the First World War (1914–1917). Via in tempore. History. Political Science, 48(4), 859–869. (In Russ.)
12. Nemova, V. V. (2021). Prichiny prodovol'stvennogo krizisa v period Pervoy mirovoy voyny = Causes of the food crisis during the First World War "Young scientist," 11(353), 57–61. (In Russ.)
13. Khodyakov, M. V. (2021). «Klassovyy payek» i bronirovannoye snabzheniye prodovol'stviyem v gody Grazhdanskoj voyny = "Class Ration" and Armored Food Supply During the Civil War. Quaestio Rossica, 1, 169–187. (In Russ.)
14. Yasny, N. (1917). Opyt regulirovaniya postavok zerna = Experience of regulating grain supply. Petersburg: Tipografiya Andersona i Lojcyanskogo. (In Russ.)
15. Kondratiev, N. D. (1991). Rynok khlebov i yego regulirovaniye vo vremya voyny i revolyutsii = The Bread Market and Its Regulation during War and Revolution. Moscow: Nauka. (In Russ.)
16. Schwittau, G. G. (1922). Revolyutsiya i narodnoye khozyaystvo v Rossii (1917–1921) = Revolution and national economy in Russia (1917–1921). [B.m.]: Central'noe t-vo Koop. izd-va. (In Russ.)
17. Volobuev, P. V. (1962). Ekonomicheskaya politika Vremennogo pravitel'stva = Economic Policy of the Provisional Government. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сепелёв Олег Олегович

соискатель

кафедры исторических наук и архивоведения

факультета гуманитарных наук

Московского государственного лингвистического университета

Начальник отдела материально-технического и хозяйственного обеспечения

Института языкознания Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sepelev Oleg Olegovich

PhD Student

Department of Historical Sciences and Archival Science,

Faculty of the Humanities

Moscow State Linguistic University

Head of the Department of Logistics and Management

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.03.2025
14.04.2025
04.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Переосмысление понятия «молодежь»: дискурс-анализ и концептуализация

С. М. Захаров

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева, Москва, Россия
zakharov1201@rambler.ru

Аннотация.

В статье предпринимается попытка переосмысления понятия «молодежь» посредством социологического, юридического, экономического дискурсов. Актуальность исследования обусловлена существующими разночтениями и неоднозначностью определения молодежи в научных практиках. Создаваемая смысловая неопределенность затрудняет разработку эффективной политики, направленной на поддержку данной возрастной группы и ее интеграцию в общество. Целью исследования является концептуализация термина «молодежь» с использованием методологических инструментов дискурс- и контент-анализа. Дискурс-анализ позволяет рассмотреть молодежь как социальную конструкцию, подверженную влиянию культурных, политических и экономических факторов, а также исследовать, как различные дискурсы формируют общественное восприятие молодежи. Контент-анализ предоставляет возможность получить данные о том, как молодежь представлена в научных текстах и документах. Метод контент-анализа позволяет воспринять феномен молодежи в динамике, проследить изменения во времени, которые претерпевает означенная возрастная (и социальная) группа. Результаты исследования показывают, что понятие «молодежь» не сводится к какому-либо одному определению. Скорее, оно подразумевает широкий спектр интерпретаций, на который влияют различные факторы. Каждая дисциплина привносит уникальные идеи, которые обогащают общее понимание молодежи, подчеркивая ее значимость как исключительной возрастной, психической и социальной категории. Как показывает исследование, применение комплексного подхода является необходимым условием для целостного понимания молодежи. Означенный подход будет способствовать адекватному определению молодежи, которое так необходимо в условиях стремительных изменений в социально-экономической и культурной сферах, вызванных глобализацией и цифровизацией. Такой подход открывает новые горизонты для дальнейших исследований. Он выявляет важность междисциплинарного сотрудничества в изучении социальной динамики молодежи, а также практических инициатив в области молодежной политики и социальной работы.

Ключевые слова: возраст, дискурс, концепт, молодежь, определение, понятие

Для цитирования: Захаров С. М. Переосмысление понятия «молодежь»: дискурс-анализ и концептуализация // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 116–121.

Original article

Rethinking the Notion of “Youth”: Discourse Analysis and Conceptualization

Sergey M. Zakharov

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia
zakharov1201@rambler.ru

Abstract.

The present article seeks to critically reevaluate the concept of “youth” through the lenses of sociological, legal, and economic discourses. The significance of this research stems from the existing inconsistencies and ambiguities surrounding the definition of youth within scientific literature, which complicates the formulation of effective policies aimed at supporting this demographic and facilitating their integration into society. The primary objective of this study is to conceptualize the term “youth” by employing methodological tools such as discourse and content analysis. Discourse analysis enables the examination of youth as a social construct shaped by cultural, political, and economic influences, while also allowing for an exploration of how various discourses contribute to public perceptions of youth. Conversely, content analysis provides a framework for gathering data on the representation of youth individuals in academic texts and official documents, thereby identifying key shifts in definitions over time. The findings of this study indicate that the concept of “youth” cannot be confined to a singular definition; rather, it encompasses a diverse array of interpretations influenced by multiple factors. Each academic discipline contributes unique insights that enhance the overall understanding of youth, underscoring its critical importance as a developmental stage. The study concludes that an integrated approach is essential for achieving a comprehensive understanding of youth. Such an approach is particularly pertinent in the context of rapid social transformations driven by globalization and digitalization. Furthermore, this perspective paves the way for future research, highlighting the necessity of interdisciplinary collaboration in the exploration of youth social dynamics, as well as the development of practical initiatives in the realms of youth policy and social work.

Keywords:

age, discourse, concept, youth, definition, concept

For citation:

Zakharov, S. M. (2025). Rethinking the notion of “youth”: discourse analysis and conceptualization. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(859), 116–121. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Происходящие в современном обществе социокультурные и технологические изменения вносят значительные коррективы в восприятие молодежи. В результате вышеозначенных изменений в мире традиционные определения молодежи неизбежно устаревают, становятся практически нерелевантными. Если раньше понятие «молодежь» базировалось только на возрастных и социально-демографических характеристиках, то в наши дни требуются новые подходы к означенному феномену. Возникает необходимость переосмысления понятия «молодежь» в контексте современной науки. Современный интеллектуальный инструментариум способствует максимальному уточнению понятия «молодежь» и следовательно, уяснению ее роли в социуме. Обращаясь к научной литературе, мы видим большое количество работ, посвященных определению понятия «молодежь». В свое время значительный вклад в его осмысление внесли И. Кон, В. Луков, В. Чупров и другие исследователи, заложив теоретическую основу для изучения молодежи. Попытки концептуализировать определение «молодежь» продолжают и в современном научном дискурсе, расширяя границы термина с поправкой на современные трансформационные процессы. В этой связи интерес представляют работы О. Белого, С. Елишева, В. Загребина, Я. Михайловой, Д. Руденкина. В этих трудах понятие

«молодежь» рассматриваются в контексте социологической науки. Попытки междисциплинарного подхода к определению молодежи реализовывали С. Меньших и В. Пузиков, рассматривая понятие через призму социально-философского дискурса, а также А. Зырянова и Л. Никифорова. Они искали подходов к определению молодежи в законодательстве, социологии и теории публичного управления. Правовые трактовки данного понятия представляла О. Кравченко.

Цель исследования заключается в переосмыслении понятия «молодежь» с использованием междисциплинарного подхода.

Задачи исследования:

- зафиксировать актуальные подходы к определению понятия «молодежь» в различных научных дискурсах;
- оценить перспективы развития понятия «молодежь» с учетом происходящих в современном обществе трансформационных процессов.

В работе используется метод дискурс-анализа, позволяющий наполнить концепт «молодежь» смыслами, которые формируются в различных дискурсах. Автор использует также метод контент-анализа для изучения понятия «молодежь». В настоящей статье фиксируются упоминания, определения и контексты, в которых может фигурировать понятие «молодежь». Они многогранно проявляют данное понятие в кругу современных реалий.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Долго находясь в исследовательском фокусе, понятие «молодежь» встречается как в междисциплинарных, так и отраслевых работах, начиная от психологии и заканчивая ювенологией. При этом определение молодежи в рамках формальной логики могло вызывать затруднение, что было обусловлено многозначностью этого термина и его зависимостью от контекста. В свое время на эту проблему обращал внимание В. Луков, который предложил говорить о понятии «молодежь» как о концепте. «Прикладная сторона этого разграничения понятия и концепта состоит в том, что концепт (в данном случае “молодежь”) гораздо менее податлив для его строгого определения по правилам формальной логики, у него обнаруживаются мерцающие смыслы и естественная многозначность» [Луков, 2012, с. 325].

Концепт «молодежь», существуя в целом ряде дискурсов, обогащается необходимыми смыслами. Это неизбежно приводит к тому, что «объем понятия возрастает за счет размытия содержания» [Сартори, 2003, с. 153], а понятие, которое испытывает расширение, подвергается «концептуальным натяжкам». Такая природа изменений способствует формированию новых знаний и интерпретаций, которые, в свою очередь, вносят коррективы в традиционные дефиниции молодежи. В результате воздействия указанных факторов наблюдается тенденция к расширению границ понятия «молодежь». Эта тенденция ведет к переосмыслению социального статуса, а также роли и функций молодежи в современном обществе. Следовательно, концептуальные натяжки, на которые обращал внимание Д. Сартори, становятся неотъемлемой частью актуального дискурса о молодежи. Они отражают сложность и многогранность ее идентичности.

Возможности для концептуализации феномена молодежи мы находим в рамках социологического, юридического, экономического дискурсов.

Концепт «молодежь» представляет собой достаточно объемную предметную область, исходно опираясь на фиксацию возрастных границ и определение социального положения означенной возрастной группы в структуре современного общества. Это позволяет говорить о молодежи как об уникальной социально-демографической группе, обладающей специфическими характеристиками и потребностями, которые отличают ее от других антропных типов.

Одним из ключевых критериев концепта «молодежь» являются ее возрастные границы. Между тем «общепризнанного международного определения возрастной группы молодежи не существует.

Однако для статистических целей Организация Объединенных Наций без ущерба для любых других определений, данных государствами-членами, определяет «молодежь» как лиц в возрасте от 15 до 24 лет»¹. Такой подход к определению молодежи показывает, что возрастные границы рассматриваются с определенной степенью условности. Они зависят от внешних объективаций, в которых прибывает молодой человек. В свое время на это указывал В. Луков, отмечая, что возрастные рамки для молодежи «фиксируются не цифрами, а устойчивыми образами, различающимися в каждом из обществ в зависимости от роли географических факторов (климат, ландшафт и т. д.), традиций, культурных практик, системы образования и ряда других обстоятельств» [Луков, 2012, с. 325].

Свою лепту в переоценку возрастных границ вносит быстрая и часто непредсказуемая трансформация общества, обусловленная технологическим прогрессом, глобализацией и социально-экономическими сдвигами. Она размывает традиционные границы жизненных этапов. Такие маркеры, как переход к стабильной занятости или создание семьи, ранее определявшие «молодежь», становятся менее выраженными, уступая место самоидентификации и самореализации, не имеющим четких возрастных границ.

Возможность определять молодежь как «социальный конструкт, связанный с периодом многоаспектного перехода от состояния зависимости к самостоятельности, от детства к взрослости»² требует уточнений. Период молодости, который можно рассматривать как лиминальность, характеризуется сценарной вариативностью, в рамках которой молодой человек либо старается как можно быстрее пройти его, либо задержаться.

В открытом обществе молодые люди, осознавая свои права и свободы в раннем возрасте, часто ищут способы продемонстрировать свою взрослую идентичность. При этом они прибегают к различным приемам самовыражения. Однако попытки молодых людей позиционировать себя не всегда оказываются успешными. Обретая независимость, молодежь может столкнуться с социальным давлением, которое порождает противоречия между личными стремлениями и общественными ожиданиями. В результате многие молодые люди могут испытывать стресс и неопределенность, что способствует пролонгации перехода к взрослой жизни.

¹Молодежь // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/youth> (дата обращения: 05.03.2025).

²Основы молодежной политики / З. Лавчян, Х. Уильямсон // Совет Европы и Европейская комиссия. 2019. URL: https://pjp-eu.coe.int/documents/42128013/47261953/PREMS%2520_RUS.pdf/b94df9a0-187a-b959-80a6-e560c632fbdc (дата обращения: 05.03.2025).

Косвенно на социально-психологическую тенденцию отложенного взросления может повлиять и рост продолжительности жизни. Он уже сейчас привел к тому, что, согласно классификации ВОЗ, верхняя возрастная граница была зафиксирована на отметке в 44 года. И при этом сохраняется ее потенциал к повышению¹. В конечном итоге всё перечисленное может потенциально способствовать расширению возрастных границ молодежи и усложнению ее определения.

Сложные возрастные метаморфозы, которые прослеживаются в рамках социологического дискурса, дают основания определять «молодежь» как социально конструированную и контекстно-зависимую категорию. Она отражает сложность и нестабильность современной жизни. Возрастные границы молодежи больше не являются жесткими, подвергаясь смещению под воздействием механизмов индивидуальной адаптации и особенностей социокультурного ландшафта.

Рассуждая о молодежи в рамках юридического дискурса, мы можем наблюдать обратную картину, где фиксация возрастных параметров является одной из основополагающих. Они представляют собой не только количественный индикатор, но и важный элемент, определяющий правовые статусы и возможности индивидов.

Согласно Федеральному закону «О молодежной политике Российской Федерации», «молодежь, молодые граждане – социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 6 настоящего Федерального закона², имеющих гражданство Российской Федерации»³.

До вступления в силу закона, в котором было закреплено повышение возраста молодежи до 35 лет включительно, попытка сформулировать научное определение была предпринята А. Шашенковым: «молодежь – это категория населения в возрасте от 14 до 30 лет, обладающая особым конституционно-правовым статусом; специфика последнего заключается, с одной стороны, в зависимости возможности полной и самостоятельной реализации прав, свобод и обязанностей от достижения субъектом определенного возраста, а с другой – в необходимости создания условий

и гарантий со стороны государства для использования представителями молодежи прав и свобод в полном объеме» [Шашенков, 2004, с. 8].

Предложенные определения дают основание говорить о том, что правосубъектность молодежи раскрывается постепенно по мере взросления. При этом молодые граждане постоянно находятся в фокусе внимания государства, выступая объектом правового регулирования и защиты.

Развивая эту мысль, ученый уточнял, что «молодежь, как совокупность индивидов, не может рассматриваться в качестве субъекта права, свобод и обязанностей, так как субъектом права может быть только лицо, а не группа лиц» [Шашенков, 2004, с. 13]. Это обстоятельство, в определенной степени, лишает понятие «молодежь» субъектно-правовых коннотаций, что приводит к использованию в юридическом дискурсе иной терминологической базы.

В рамках определения правового статуса выделяют: несовершеннолетних – лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста и совершеннолетних – лиц старше 18 лет. Параллельно с понятием «несовершеннолетний» в области права существуют термин «малолетний» – лицо не достигшее 14-летнего возраста (Гражданский кодекс РФ, ст. 28) и «ребенок» – лицо не достигшее 18-летнего возраста (Конвенция о правах ребенка, ст. 1; Семейный кодекс РФ, ст. 54).

Значимым критерием для определения субъектности несовершеннолетних является дееспособность. Согласно Гражданскому кодексу РФ выделяют: недееспособность – этот статус применяется к лицам до 6 лет (ст. 28); дееспособность малолетних – охватывает лиц от 6 до 14 лет, (ст. 28), дееспособность несовершеннолетних – применяется к лицам в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 26). С наступлением совершеннолетия в 18 лет наступает полная гражданская дееспособность (ст. 21). Права и обязанности, обретаемые после 18 лет, можно весьма условно считать молодежными, поскольку они также распространяются на лиц старше 35 лет.

Рассматривая понятие «молодежь» в юридическом дискурсе, следует отметить, что оно может контекстуально присутствовать в нормах, регулирующих вопросы образования, занятости, социальной защиты и др. Однако его фактическое применение в правовых документах имеет ряд концептуальных ограничений, связанных с его семантической неопределенностью и отсутствием унифицированных возрастных рамок. Вместо этого юридический язык предпочитает более точные и формализованные категории, которые можно легко интерпретировать в правовом контексте, не допуская при этом двусмысленности.

¹Глава ФМБА заявила, что границы молодого возраста могут быть расширены до 60 лет // Интерфакс. 28 ноября 2024. URL: <https://www.interfax.ru/russia/994924> (дата обращения: 05.03.2025).

²При установлении мер поддержки может устанавливаться иной максимальный возраст. – Прим. авт.

³Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. (В редакции федеральных законов от 22.04.2024 № 95-ФЗ, от 28.12.2024 № 550-ФЗ) № 489-ФЗ «О молодежной политике Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328/page/> (дата обращения: 05.03.2025).

В экономическом дискурсе молодежь может определяться как группа, которая проходит этапы формирования профессиональных навыков, выработки потребительских стратегий и обретения финансовой самостоятельности. Этот процесс, связанный с освоением новых ролей и функций, не происходит в одночасье, в результате чего актуализируется вопрос о возрастной периодизации.

В зарубежном дискурсе, посвященном вопросу трудоустройства и безработице молодежи, исследователи выделяют период с момента окончания обязательного школьного обучения до 24 лет. Для большинства стран это означает период от 15 до 24 лет¹.

В свою очередь, В. Рудаков выделяет две группы: «младшая» молодежь (18–24 года) – подгруппа молодежи, для которой основным занятием является учеба в вузе или сузе; представители данной подгруппы только выходят на рынок труда, и часто работа может не являться их основным занятием; «старшая» молодежь (25–29 лет) – подгруппа молодежи, предположительно завершили обучение в учреждениях высшего и среднего профессионального образования, основным их занятием является работа, индивиды находятся на начальных или средних этапах карьеры» [Рудаков, 2015, с. 45–46].

Предложенная периодизация, хотя отражает разделение на учащуюся и работающую молодежь, тяготеет к смешению статусов. Оно обусловлено, с одной стороны, изменениями в структуре ценностей и установок молодых людей, с другой – цифровой трансформацией экономики и изменениями на рынке труда.

Несмотря на то, что «младшая» молодежь в основном сосредоточена на получении специальности, молодые люди имеют право осуществлять трудовую деятельность, для реализации которой современная социально-экономическая среда предоставляет широкий диапазон возможностей, сосредоточенных главным образом в области гиг-экономики. При этом они не спешат сепарироваться от родителей, которые готовы осуществлять финансовую поддержку во время учебы и даже после ее окончания.

Отсрочке финансовой независимости, которая характерна для «старшей» молодежи, отчасти способствует позиция работодателя. Именно он в немалой степени определяет правила игры, высказывая предпочтения в вопросе стажа и учебного заведения. Молодежь оказывается в относительно невыгодном положении по сравнению со взрослыми. Она также может оказаться коллективным заложником опыта, где работодатель выбирает

работников со стажем. В результате на рынке труда молодежь не нанимается, поэтому не может увеличить собственный опыт².

В этих условиях актуализируется вопрос об эффективности реализации государственной политики, направленной на поддержку молодых специалистов и их интеграцию в экономическую систему. Также становится необходимым повышение финансовой грамотности, влияющей на экономическое поведение молодежи. При этом многое зависит и от самого молодого человека, который сам выбирает жизненный путь либо постоянного профессионального совершенствования, стремясь адекватно отвечать запросам современного рынка труда, либо прокрастинации, который может его привести к поколению NEET.

В рамках экономического дискурса «молодежь» определяется как носитель инновационных практик. Новый дискурс формирует новые модели занятости и потребления. Он способен адаптировать существующие структуры к новым вызовам. В то же время традиционные представления о карьерном росте и обретении финансовой независимости сохраняют свои прежние позиции в обществе, что вынуждает современную молодежь поддерживать баланс между старыми ориентирами и новыми трендами. Последние связаны с нелинейностью профессиональной траектории и самореализацией. Этот сдвиг в восприятии занятости и финансовой самостоятельности отражает более глубокие изменения в структуре общественного сознания, где акцент с утилитарного подхода к работе смещается в сторону ценностно-смысловых ориентиров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что понятие «молодежь» не является статичным. Оно подвержено корректировке в зависимости от обстоятельств или конъюнктуры. Эта изменчивость говорит о том, что понимание термина «молодежь» не может быть ограничено каким-то одним определением, а требует постоянного осмысления и адаптации к современным реалиям в научном дискурсе.

Глобализация, технологические достижения, социокультурные сдвиги оказывают значительное влияние на жизнь молодых людей. Ее метаморфозы приводят молодых людей к новым формам идентичности, социального взаимодействия и участия в различных сферах жизни. Для осмысления этих процессов и оценки их влияния

¹Martin G. A portrait of the youth labor market in 13 countries, 1980–2007 // Monthly Labor Review. 2009. July. P. 3–21.

²Bell D. N. F., Blanchflower D. G. Young People and Great Recession. IZA. 2011. Discussion Paper, 5674, 241–267.

на современную молодежь, науке уже сейчас важно выйти за рамки традиционных подходов и объединить идеи из различных гуманитарных

дисциплин, что позволило бы расширить понятие «молодежь» и обогатить связанное с ним концептуальное поле.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Луков Вал. А. Теория молодежи. Междисциплинарный анализ. М.: «Конон+» РООИ «Реабилитации», 2012.
2. Сартори Д. Изложение концептов в сравнительной политологии (II) // Политические исследования. 2003. № 4. С. 152–160.
3. Шашенков А. А. Конституционно-правовое положение молодежи в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
4. Рудаков В. Н. Динамика заработной платы молодежи на российском рынке труда // Вопросы статистики. 2015. № 11. С. 43–57.

REFERENCES

1. Lukov, V. A. (2012). *Teoriya molodezhi. Mezhdisciplinarny'j analiz* = Theory of youth. Interdisciplinary analysis. Moscow: Konon+ Publ., Reabilitatsiya Publ. (In Russ.)
2. Sartori, G. (2003). Concept misformation in comparative politics (II). *Polis. Political Studies*, 4, 152–160. (In Russ.)
3. Shashenkov, A. A. (2004). *Konstitucionno-pravovoe polozhenie molodezhi v Rossijskoj Federacii* = Constitutional and legal status of youth in the Russian Federation: abstract of PhD in Juridical sciences. Moscow. (In Russ.)
4. Rudakov, V. N. (2015). The dynamics of youth wages in the Russian labor market. *Voprosy statistiki*, 11, 43–57. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Захаров Сергей Михайлович

кандидат политических наук

ассистент кафедры истории

Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева

ORCID 0000-0002-1160-1157

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zakharov Sergey Mikhailovich

PhD (Political Sciences)

Assistant, Department of History

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy

ORCID 0000-0002-1160-1157

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.03.2025
12.04.2025
04.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Использование иноязычных компетенций студентами лингвистического университета на рынке труда

А. В. Половнёв¹, Д. Г. Передня²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹polovnev_av@mail.ru

²2975829@mail.ru

Аннотация.

Цель исследования – на основе социологического анализа раскрыть особенности занятости студентов лингвистического и нелингвистического профиля, рассмотреть уровень и характер занятости студентов вуза на рынке труда, в том числе в сфере оказания лингвистических услуг. Использованные методы: онлайн-опрос студентов МГЛУ, который проведен в апреле 2021 и 2023 годов. Объем выборочной совокупности составил в 2021 году – 2111 и в 2023 году – 1997 студентов. В выборке представлены студенты всех уровней, направлений подготовки (специальностей) и курсов обучения. Относительная ошибка выборки составила не более 2 % при доверительной вероятности 95 %. В статье анализируется занятость студентов, использование в процессе труда лингвистического капитала и вовлеченность студентов в рынок лингвистических услуг; описывается характер влияния непрофильной занятости на профессиональное самоопределение студентов лингвистического университета. В ходе исследования выяснилось, что вовлеченность в непрофильную занятость дезориентирует студентов и способствует их разочарованию в выбранном направлении подготовки. В дальнейшем этот эффект создает предпосылку для обесценивания полученного образования и, возможно, подталкивает выпускников к поиску новых траекторий профессионального развития. Профильная занятость на рынке лингвистических услуг в этом смысле предпочтительна. Она в большей степени характерна для студентов, обучающихся на языковых педагогических и переводческих факультетах (институтах). В целом занятость студентов носит чаще всего неформальный и нестабильный характер в форме подработок, фриланса, репетиторства. Опыт профильной и официальной трудовой занятости среди студентов лингвистического вуза встречается достаточно редко. Поэтому необходимо создание механизмов и условий, позволяющих иметь профильную и официальную занятость на рынке лингвистических услуг. Она будет способствовать не только профессионализации, но и формированию устойчивой профессиональной ориентации студентов на рынке труда.

Ключевые слова: студенческая занятость, вторичная занятость студентов, трудовая занятость студентов, рынок лингвистических услуг

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Лингвистические услуги как социальный феномен в условиях современных политических, экономических и культурных реалий развития России» государственного задания Минобрнауки России, регистрационный номер НИОКТР 124012200217-0.

Для цитирования: Половнёв А. В., Передня Д. Г. Использование иноязычных компетенций студентами лингвистического университета на рынке труда // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 122–132.

The Use of Foreign Language Competencies by Linguistic University Students in the Labor Market

Andrey V. Polovnev¹, Dmitriy G. Perednya²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹polovnev_av@mail.ru

²2975829@mail.ru

Abstract. The purpose of the article, based on sociological analysis, to reveal the features of employment of students of linguistic and non-linguistic profiles, to consider the level and nature of employment of university students in the labor market, including in the field of language services. The methods used: an online survey of MSLU students, which was conducted in April 2021 and 2023. The sample size was 2111 students in 2021 and 1997 students in 2023. The sample includes students of all levels, areas of training (specialties) and courses of study. The relative sampling error was no more than 2%, with a confidence probability of 95%. The article analyzes the employment of students, draws attention to the use of linguistic capital in the labor process. The involvement of students in the linguistic services market is assessed. The influence of non-core employment on the professional self-determination of students of a linguistic university is also considered. It has been found that involvement in non-core employment disorients students and contributes to their disappointment in the chosen field of study and. Subsequently, this effect creates a prerequisite for devaluing the education received and possibly pushes graduates to search for new trajectories of professional development. Profile employment in the linguistic services market is more preferable in this sense. It is more typical for students studying at language pedagogical and translation faculties (institutes). In general, student employment is informal and unstable, in the form of part-time jobs, freelancing, tutoring. The experience of profile and official employment among students of a linguistic university is quite rare. In this regard, it seems necessary to create mechanisms and conditions that allow for profile and official employment in the linguistic services market, which will contribute not only to professionalization, but also to the formation of a stable professional orientation of students in the labor market.

Keywords: student employment, secondary employment of students, labour employment of students, linguistic services market

Acknowledgements: The article was prepared as part of the project "Linguistic services as a social phenomenon in the context of modern political, economic and cultural realities of Russia's development" of state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, R&D registration number 124012200217-0.

For citation: Polovnev, A. V., Perednya, D. G. (2025). The use of foreign language competencies by linguistic university students in the labor market. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(859), 122–132. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы совмещения студентами обучения в вузе с работой достаточно часто становятся объектом социологических исследований [Старцева, Брюхова, 2016; Студент и работа: опыт прикладного социологического исследования, 2016; Красова, 2017]. При изучении данного феномена обычно используются понятия «трудовая занятость» [Калина, 2017; Кужим, 2019; Хашаева,

Ковальчук, 2023] и «вторичная занятость» [Миков, Табала, 2014; Буялова, Бурляева, Чебанов, 2017; Касаткина, Шумкова, 2019; Кученкова, Лемкина, 2022], хотя, некоторые исследователи сомневаются в корректности использования последнего термина применительно к студентам [Зырянов, 2023]. Надо сказать, что эти сомнения отнюдь не беспочвенны. В научной литературе регулярно отмечается, что совмещение учебы в вузе с работой приобрело в стране массовый характер. Эта социальная

тенденция способствует формированию особой модели студенческого трудоустройства, при которой полноценное вхождение в профессиональную сферу опережает получение диплома [Рожкова, Рошин, Травкин, 2024]. У данного явления имеется и обратная сторона: трудовая деятельность отвлекает студентов от учебного процесса. В особой степени это относится к работе не по специальности, получаемой в вузе. Поэтому ряд авторов полагают, что практика массового совмещения работы и учебы в вузах должна постепенно сокращаться ввиду повышения требований к качеству профессиональной подготовки и усложнения образовательных программ [Зырянов, 2023; Особенности формирования образовательных траекторий российских студентов: оценка и возможности, 2023].

В большинстве публикаций по проблематике студенческой занятости исследователи обращают внимание прежде всего на уровень, характер и структуру занятости студентов, а также мотивы и причины совмещения ими учебы с работой [Старцева, Брюхова, 2016; Красова, 2017]. Среди факторов, определяющих вовлеченность студентов в трудовую занятость, обычно выделяют следующие: специфика (профиль) вуза, уровень профессионального образования (бакалавриат, специалитет, магистратура) и направление подготовки (специальность); наличие финансовой поддержки семьи при получении высшего профессионального образования; ориентация на поддержание высоких стандартов потребления и, следовательно, желание студентов приобрести профессиональный опыт [Рошин, Рудаков, 2014; Старцева, Брюхова, 2016].

Ряд авторов особое внимание обращают на специфику локальных рынков труда и количества вакансий, позволяющих студентам совмещать учебу и работу, а также на наличие самой возможности совмещения работы и учебы в период получения профессионального образования [Красова, 2017; Кужим, 2019; Хашаева, Ковальчук, 2023]. В отдельных публикациях акцент делается на анализе социально-экономических и образовательных эффектов трудовой занятости студентов. В частности рассматривается влияние трудовой деятельности студентов на их академическую успеваемость [Ehrenberg, Sherman, 1987; Янбарисова, 2014] и на их здоровье [Зырянов, 2023]. В некоторых публикациях изучается взаимосвязь опыта работы студентов с вероятностью трудоустройства выпускников вуза после его окончания и их влияние на будущие доходы [Рошин, Рудаков, 2014; Рудаков, 2016].

В условия современных политических и экономических реалий, нарастающего дефицита трудовых ресурсов и цифровизации производства появление новых отраслей и форм занятости

(гибридных и удаленных, самозанятости, фриланса, неформальной и precarious¹ занятости) исследование характера вовлеченности студентов в трудовую деятельность приобретает особое значение. При этом характер использования студентами профильного лингвистического вуза иноязычных компетенций на рынке труда не часто становятся предметом социологических исследований [Смирнова, 2021; Половнёв, 2024]. Цель данного исследования по возможности восполнить данный пробел.

УРОВЕНЬ И ОСОБЕННОСТИ ЗАНЯТОСТИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ НА РЫНКЕ ТРУДА

Всероссийский опрос студентов вузов, проведенный ВЦИОМ в октябре 2023 года, свидетельствует о массовом характере занятости студентов на рынке труда. Большинство (69 %) российских студентов имеют работу или временные подработки, а 85 % не имеющих таковой, хотели бы трудоустроиться и иметь дополнительный доход². Основными чертами трудоустройства российских студентов, по мнению ряда исследователей, является неквалифицированный и малоквалифицированный труд с неполной занятостью [Красова, 2017]. Распространена также неофициальная занятость в частном секторе экономики, которая часто не связана с выбранным направлением вузовской подготовки [Касаткина, Шумкова, 2019].

Поступательный рост количества работающих студентов вместе с курсом обучения, фиксировался исследователями неоднократно. Например, по данным Мониторинга экономики образования, проведенного НИУ ВШЭ, среди 18,5 тыс. студентов в 2020 / 2021 учебном году, на 1-м курсе обучения впервые устраивается на работу около четверти (25 %) бакалавров и специалистов, на 2-м курсе в трудовую занятость вовлекается еще 23 %, на 3-м курсе – 14 % и на 4-м курсе еще 6 % [Бекова, 2022]. Таким образом, к выпускным курсам большинство российских студентов приобретает опыт совмещения учебы и занятости на рынке труда, что позволяет им плавно интегрироваться в трудовую деятельность, знакомиться со сферой трудовых отношений не только в период запланированных производственных практик, но и независимо от образовательного процесса.

¹Прекарная форма занятости представляет собой тип отношений, сопровождающийся неустойчивой оплачиваемой деятельностью, в том числе в секторе неформальной экономики.

²Ермолаев Д. Трудоустройство молодежи // ВЦИОМ. Новости. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/trudoustroistvo-molodezhi> (дата обращения: 04.04.2025).

Трудовая занятость студентов, в силу ряда ограничений, в том числе отсутствия у студентов полноценного профессионального образования и опыта значительного объема времени, затрачиваемого на учебу, может приобретать разнообразный и неустойчивый характер. Например, на первом курсе обучения, среди студентов, имевших опыт работы, на момент опроса 20 % имели постоянную работу, 26 % работали временно, по договору, 35 % имели опыт разовых, нерегулярных приработков, а около 19 % в момент опроса не работали. С каждым курсом обучения вместе с увеличением численности студентов, совмещающих учебу и работу, количество студентов, имевших постоянную работу, поступательно возрастает. На 2-м курсе бакалавриата, среди студентов имевших опыт работы, постоянно заняты 24 %, на 3-м курсе – 30 %, на 4-м курсе – около 39 %, а на 1-м курсе магистратуры уже около 63 % [там же].

Вместе с ростом постоянной занятости по мере приближения студентов к выпускным курсам снижается уровень непрофильной трудовой занятости российских студентов, чья работа не связана с получаемой в вузе специальностью. На 1-м курсе доля студентов с непрофильной занятостью составляет, по данным НИУ ВШЭ, 70 % (от числа студентов, имеющих опыт совмещения учебы и работы), на 2-м курсе – 65 %, на 3-м курсе – около 60 %, на 4-м курсе бакалавриата – 46 %, а на 1-м курсе магистратуры – 34 % [там же].

ОСОБЕННОСТИ ЗАНЯТОСТИ СТУДЕНТОВ ПРОФИЛЬНОГО (ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА

Студенческая занятость на рынке труда в период обучения в вузе зависит не только от курса обучения, но и от профиля учебного заведения и направления подготовки. В предыдущих исследованиях было установлено, что обучение на специальностях, требующих знания иностранных языков, повышает вероятность совмещения учебы и работы среди студентов [Рощин, Рудаков, 2014]. Одним из основных направлений занятости студентов с лингвистическим профилем подготовки становятся образовательные лингвистические услуги [Половнёв, 2024]. В других исследованиях авторы пришли к выводу о влиянии владения иностранными языками на заработную плату на российском рынке труда. При этом авторы исследования смогли количественно оценить степень этого влияния, а не только констатировали его наличие [Рожкова, Рощин, 2019]. По оценкам исследователей НИУ ВШЭ, финансовая отдача от иноязычных компетенций в России в среднем составляет 11 %

[Салтанова, 2019], что дает основание говорить о положительном влиянии лингвистического капитала на студенческую занятость и дополнительные доходы студентов.

Опросы¹, проведенные в 2021 и 2023 годах среди студентов столичного лингвистического вуза, позволили авторам проанализировать особенности занятости студентов с углубленной иноязычной подготовкой на рынке лингвистических услуг.

Опрос студентов различных направлений подготовки и их группировка по профилю (лингвистические / неллингвистические) позволили выделить как типические черты, так и характерные для разных профилей подготовки особенности занятости на рынке лингвистических услуг.

Анализ степени занятости студентов лингвистического вуза по уровням и курсам обучения отчетливо подтвердил общую тенденцию. Она заключается в том, что численность студентов, совмещающих обучение в вузе и работу, с каждым годом заметно увеличивается. В бакалавриате и специалитете доля студентов МГЛУ, имеющих опыт совмещения работы и учебы, поступательно возрастает с 47 % на 1-м курсе обучения до 81–87 % на выпускных курсах, что подтверждает выводы других исследователей о развитии массовой практики студенческой занятости в процессе обучения в вузе. В магистратуре доля студентов МГЛУ, совмещающих учебу и работу, продолжает возрастать и приближается к 93 % от числа учащихся (табл. 1).

В ходе исследования установлено также, что вместе с увеличением численности занятых студентов лингвистического университета с каждым курсом обучения поступательно возрастает их профильная занятость. Если на 1-м курсе только 14 % студентов имели опыт работы по специальности, то к 4-му курсу обучения ситуация заметно меняется. Количество студентов, совмещающих работу и учебу, возрастает до 38 % и до 43 % на 5-м курсе специалитета. Уровень профильной занятости на 1-м курсе магистратуры наблюдается почти у половины студентов (48 %), а на 2-м курсе магистратуры из 93 % трудоустроенных выпускников уже более половины (53 %) имеют опыт работы по выбранной специальности.

Сравнение распространенности студенческой занятости по профильным группам показывает, что уровни вовлеченности студентов лингвистического и неллингвистического профиля в подработку не

¹Онлайн-опрос студентов МГЛУ проведен в апреле 2021 и 2023 годах. Объем выборочной совокупности составил в 2021 году – 2 111 студентов и в 2023 году – 1 997. В выборке представлены студенты всех уровней, направлений подготовки (специальностей) и курсов обучения. Относительная ошибка выборки составила не более 2 %, при доверительной вероятности 95 %.

Таблица 1

ДИНАМИКА И СТРУКТУРА СТУДЕНЧЕСКОЙ ЗАНЯТОСТИ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ (В %)

	Бакалавриат / Специалитет (курс)					Магистратура (курс)		Аспирантура
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	1-й	2-й	
Имеют опыт совмещения учебы и работы, из них:	47	62	76	81	87	88	93	100
– по специальности	14	26	34	38	43	48	53	83
– не по специальности	33	36	42	43	44	40	40	17
Без опыта работы	53	38	24	19	13	12	7	–

различаются. В 2021 и 2023 годах опыт занятости студентов сохранялся на уровне 70 % независимо от профиля подготовки студентов. У студентов лингвистического профиля на рынке труда есть несколько характерных особенностей. *Во-первых*, уровень профильной занятости среди студентов лингвистических факультетов (институтов) наблюдался почти в два раза чаще, чем среди студентов нелингвистических направлений подготовки. *Во-вторых*, профильная занятость у студентов-лингвистов чаще всего носит неформальный (прекарный) характер, который проявляется прежде всего в отсутствии трудовых договоров между работодателями (потребителями услуг) и студентами. В 2021 году о наличии неформального опыта подработки заявляли 32 % студентов лингвистических направлений подготовки, в то время как среди студентов других направлений подготовки опыт неформальной занятости обнаруживается только у 13 % студентов. Второй показатель фактически вдвое уступает первому. В 2023 году опыт неформальной занятости по специальности отметили 29 % лингвистов и только 9 % студентов нелингвистического профиля (табл. 2). Таким образом, лингвистический профиль подготовки предоставляет студентам больше возможностей в занятости по специальности, но чаще всего этот опыт носит неформальный (прекарный) характер.

Для студентов, обучающихся на направлениях подготовки, не связанных с лингвистикой, характерна преимущественно непрофильная занятость. Опыт непрофильного трудоустройства среди студентов, обучающихся на нелингвистических направлениях, встречается среди каждого второго студента (49 %), в то время как среди студентов лингвистического направления означенный опыт имеется только у 31 %. Непрофильная занятость студентов может носить формальный (оформленный, официальный) и неформальный характер. И тот и другой вид непрофильной занятости характерен

преимущественно для студентов нелингвистических направлений подготовки и встречается среди них почти в одинаковых пропорциях. Так, в 2023 году 27 % студентов нелингвистического профиля отметили, что имели опыт неформальной непрофильной занятости и 22 % – непрофильный опыт трудовой занятости по трудовому договору. Среди студентов лингвистического профиля наличие опыта неформальной непрофильной занятости отметили в ходе опроса только 15 %, а еще 16 % – опыт непрофильной трудовой занятости по договору (табл. 2).

Таким образом, профиль подготовки даже в пределах одного вуза отражается на характере студенческой занятости на рынке труда. Так, уровень владения иностранными языками, который у студентов лингвистической подготовки выше, нежели у студентов нелингвистического профиля, отличительно располагает первых к профильной занятости.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТАМИ МГЛУ НА РЫНКЕ ТРУДА

Проведенное исследование показало, что существенная часть студентов МГЛУ реализует на рынке занятости накопленный лингвистический капитал еще до получения диплома о профессиональном образовании. Более 70 % студентов, совмещающих учебу в МГЛУ и работу, подтвердили в ходе опроса использование на практике иноязычных компетенций и опыт занятости на рынке лингвистических услуг. Ожидается, что применение на практике языковых навыков на профильном (лингвистическом) рынке характерно преимущественно для студентов переводческого и языковых факультетов (институтов). Наиболее распространенной практикой среди студентов-лингвистов, является обучение иностранным языкам, в том числе в форме оказания репетиторских услуг. В 2023 году среди студентов

Таблица 2

ТИПЫ ЗАНЯТОСТИ СТУДЕНТОВ МГЛУ НА РЫНКЕ ТРУДА

Типы занятости студентов	2021 г.		2023 г.	
	Лингвистический профиль (в %)	Нелингвистический профиль (в %)	Лингвистический профиль (в %)	Нелингвистический профиля (в %)
Имеют опыт профильной занятости (по специальности)				
– по трудовому договору	8	9	9	12
– неофициально, без оформления	32	13	29	9
Имеют опыт непрофильной занятости (не по специальности)				
– по трудовому договору	16	22	16	22
– неофициально, без оформления	13	26	15	27
Не имеют опыта работы	31	30	31	29
N	1192	919	1224	773

лингвистического профиля, имеющих опыт совмещения учебы и работы, более половины (59 %) занимались преподаванием иностранных языков, а еще 17 % оказывали переводческие услуги [Полонёв, 2024]. Таким образом, большинство студентов лингвистического профиля, имеют опыт занятости на профильном рынке лингвистических услуг, но реализуется он, как было отмечено ранее, преимущественно в форме неформальной занятости. Занятость около 40 % студентов, обучавшихся на лингвистических направлениях подготовки, скорее всего никак не связана с рынком лингвистических услуг: 18 % имели опыт занятости, в которой иностранные языки применялись лишь в качестве дополнительной компетенции, а 22% студентов отметили, что совсем не использовали в ходе занятости на рынке труда свои иноязычные компетенции (табл. 3).

Студенты других (неязыковых) направлений подготовки, несмотря на углубленную иноязычную

подготовку и изучение нескольких иностранных языков, используют их в процессе работы сравнительно редко. Занятость около 44 % студентов неязыковых направлений не была связана с использованием изучаемых иностранных языков, и по сравнению с данными 2021 года численность таких студентов увеличилась. Вместе с тем дополнительная иноязычная подготовка, для студентов непрофильных направлений подготовки, не остается бесследной и также применяется в процессе занятости, в том числе на рынке лингвистических услуг. По данным опроса, проведенного в 2023 году, среди занятых студентов, обучавшихся на неязыковых направлениях подготовки, 28 % оказывали лингвистические образовательные услуги, в том числе в форме репетиторства, а 15 % осуществляли устный и письменный перевод, по сути, имели опыт занятости на рынке лингвистических услуг. Еще около четверти студентов нелингвистических

Таблица 3

ДИНАМИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТАМИ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НА РЫНКЕ ТРУДА (2021–2023)¹

	Студенты лингвистического профиля (%)		Студенты нелингвистического профиля (%)	
	2021 г.	2023 г.	2021 г.	2023 г.
Преподавание иностранных языков (в т. ч. репетиторство)	61	59	37	28
Устный и письменный перевод	22	17	18	15
Иностранный язык использовался как дополнительная компетенция	22	18	27	24
Опыт работы никак не связан с использованием иностранных языков	17	22	35	44
N	818	851	644	546

¹Множественный вопрос, предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответов, сумма > 100%

направлений (24 %) обладают опытом работы, в которой иностранный язык использовался, но в качестве дополнительной компетенции (табл. 3).

С 2021 года среди студентов МГЛУ наметилась общая тенденция. Она заключается в незначительном увеличении численности студентов, не использующих в ходе занятости иноязычные компетенции. Среди студентов неязыкового профиля этот рост составил – 9 п/п, а среди студентов-лингвистов – 5 п/п.

Таким образом, независимо от профиля подготовки накопленный лингвистический капитал активно реализуется студентами профильного вуза на рынке труда и лингвистических услуг. Наиболее востребованным и самым популярным способом применения иноязычных компетенций являются образовательные лингвистические услуги. Студенты профильных лингвистических направлений подготовки осуществляют их практически вдвое чаще, нежели студенты других направлений подготовки. Занятость студентов непрофильных направлений подготовки чаще всего не связана с использованием иностранных языков, но около трети студентов нелингвистических направлений также имеют опыт занятости на рынке лингвистических услуг.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ВОВЛЕЧЕННЫХ В НЕПРОФИЛЬНУЮ ЗАНЯТОСТЬ

Анализ профессиональных ориентиров российского студенчества показывает, что существенная часть студентов нуждается в изменениях выбранного при поступлении направления подготовки или вуза. В ходе исследования, проведенного Центром стратегии развития образования МГУ имени М. В. Ломоносова в 2021–2022 годах (N = 123 977 человек), установлено, что около трети российских студентов демонстрирует запрос на изменение своей образовательной траектории [Алешковский, 2023].

Опрос, проведенный среди студентов МГЛУ в 2023 году, показал, что твердое желание работать по выбранному направлению подготовки наблюдается только у 57 % учащихся. Каждый пятый студент лингвистического университета (20 %) не выражает желания работать по выбранному направлению подготовки после окончания вуза, и еще 23 % не определились со своим желанием (затруднились ответить).

Желание работать по выбранному направлению подготовки с каждым годом обучения у студентов лингвистического университета постепенно снижается. Если к концу первого курса

желание работать по специальности выражали 60 % студентов, то к четвертому курсу показатели заметно меняются. Количество желающих работать по специальности к четвертому курсу снижается до 50 % и на пятом курсе специалитета доходит до 45 %. Снижение количества профессионально ориентированных студентов в бакалавриате и специалитете указывает на неустойчивость профессионального выбора студентов. Тенденция к уменьшению количества студентов, желающих работать по специальности, свидетельствует также о том, что в период учебы процесс профессионального самоопределения многих студентов остается незавершенным.

На выбор будущей профессии, который осуществляет каждый студент, оказывает влияние не только образовательная среда профессионального учреждения и качество реализации образовательных программ. На жизненный выбор студента влияет и его профессиональная практика. Опыт занятости, приобретенный студентом на рынке труда, не может не отражаться на его профессиональном самоопределении. Этот опыт позволяет студенту соприкоснуться с условиями работы и требованиями к специалистам в реальных жизненных условиях.

Существенный вклад в процесс профессиональной дезориентации может вносить вовлеченность студентов в сферу непрофильной занятости. Наличие у студентов трудовой практики, которая ведется по направлению их подготовки, еще не гарантирует формирования у студентов устойчивого желания работать по специальности. И всё же вероятность профессиональной дезориентации студента снижается, если в период обучения ему удалось приобрести опыт работы по выбранному направлению подготовки. В ходе опроса установлено, что у студентов, имеющих опыт работы по направлению подготовки, желание продолжить работу по специальности после окончания вуза возникает чаще. Оно наблюдается почти у 70 % студентов, в то время как у студентов с непрофильным опытом работы такое желание наблюдается только у 47 %.

Анализ желания работать по специальности по курсам обучения показывает, что к старшим курсам бакалавриата / специалитета дезориентационное влияние непрофильной занятости усиливается. Среди студентов лингвистического университета, имеющих опыт непрофильной занятости, доля желающих работать по специальности после окончания вуза уменьшается с каждым курсом обучения, а доля студентов, не желающих работать по выбранному направлению подготовки, напротив, увеличивается. На младших курсах обучения

количество студентов, имеющих опыт непрофильной занятости и желающих после выпуска работать по специальности, составляет 53 %. Однако к 4-му курсу показатели профессиональной ориентированности в данной группе студентов существенно меняются: доля студентов, желающих работать по специальности, снижается до 39 %, а на 5-м курсе она уменьшается до 28 %. Противоположная тенденция наблюдается среди студентов с опытом непрофильной занятости по отношению к смене профессиональной траектории. Доля студентов желающих работать по другой специальности увеличивается на протяжении всего учебного процесса. Так, с 19 % на 1-ом курсе доля студентов, которые хотят сменить профессию, увеличивается до 38 % на 4-м курсе и до 47 % на выпускном курсе в специалитете.

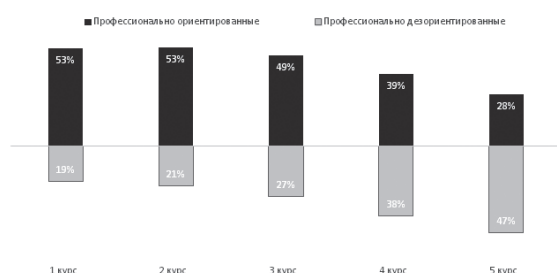

Рис. 1. Профессиональная ориентация (желание работать по выбранному направлению подготовки) студентов лингвистического университета, имеющих непрофильный опыт занятости на рынке труда (N = 765)

Таким образом, на примере студентов лингвистического вуза видно, что вовлеченность в непрофильную трудовую деятельность способствует разочарованию в выбранном направлении профессиональной подготовки. С каждым годом обучения дезориентационный эффект непрофильной занятости усиливается, что создает предпосылку для обесценивания полученного образования и,

возможно, подталкивает выпускников к поиску новых траекторий профессионального развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Совмещение учебы в вузе с занятостью на рынке труда – достаточно распространенная практика для российских студентов, и студенты лингвистического университета не являются исключением. Профильная занятость на рынке лингвистических услуг характерна прежде всего для студентов, обучающихся на языковых педагогических и переводческих факультетах (институтах), но чаще всего она носит неформальный и нестабильный характер. Опыт профильной и официальной трудовой занятости среди студентов лингвистического вуза встречается достаточно редко. Поэтому представляется необходимым создание механизмов и условий, позволяющих иметь профильную официальную занятость на рынке лингвистических услуг. Легализация совмещения профильной работы и учебы в жизненной практике студентов будет способствовать формированию устойчивой ориентации студентов на рынке труда и более успешному освоению профессии.

Вовлеченность студентов в непрофильную трудовую деятельность создает предпосылки для их профессиональной дезориентации. Студент испытывает определенные социальные риски, если он трудоустраивается не по своей специальности, не по своему образовательному профилю. Он нередко оказывается дезориентированным и в вопросах выбранной специальности, и в критериях смены профессионального вектора развития. Переход к системе подготовки «2 + 2 + 2», который в настоящее время проходит апробацию в нескольких вузах, возможно, в будущем поможет студентам своевременно скорректировать свою образовательную траекторию и при необходимости сменить профиль учебы. Новый тип организации учебного процесса, возможно, сделает современное вузовское образование и более эффективным, и более приспособленным к нынешним реалиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Старцева Н. Н., Брюхова О. Ю. Трудовая занятость студентов как объект социологического исследования // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 8. С. 48–68.
2. Студент и работа: опыт прикладного социологического исследования / Болотин И. С. [и др.]. Вып. 6. М.: Федеральный институт развития образования, 2016.
3. Красова Е. В. Основные черты студенческой занятости в регионах России (на примере Владивостока и других городов) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. № 1. С. 266–285. DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-1-266-285.

4. Калина Н. М. Феномен трудовой занятости студентов в России: история и современность // Проблемы науки и образования. 2017. № 2 (62). С. 222–224.
5. Кужим Н. В. Трудовая занятость студентов факультета социологии АЛТУ как фактор их успеваемости // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2019. № 16. С. 161–163.
6. Хашаева С. В., Ковальчук О. В. Анализ трудовой занятости студентов города Белгорода // Управление городом: теория и практика. 2023. № 1 (47). С. 14–18.
7. Миков Ю. В., Табала О. В. Вторичная занятость и профессиональный выбор студента // Педагогическое образование в России. 2014. № 11. С. 119–124.
8. Буялова Г. В., Бурляева В. А., Чебанов К. А. Вторичная занятость студентов в условиях глобализирующейся российской действительности // Европейский журнал социальных наук. 2017. № 6. С. 39–44.
9. Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. Вторичная занятость и самозанятость студентов вузов: масштабы, структура и функции (на примере Республики Мордовия) // Регионология. 2019. Т. 27. № 4 (109). С. 779–800.
10. Кученкова А. В., Лемкина А. А. Вторичная занятость студенческой молодежи // Социальные проблемы сквозь призму социологических и маркетинговых исследований: сборник исследовательских очерков 2 / под. ред. Е. А. Фадеевой / рецензенты Е. В. Тихонова, И. В. Воробьева. М.: Ключ-С, 2022. С. 244–298.
11. Зырянов В. В. Студенческая трудовая занятость как квинтэссенция противоречий современного высшего образования // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира: сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции, Иркутск, 16–17 июня 2023 г. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск: ИГУ. 2023. С. 140–144.
12. Рожкова К. В., Рошин С. Ю., Травкин П. В. От совмещения учебы с работой к совмещению работы с учебой? Изменение модели российского высшего образования // Вопросы образования. 2024. № 2. С. 286–322.
13. Особенности формирования образовательных траекторий российских студентов: оценка и возможности / Алешковский И. А. [и др.] // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 137–155.
14. Рошин С. Ю., Рудаков В. Н. Совмещение учебы и работы студентами российских вузов // Вопросы образования. 2014. № 2. С. 152–179.
15. Ehrenberg R. G., Sherman D. R. Employment While in College, Academic Achievement and Post-College Outcomes: A Summary of Results // Journal of Human Resources. 1987. Vol. 22. P. 1–23.
16. Янбарисова Д. М. Работа во время учебы в вузах Татарстана: влияет ли она на успеваемость? // Вопросы образования. 2014. № 1. С. 217–237.
17. Рудаков В. Н. Качество вуза, успеваемость и занятость во время обучения как детерминанты заработной платы выпускников вузов на начальном этапе карьеры: автореф. ... дис. канд. экон. наук. М., 2016.
18. Смирнова Ю. А. Прекарные формы занятости в сфере высшего образования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 1 (842). С. 236–245.
19. Половнёв А. В. Преподаватели и студенты профильного университета на рынке лингвистических услуг // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2(855). С. 97–104.
20. Бекова С. К. Совмещение учебы в университете и работы: от бакалавриата до аспирантуры: информационный бюллетень. М.: НИУ ВШЭ, 2022. (Мониторинг экономики образования. № 22 (39)).
21. Рожкова К. В., Рошин С. Ю. Вознаграждается ли знание иностранного языка на российском рынке труда? // Вопросы экономики. 2019. № 6. С. 122–141.
22. Салтанова С. В. Надбавки за английский // IQMedia. URL: <https://iq-media.ru/archive/266876813.html> (дата обращения: 05.04.2025).

REFERENCES

1. Startseva, N. N., Bryukhova, O. Yu. (2016). Employment of students as an object of sociological research. Modern Studies of Social Issues (electronic scientific journal), 8, 48–68. (In Russ.)
2. Bolotin, I. S. et al. (2016). Student and work: experience of applied sociological research, 6. Moscow: Federal Institute for Education Development. (In Russ.)
3. Krasova, E. V. (2017). Main features of students' employment in the Regions of Russia (On Example of Vladivostok and Other Cities). Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, 3(1), 266–285. (In Russ.)
4. Kalina, N. M. (2017). Phenomenon of student employment in Russia: history and the present day (Russia, Kazan'). Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, 2(62), 222–224. (In Russ.)

5. Kuzhim, N. V. (2019). Trudovaya zanyatost' studentov fakul'teta sociologii ALTU kak faktor ikh uspevaemosti = Labour employment of students of the Faculty of Sociology of ALTU as a factor of their academic performance. Trudy molodykh uchenykh Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, 16, 161–163. (In Russ.)
6. Khashayeva, S. V., Kovalchuk, O. V. (2023). Analysis of employment of Belgorod students. Upravlenie gorodom: teoriya i praktika: municipal'nyj zhurnal, 1(47). 14–18. (In Russ.)
7. Mikov, Yu. B., Tabala, O. V. (2014). Student's secondary employment and career choice. Pedagogical Education in Russia, 11, 119–124. (In Russ.)
8. Buyalova, G. V., Burlyaeva, V. A., Chebanov, K. A. (2017). Secondary employment of students in the conditions of globalising the Russian reality. European Journal of Social Sciences, 6, 39–44. (In Russ.)
9. Kasatkina, N. P., Shumkova, N. V. (2019). Secondary employment and self-employment of university students: scale, structure and functions (on the example of the Republic of Mordovia). Regionology, 27, 4(109), 779–800. (In Russ.)
10. Kuchenkova, A. V., Lemkina, A. A. (2022). Vtorichnaya zanyatost' studencheskoj molodezhi = Secondary employment of students. Social'nye problemy skvoz' prizmu sociologicheskikh i marketingovykh issledovanij (pp. 244–298): a collection of research essays – 2. Moscow: Klyuch-S. (In Russ.)
11. Zyryanov, V. V. (2023). Student employment as the quintessence of contradictions in modern higher ducation. Ehkspertnye instituty v XXI veke: civilizacionnye i cifrovyje koncepcii menyayushchegosya mira (pp. 140–144): collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, 16–17 June 2023. Irkutsk: IGU. (In Russ.)
12. Rozhkova, K. V., Roshchin, S. Yu., Travkin, P. V. (2024). From Combining Study and Work to Combining Work and Study? The Changing Model of Russian Higher Education. Voprosy obrazovaniya. Educational Studies Moscow, 2, 286–322 (In Russ.)
13. Aleshkovskij, I. A. at al. Features of formation of educational trajectories of Russian students: assessment and opportunities (2023). Higher Education in Russia, 32, 4, 137–155. (In Russ.)
14. Roshchin, S. Yu., Rudakov, V. N. (2014). Combining Work and Study by Russian Higher Education Institution Students. Voprosy obrazovaniya. Educational Studies Moscow, 2, 152–179. (In Russ.)
15. Ehrenberg, R. G., Sherman, D. R. (1987). Employment While in College, Academic Achievement and Post-College Outcomes: A Summary of Results. Journal of Human Resources, 22, 1–23. (In Russ.)
16. Yanbarisova, D. M. (2014). Combining Work and Study in Tatarstan Higher Education Institutions: How Academic Performance Is Affected? Voprosy obrazovaniya. Education Studies Moscow, 1, 217–237. (In Russ.)
17. Rudakov, V. N. (2016) Kachestvo vuza, uspevaemost' i zanyatost' vo vremya obucheniya kak determinanty zarabotnoj platy vypusknikov vuzov na nachal'nom ehtape kar'ery: Phd in Philology. Moscow. (In Russ.)
18. Smirnova, Yu. A. (2021). Precarious employment forms in higher education scope. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(842), 236–245. (In Russ.)
19. Polovnev, A. V. (2024). Teachers and Students of a Specialized University on the Market of Language Services. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2(855), 97–104. (In Russ.)
20. Bekova, S. K. (2022). Combining university studies and work: from undergraduate to postgraduate studies: information bulletin. Moscow: National Research University 'Higher School of Economics'. (Monitoring of Education Economics, 22(39)). (In Russ.)
21. Rozhkova, K. V., Roshchin, S. Y. (2019). Does knowing foreign language pay off in the Russian labour market? Voprosy ekonomiki, 6, 122–141. (In Russ.)
22. Saltanova, S. V. (2019). Overheads for English. IQMedia. <https://iq-media.ru/archive/266876813.html> (date of address: 05.04.2025). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Половнёв Андрей Викторович

кандидат социологических наук, доцент

старший научный сотрудник социологической лаборатории

Московского государственного лингвистического университета

доцент кафедры социологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

Передня Дмитрий Григорьевич

доктор социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polovnev Andrey Viktorovich

PhD (Sociology), Associate Professor
Senior Researcher
Moscow State Linguistic University Sociological Laboratory
Associate Professor of the Department of Sociology
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)
Moscow State Linguistic University

Perednya Dmitriy Grigorievich

Doctor of Sociology (Dr. Habil), Associate Professor
Head of sociology Department of Sociology
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	07.04.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	27.04.2025	
	04.06.2025	

Социальная дифференциация в современном российском обществе: критерии и факторы

С. В. Попов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

spopov-senergy@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые критерии и факторы, определяющие социальную дифференциацию в современном российском обществе. Исследование опирается на три взаимосвязанных направления: влияние уровня образования на социальное положение различных групп населения, воздействие региональных экономических различий на стратификационные процессы и роль культурного капитала в формировании социального статуса представителей российского общества. На основе эмпирических данных выявлено, что образование остается одним из главных инструментов социальной мобильности, однако его эффективность зависит от экономического контекста региона. Различия в валовом региональном продукте, уровне занятости и доходах обуславливают степень социальной стабильности и степень расслоения населения. Кроме того, активная вовлеченность в культурную сферу и наличие широких социальных связей коррелирует с высоким социальным статусом. Тем самым подтверждается значимость нематериальных (идеальных) ресурсов в социальной стратификации. Результаты исследования способствуют дальнейшему развитию теории социальной дифференциации. Итоги исследования позволяют также сформулировать практические рекомендации для социальной политики, направленной на снижение неравенства и повышение уровня социальной справедливости.

Ключевые слова: социальная дифференциация, стратификация, социальное неравенство, уровень образования, экономические различия, региональная специфика, культурный капитал, социальные связи, социальная мобильность, российское общество

Для цитирования: Попов С. В. Социальная дифференциация в современном российском обществе: критерии и факторы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 133–142.

Original article

Social Differentiation in Modern Russian Society: Criteria and Factors

Sergej V. Popov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Moscow, Russia

spopov-senergy@mail.ru

Abstract. The article examines the key criteria and factors that determine social differentiation in modern Russian society. The study is based on three interrelated areas: the influence of the level of education on the social status of various population groups, the impact of regional economic differences on stratification processes, and the role of cultural capital in shaping the social status of representatives of Russian society. Based on empirical data, it was found that education remains one of the main instruments of social mobility, but its effectiveness depends on the economic context of the region. Differences in gross regional product, employment levels, and incomes determine the degree of social stability and the degree of stratification of the population. In addition, active involvement

in the cultural sphere and the presence of broad social ties correlate with high social status. This confirms the importance of intangible (ideal) resources in social stratification. The results of the study contribute to the further development of the theory of social differentiation. The results of the study also allow us to formulate practical recommendations for social policy aimed at reducing inequality and increasing the level of social justice.

Keywords: social differentiation, stratification, social inequality, level of education, economic differences, regional specifics, cultural capital, social ties, social mobility, Russian society

For citation: Popov, S. V. (2025). Social differentiation in modern Russian society: criteria and factors. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(859), 133–142. (In Russ.)

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Социальная дифференциация представляет собой один из ключевых индикаторов направленности общественных процессов, поскольку именно через нее проявляются глубинные изменения в структуре социума. Обращение к данной теме позволяет не только выявить механизмы расслоения общества, но и понять, какие социально-экономические, политические и культурные тенденции формируют социальную картину современной России. Значимость данного вопроса обусловлена тем, что уровень социальной дифференциации напрямую влияет на стабильность общества, обуславливает возможности его экономического роста и характер взаимоотношений между различными социальными группами.

Неравномерное распределение доходов, доступ к качественному образованию, различия в уровне жизни между регионами и социальными группами – всё это формирует сложный и неоднородный социальный ландшафт. Диспропорции в уровне благосостояния проявляются в укоренении социальных барьеров, ограничении социальной мобильности в современном российском обществе и формировании устойчивых социальных иерархий. Эти явления не только определяют экономическое развитие страны, но и существенно влияют на политическую сферу.

Актуальность исследования социальной дифференциации обусловлена необходимостью добиться четкого понимания механизмов, лежащих в основе расслоения общества.

Какими же факторами оно определяется? Последовательное решение этого вопроса позволяет выявить системные проблемы, сдерживающие развитие страны. Осознание этих проблем – базовое условие для их успешного решения. Оно, в свою очередь, требует системного анализа экономических, демографических, культурных и институциональных аспектов жизни населения, определяющих современную социальную структуру России.

Главная проблема, требующая поэтапного решения, заключается в выявлении ключевых критериев расслоения общества, а также факторов, которые усиливают или, напротив, сглаживают социальные барьеры. Для выявления этих многообразных факторов необходим анализ распределения материальных ресурсов и социальных возможностей между различными группами населения. Уровень их жизни связан с материальными и нематериальными (идеальными) ресурсами, которыми они обладают. Между социальными группами, которые территориально локализованы в современной России, существуют заметные различия. Они проявляются в уровне доходов, образовании, доступе к медицинскому обслуживанию и возможностях трудоустройства. Все эти факторы определяют сложную систему социальной стратификации, которая фиксирует неравенство и затрудняет вертикальную мобильность.

Целью настоящего исследования является комплексное изучение феномена социальной дифференциации российского общества с акцентом на выявлении ее определяющих факторов. Необходимо выяснить, какие параметры имеют наибольшее значение для формирования социального расслоения и какие механизмы закрепляют или, напротив, ослабляют его влияние. Наше исследование позволит не только глубже понять структуру современного общества, но и обозначить возможные направления социальной политики, направленной на снижение избыточного неравенства и обеспечение равных возможностей для различных групп населения.

Выдвигается предположение, что степень социальной дифференциации в современном российском обществе определяется тремя ключевыми факторами:

- уровнем образования респондентов;
- экономическими показателями регионов проживания;
- объемом и качеством культурного капитала и социальных связей.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В современном научном дискурсе социальная дифференциация рассматривается через призму неолиберальных концепций, теорий социальной мобильности и многомерных моделей стратификации. Неолиберальные подходы подчеркивают роль рыночных механизмов в формировании неравенства. В рамках действия этих механизмов ключевыми факторами социального расслоения становятся конкуренция. Теории социальной мобильности строятся на возможностях индивидов перемещаться между различными социальными слоями. Означенная теория ориентирована на выявление катализаторов этого процесса. Многомерные модели стратификации предлагают комплексный взгляд на социальную дифференциацию, учитывая пересечение различных факторов, таких как экономика, культура, образование и политика.

В постсоветской России процессы социальной дифференциации приобрели особую остроту. Отечественные исследования выявляют значительные региональные различия в уровне жизни различных социальных групп, доступе к образованию и медицинским услугам, что способствует усилению социального неравенства. Монографии и статистические данные свидетельствуют о формировании новых социальных классов и групп, различающихся по уровню доходов, культурным практикам и политическим предпочтениям. Особое внимание уделяется анализу урбанистических центров, таких как Москва и Санкт-Петербург, где концентрация ресурсов и возможностей значительно превышает показатели в других регионах. Таким образом, анализ жизни двух столиц выявляет центрально-периферийное разделение, которое существует в масштабах страны.

Исследование ценностных ориентиров социальных групп через призму стратификационного подхода занимает центральное место в работе Н. Ю. Беликовой [Беликова, 2023]. Автор обращает внимание на то, что современные общества устроены гораздо сложнее, чем это представлялось в рамках классической теории стратификации. Особый интерес вызывает взаимодействие традиционных и секулярно-рациональных ценностей, их динамика и трансформация, которая происходит под влиянием материальных факторов. Беликова настаивает на том, что ценности невозможно понять в отрыве от социально-экономического контекста, который задает темп и глубину перехода к постматериальным приоритетам.

Научные исследования Н. Г. Деханова, В. А. Сушко и Ю. А. Холоденко фокусируются на проблеме регионального неравенства в эпоху глобальной

цифровизации [Деханова, Сушко, Холоденко, 2023]. Ученые приходят к выводу, что для преодоления межрегиональных диспропорций недостаточно ограничиваться экономическими мерами. Необходима глубокая модернизация социальной политики. Она включает в себя развитие импортозамещения и создание новой экономической модели, которая бы учитывала вызовы цифровой эпохи. Особое внимание уделяется роли государства в снижении социального неравенства через перераспределение ресурсов и адаптацию регуляторных механизмов.

Культурные и идеологические аспекты социальной дифференциации становятся предметом анализа в работе Е. А. Ильинской, Г. М. Бирженюка и Н. Р. Ременюк [Ильинская, Бирженюк, Ременюк, 2023]. Авторы исследуют, как студенческая молодежь воспринимает границы между «своими» и «чужими», выделяют ключевые критерии такого разделения: на формирование границ между социальными группами влияют не только национальные или религиозные различия, но и такие факторы, как стиль общения, поведенческие нормы, идеологические принципы и уровень образованности. Всё перечисленное свидетельствует о том особом значении, которое имеют культурные факторы в процессе расслоения социума.

А. К. Каймаразова в своем исследовании рассматривает проблему социальной мобильности молодежи в современной России [Каймаразова, 2024]. В условиях масштабных социально-экономических изменений в уровне жизни особую значимость приобретает вопрос о том, какие возможности существуют у молодых людей для продвижения вверх по социальной лестнице. Автор акцентирует внимание на роли социальных лифтов и барьеров, которые могут как способствовать, так и препятствовать перемещению между стратами. При этом образование и доступ к финансовым ресурсам, например, в виде кредитов или наличия стартового капитала, остаются гарантами социального преуспевания.

Влияние социально-экономического неравенства на политическую идентичность молодежи исследует В. А. Труханов [Труханов, 2024], который выделяет две основные группы: с одной стороны, это малообеспеченные молодые люди, которые склонны воспринимать социальную несправедливость в качестве повода для протеста, с другой — представители потребительской культуры, готовые отстаивать свои экономические интересы. При этом, несмотря на наличие протестного потенциала, молодежь в целом остается далекой от активной политической жизни.

Несмотря на обилие исследований, имеет место нехватка эмпирических работ. В них комплексно анализируется влияние как экономических, так и культурных факторов на социальную дифференциацию в России. Кроме того, интеграция регионального и межрегионального анализа остается ограниченной, что затрудняет понимание механизмов формирования социального неравенства на разных уровнях. Устранение этих пробелов требует междисциплинарного подхода и использования современных методологических инструментов для более глубокого понимания процессов социальной дифференциации в российском обществе.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Исследование социальной дифференциации требует четкого определения базовых понятий. Под социальной дифференциацией понимается процесс разделения общества на группы, различающиеся по уровню доходов, доступу к ресурсам, образованию и культурным практикам. Основными критериями дифференциации выступают экономические показатели, уровень образовательных достижений, принадлежность к определенному региону, а также культурные и социальные различия, закрепленные в институтах и традициях.

Существующие теоретические модели позволяют по-разному осмыслить процессы социальной дифференциации. В рамках структурно-функционального подхода общество рассматривается как система взаимосвязанных элементов, где социальное расслоение выполняет стабилизирующую функцию, обеспечивая баланс между различными слоями. В этой модели неравенство интерпретируется как механизм, способствующий специализации и эффективному распределению ролей.

В параметрах теории конфликта социальная дифференциация, напротив, рассматривается как источник напряженности и борьбы за ресурсы. Согласно данной концепции, неравенство закрепляет позиции доминирующих групп, создавая препятствия для социальной мобильности и углубляя расслоение. В рамках данного подхода актуализируется представление о том, что социальные различия порождают конфликты интересов, требующие перераспределительных мер.

Мультидисциплинарный подход является многоаспектным. Он включает в себя экономические, культурные и социальные компоненты. В рамках означенного подхода дробление социума рассматривается как многослойный процесс. Такой комплексный анализ позволяет глубже понять механизмы

формирования социального неравенства и прогнозировать его последствия для общества.

Для изучения социальной дифференциации в российском обществе необходимо выделить ряд ключевых переменных, определяющих структуру неравенства. В качестве независимого фактора выступает уровень образования. Он в значительной степени предопределяет социальные и экономические перспективы индивида, региональные факторы, влияющие на доступность инфраструктуры и неотъемлемых от нее социальных благ, культурный капитал. Он включает в себя ценностные ориентиры, интеллектуальную деятельность, а также социальные связи. Они, в свою очередь, способствуют развитию социального лифта как совокупности возможностей обрести высокий статус в обществе.

Зависимыми переменными, характеризующими уровень социальной дифференциации, являются показатели социального статуса и степень выраженности неравенства между различными группами населения, обладающих разными уровнями финансовой культуры. Социальный статус определяется сочетанием профессиональной деятельности, уровня дохода и доступа к информационным ресурсам, а степень расслоения общества фиксируется через анализ динамики социальной мобильности и масштабов различий между группами. Использование данной модели позволяет структурно осмыслить механизмы формирования социальной дифференциации и выявить наиболее значимые факторы, влияющие на уровень неравенства в российском обществе.

Доступ к качественному образованию открывает перед индивидом широкие горизонты – от более высоких доходов до вхождения в престижные социальные круги. В условиях современной экономики, основанной на знаниях, разница в образовательном капитале закрепляет неравенство, поскольку высококвалифицированные специалисты оказываются востребованными, а люди с низким уровнем образования сталкиваются с ограниченными возможностями на рынке труда. Этот эффект усиливается за счет социальной наследственности: дети из обеспеченных семей имеют доступ к лучшим образовательным учреждениям и культурным ресурсам, в то время как представители менее привилегированных слоев вынуждены довольствоваться менее качественными образовательными услугами. Существующие ограничения затрудняют их выход за пределы своего скромного социального статуса.

Российская экономика отличается значительной территориальной неоднородностью: в одних

регионах концентрируются высокооплачиваемые рабочие места, крупные предприятия и современные инфраструктурные объекты, тогда как другие остаются в состоянии стагнации. Они характеризуются низким уровнем доходов населения и недостаточным развитием социальной сферы. Такое положение закрепляет разрыв в качестве жизни, доступе к образованию, здравоохранению и возможностям профессионального роста, что, в свою очередь, влияет на уровень социальной мобильности. Более того, географический фактор накладывает ограничения на перемещение людей: не все обладают ресурсами для переезда в экономически благополучные регионы, что создает эффект «локализованного неравенства», при котором место проживания становится критерием социальной дифференциации.

В отличие от чисто экономических показателей, таких как доход или владение материальными активами, культурный капитал включает в себя уровень образованности, манеру поведения, владение языковыми и коммуникативными навыками, степень вовлеченности в интеллектуальную и общественную жизнь. Эти характеристики формируют границы между социальными группами, определяя их стиль жизни и степень включенности в элитные или, напротив, маргинализированные сообщества. Социальные связи, в свою очередь, открывают доступ к ресурсам, рабочим местам, выгодным контрактам и карьерным возможностям. Люди, обладающие разветвленными сетями контактов, получают конкурентные преимущества, тогда как граждане, которые не имеют достаточного количества полезных знакомств, оказываются в менее благоприятном положении. В результате формируются замкнутые элитные группы, в которых привилегии передаются по наследству, что ограничивает возможности для социальной мобильности.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном проекте, направленном на всестороннее изучение социальной дифференциации в современном российском обществе, применен комплексный методологический подход. Он объединяет три взаимосвязанных эмпирических исследования. В основу работы положена идея, согласно которой качественные и количественные характеристики определяют уровень образования, региональные экономические показатели – культурный капитал, а социальные связи – структуру социальной стратификации. Анализ осуществляется с опорой на синтез теоретических концепций и эмпирических данных. Этот синтез способствует формированию целостного представления

о динамике социального неравенства и механизмах социальной мобильности.

Для оценки силы взаимосвязей между факторами использовались коэффициенты корреляции Пирсона:

- 1) между уровнем образования и индексом социальной мобильности $r = 0,72$ ($p < 0,001$);
- 2) между культурным капиталом и социальным статусом $r = 0,65$ ($p < 0,01$);
- 3) между валовым региональным продуктом на душу населения и степенью удовлетворенности жизнью $r = 0,58$ ($p < 0,05$).

Все связи статистически значимы, что подтверждает устойчивость выявленных корреляций. Тщательно структурированный процесс сбора информации посредством опросников и специализированных методик обеспечил достоверность результатов. Выводы исследования аргументированно соотносят теоретические положения с эмпирической реальностью. Так, например, подчеркивается, что высокий уровень образования, экономическая стабильность регионов и развитые культурные и социальные ресурсы способствуют улучшению социального положения граждан.

Комплексным объектом исследования является широкий срез населения современной России, включающий представителей различных возрастных, территориальных и социально-экономических групп. Выборка включала $N = 1200$ респондентов в возрасте 18–65 лет, проживающих в четырех федеральных округах (Центральном, Уральском, Сибирском, Дальневосточном).

1. Метод отбора: стратифицированная случайная выборка по региону и типу населенного пункта (город / село).
2. Тип опроса: комбинированный (онлайн-анкета – 70 %, личное интервью – 30 %).
3. Сроки проведения: январь – февраль 2024 года.
4. Критерии включения: гражданство РФ, возраст 18–65 лет, письменное информированное согласие.

Для достижения репрезентативности выборки респонденты были отобраны с учетом их проживания в городских и сельских условиях, возрастной структуры и образовательного уровня. Означенные параметры опроса позволили отразить многообразие социального опыта и обеспечить объективность выводов, поскольку каждая значимая социальная группа нашла свое представительство в анализе.

Сравнительный анализ социальной дифференциации в современном российском обществе базируется на ряде ключевых показателей, включающих уровень образования, доход,

профессиональный статус, степень удовлетворенности жизнью, индекс социальной мобильности, региональные экономические характеристики, а также степень развития культурного капитала и социальных связей. Собранные данные были переведены в единый 10-балльный формат посредством процедуры нормализации. В рамках данной процедуры исходные значения преобразовывались по формуле, приводящей их к общему оценочному диапазону. Такой метод позволил сравнивать различные аспекты социальной дифференциации в едином измерительном континууме, что подкрепило аналитическую часть исследования и полученные результаты.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Первым этапом исследования было изучение влияния уровня образования на различные аспекты социального положения граждан. Результаты представлены ниже в таблице 1. Каждый столбец отражает показатели для определенной группы, сформированной по образовательным признакам, при этом данные нормированы по единой 10-балльной шкале. Используемая методика нормализации позволила сопоставлять результаты по таким критериям, как средний доход, профессиональный статус, удовлетворенность жизнью и индекс социальной мобильности, что демонстрирует взаимосвязь между качеством образования и социальными перспективами.

Исследование социальной дифференциации показывает, что образование остается не только инструментом личностного роста, но и одним из главных факторов, формирующих социальную стратификацию. Оно влияет не только на уровень доходов и профессиональный статус индивида, но и на возможности его самореализации, уровень его культурного капитала, устойчивость к экономическим и социальным кризисам. В российском обществе образовательные различия предопределяют доступ к ресурсам и степени включенности

в различные сферы общественной жизни, что делает этот фактор одним из ключевых в анализе социальных процессов.

Социальная позиция людей с разным уровнем образования различается не только по объективным показателям благосостояния, но и по субъективным оценкам жизненной удовлетворенности. Низкий уровень образования ограничивает возможности выбора — от трудоустройства до повседневных практик. Те, кто не имеют диплома о высшем образовании, сталкиваются с высокими рисками нестабильной занятости, более низкими зарплатами и меньшей защищенностью перед экономическими кризисами. Кроме того, ограниченный доступ к культурным и интеллектуальным ресурсам снижает социальную активность, ограничивая не только экономическую, но и гражданскую самореализацию.

Напротив, высокообразованные группы демонстрируют большие возможности адаптации и социальной мобильности. Высшее образование обеспечивает не только профессиональные навыки, но и определенный уровень социальных связей, знание институциональных механизмов. Всё это позволяет эффективнее выстраивать карьеру. Люди с академическими степенями или дополнительными профессиональными квалификациями чаще, нежели граждане без степеней и без высшего образования, занимают руководящие и экспертные позиции, участвуют в разработке стратегических решений, имеют широкий доступ к социальным и культурным привилегиям.

В то же время образование само по себе не является единственным условием успеха. Его влияние усиливается при наличии других факторов: семейного и культурного капитала, социальной среды, уровня урбанизации. В современных условиях диплом перестает быть гарантией благополучия, уступая место непрерывному обучению и гибкости в освоении новых навыков. Роль образования в социальной дифференциации остается значительной, но его содержание претерпевает изменения. Эти социальные метаморфозы, в свою очередь, требуют

Таблица 1

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Уровень образования	Средний доход	Профессиональный статус	Удовлетворенность жизнью	Индекс социальной мобильности
Среднее образование	4,1	2,7	5,4	3,3
Высшее образование	6,4	6,8	7,2	6,7
Послевузовское образование	8,2	9,3	8,1	7,9

переосмысления традиционных подходов к профессиональному и личностному развитию.

Исследование взаимосвязи между уровнем экономического развития регионов и социальной стратификацией позволяет глубже понять причины растущего неравенства между различными социальными группами и выявить важнейшие факторы, формирующие социальную карту России. Разница в экономическом положении регионов напрямую сказывается на социальной структуре, где более благополучные территории становятся центрами концентрации ресурсов, а менее развитые районы сталкиваются с проблемами, связанными с экономической депрессией и усилением социальной дистанции между различными группами населения (табл. 2). Поэтому понимание региональных различий и их влияния на социальное неравенство играет ключевую роль для выработки эффективных стратегий развития и минимизации диспропорций.

В экономически развитых областях ситуация выглядит значительно более благополучно. Стабильные рабочие места, высокий уровень занятости и доступ к качественным социальным услугам обеспечивают высокий уровень жизни. Люди в социально рентабельных регионах чаще, нежели в других географических ареалах, пользуются возможностями для карьерного роста, имеют доступ к образованию и здравоохранению на высоком уровне. Эти опции в совокупности обуславливают жизненную стабильность и способствуют формированию гармоничной социальной структуры.

Примером экономического процветания является Центральный федеральный округ. Его экономический и социальный рост значительно снижают неравенство среди населения и формируют сбалансированное общество.

Развитие различных регионов страны характеризуется заметными контрастами, что особенно наглядно проявляется в социальном расслоении. Дальний Восток, испытывающий значительные экономические трудности, демонстрирует тревожную динамику усиления неравенства среди населения. Недостаточный уровень промышленного

производства, нестабильные доходы и неуверенность в завтрашнем дне вынуждают значительную часть молодежи покидать родные места в поисках лучших возможностей в экономически более развитых регионах. Такое явление не только подрывает демографическую устойчивость, но и усиливает эффект «утечки мозгов», препятствуя региональному развитию. Особенно остро эта проблема ощущается в отдаленных поселениях, где сочетание экономического застоя и социальной изоляции формирует замкнутый круг бедности, практически не оставляя шансов на позитивные изменения.

В то же время территории Урала и Сибири представляют собой своеобразную переходную зону. На данной географической территории наблюдается смешанная картина. Уральский регион, несмотря на свою промышленную значимость, сталкивается с последствиями перехода к постиндустриальной экономике. Новые экономические условия жизни региона приводят к новым формам социального неравенства. Обладая значительным ресурсным потенциалом, Сибирь по-прежнему страдает от недостаточного уровня доходов и ограниченного доступа к качественным социальным услугам, особенно в небольших населенных пунктах. В таких условиях решение проблемы социального неравенства требует комплексных мер: необходимо не только совершенствовать инфраструктуру и вкладывать инвестиции в новые рабочие места, но также развивать образовательные инициативы, способствующие профессиональной и социальной адаптации местных жителей.

К сожалению, одной только экономической поддержки недостаточно для преодоления регионального дисбаланса. Каждая территория обладает уникальными особенностями, в том числе этнокультурными. Их необходимо учитывать при разработке стратегий социального развития. Для Дальнего Востока приоритетными мерами должны стать масштабная модернизация транспортной и социальной инфраструктуры, активное привлечение инвесторов, а также создание условий, при которых работа в регионе становилась

Таблица 2

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНУЮ СТРАТИФИКАЦИЮ

Федеральный округ	ВРП на душу населения	Уровень занятости	Средний доход	Индекс неравенства
Центральный федеральный округ	9,1	8,7	8,8	8,5
Уральский федеральный округ	8,2	7,4	8,2	7,4
Сибирский федеральный округ	7,3	6,9	7,3	6,8
Дальневосточный федеральный округ	4,5	4,3	4,7	3,9

бы привлекательной альтернативой миграции. Индивидуальный подход к каждой территории позволит не просто сократить уровень социального неравенства, но и заложить основы устойчивого развития регионов. Оно, в свою очередь, способствует гармонизировать экономическое и социальное пространство страны.

Понимание механизмов, влияющих на социальный статус человека, требует обращения к таким жизненно важным общественным категориям, как культурный капитал и социальные связи. В отличие от традиционных экономических показателей, например, уровня дохода или уровня образования, именно культурные и социальные ресурсы способны в значительной степени определять возможности индивида в обществе. Участие в культурной жизни страны, установление и поддержание продуктивных контактов открывают новые перспективы не только в карьере, но и в общем социальном позиционировании различных социальных групп. Активное вовлечение в общественные процессы, а также способность находить и использовать полезные связи становятся решающими для профессионального и личностного роста.

Люди, обладающие развитым культурным капиталом, не просто владеют знаниями в области искусства, науки или литературы, но и умеют эффективно применять их в социальном взаимодействии. Способность адаптироваться к разным ситуациям, выстраивать стратегически важные связи и вовремя использовать возможности позволяет таким людям быстрее достичь успеха, укрепляя свои позиции в обществе. При этом широкий круг знакомств перестает быть лишь средством для общения, превращаясь в ценный ресурс, способствующий развитию профессиональной карьеры и личностного потенциала. Те, кто поддерживает умеренный уровень культурной активности, обладают сравнительно стабильным социальным статусом, но их возможности для быстрого продвижения оказываются более ограниченными. Недостаточно широкие социальные связи и

умеренное участие в культурных процессах не позволяют им в полной мере использовать потенциал социальных лифтов, что делает их профессиональную траекторию менее гибкой. Тем не менее такие люди чаще всего занимают уверенные позиции в обществе, пусть и не имея столь значительных перспектив для дальнейшего роста.

Наиболее уязвимой категорией остаются люди, не вовлеченные в культурную жизнь и лишенные развитых социальных связей. Они оказываются в изоляции от значимых профессиональных и общественных возможностей, что серьезно ограничивает их шансы на успешную карьеру и социальную адаптацию к новым перспективным профессиям. Отсутствие контактов и слабая вовлеченность в интеллектуальные и культурные процессы формируют замкнутый круг, где социальное положение человека остается неизменным на протяжении длительного времени. В результате такие индивиды сталкиваются с проблемами не только на уровне личных достижений, но и в более широком общественном контексте, где их роль и влияние оказываются минимальными.

Развитие культурного капитала и расширение круга социальных связей оказываются ключевыми факторами успешной интеграции в общество. Даже минимальная активность в этой сфере способна существенно изменить социальные перспективы человека, обеспечив ему новые возможности для роста и саморазвития. Эти элементы играют роль катализаторов социальной мобильности, позволяя людям не только укреплять свои позиции, но и активно влиять на окружающее общество, формируя более устойчивую и динамичную социальную среду.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе подтверждена выдвинутая гипотеза: 1) образование остается главным критерием социальной дифференциации: корреляция с мобильностью $r = 0,72$; 2) региональные экономические различия (ВРП на душу, уровень занятости)

Таблица 3

РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА И СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ
В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

Группа респондентов	Уровень культурного капитала	Интенсивность социальных связей	Индекс социального статуса
Активно участвующие в культурной жизни	8,6	9,1	9,2
Респонденты с умеренным уровнем участия	6,5	6,3	6,9
Респонденты с низкой активностью в культурной сфере	3,9	4,6	4,1

существенно влияют на уровень доходов и удовлетворенность жизнью ($r = 0,58$); 3) культурный капитал и социальные связи оказывают значимое нематериальное воздействие на социальный статус ($r = 0,65$).

Одним из ключевых направлений, способных изменить ситуацию с социальной дифференциацией, является устранение образовательного неравенства между регионами. В первую очередь это касается создания условий для равного доступа к современным образовательным ресурсам в сельских и удаленных территориях. Речь идет не только о физической доступности школ, колледжей и вузов, но и о качестве преподавания, наличии квалифицированных педагогов, техническом обеспечении учебного процесса. Так, дети из регионов с низким уровнем экономического развития зачастую лишены возможности получить полноценное образование, что с самого начала ограничивает их шансы на успешную профессиональную реализацию. Программа поддержки сельских школ, внедрение дистанционных образовательных платформ с обеспечением интернет-доступа, мотивационные меры для учителей, работающих в трудных условиях, – всё это может существенно повлиять на выравнивание стартовых возможностей и, следовательно, сократить уровень социальной стратификации в долгосрочной перспективе.

Существующее социально-экономическое неравенство между регионами России требует выработки выверенной и адресной политики регионального развития. Универсальные подходы, часто игнорирующие специфику местных условий, оказываются малоэффективными. Необходимо перейти к модели, при которой каждая территория получает поддержку с учетом ее экономического потенциала, кадровых ресурсов и географических особенностей. Это предполагает как

перераспределение бюджетных средств в пользу отстающих субъектов Федерации, так и реализацию стимулирующих мер для бизнеса: налоговые льготы, государственные субсидии, развитие инфраструктурных проектов, способствующих созданию новых рабочих мест. Особое внимание должно уделяться малым и средним городам, которые традиционно оказываются вне фокуса крупных инвестиций. Устойчивое экономическое развитие регионов снижает миграционные потоки, укрепляет локальные рынки труда и следовательно, сокращает межрегиональное социальное неравенство.

Культурный капитал и социальные связи – менее очевидные, но не менее важные факторы социальной мобильности. Развитие культурной среды, особенно в небольших населенных пунктах, должно рассматриваться как инвестиция в социальную устойчивость и внутренние ресурсы общества. Поддержка местных культурных центров, библиотек, музеев, проведение образовательных и творческих программ позволяет не только формировать общее культурное пространство, но и активизировать горизонтальные связи между гражданами. Такие инициативы стимулируют вовлеченность населения в общественную жизнь, расширяют кругозор населения страны, создают условия для обмена опытом и ресурсами. Кроме того, важна цифровая инфраструктура – онлайн-платформы и сообщества, способствующие коммуникации и кооперации людей с общими интересами, независимо от места их проживания. Создание подобных «социальных мостов» укрепляет чувство принадлежности к слоям населения, обладающих достаточным уровнем финансовой культуры и цифровой грамотности, способствует снижению социальной изоляции и увеличивает количество точек входа в активную общественную и профессиональную жизнь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беликова Н. Ю. Ценности современного общества с позиций стратификационного подхода: компаративный анализ // Государственное и муниципальное управление / Ученые записки. 2023. № 4. С. 198–204.
2. Деханова Н. Г., Сушко В. А., Холоденко Ю. А. Детерминанты социального неравенства российских регионов в условиях глобальной цифровой трансформации // Теория и практика общественного развития. 2023. № 4 (182). С. 25–31.
3. Ильинская Е. А., Бирженюк Г. М., Ременюк Н. Р. Бинарная оппозиция «свой – чужой» в культурологическом дискурсе // Общество: философия, история, культура. 2023. № 4 (108). С. 169–174.
4. Каймаразова А. К. Особенности социальной мобильности молодежи в современном российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. С. 70–74.
5. Труханов В. А. Влияние социально-экономической дифференциации молодежи на ее политическую идентичность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. № 3. С. 331–335.

REFERENCES

1. Belikova, N. Yu. (2023). Values of modern society from the position of stratification approach: comparative analysis. State and Municipal Management. Scholar Notes, 4, 198–204. (In Russ.)
2. Dekhanova, N. G., Sushko, V. A., Kholodnenko, Yu. A. (2023). Determinants of social inequality in Russian regions in the context of global digital transformation. Theory and practice of social development, 4(182), 25–31. (In Russ.)
3. Ilyinskaya, E. A., Birzhenyuk, G. M., Remenyuk, N. R. (2023). Binarnaya oppozitsiya «svoj – chuzhoj» v kul'turologicheskom diskurse = Binary opposition “friend or foe” in cultural discourse. Society: philosophy, history, culture. 2023, 4(108), 169–174 (In Russ.)
4. Kaimarazova, A. K. (2024). Osobennosti social'noj mobil'nosti molodezhi v sovremennom rossijskom obshchestve = Features of social mobility of youth in modern Russian society. Social'no-gumanitarnye znaniya, 1, 70–74. (In Russ.)
5. Trukhanov, V. A. (2024). Influence of socio-economic differentiation of youth on its political identity. Saratov State University. Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 24(3), 331–335. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попов Сергей Владимирович

соискатель кафедры социологии

Московского государственного лингвистического университета

старший преподаватель

Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

ORCID: 0009-0001-5618-1248 ; SPIN: 2929-6816

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popov Sergej Vladimirovich

PhD Student

Department of Sociology

Moscow State Linguistic University

Senior Lecturer at Moscow University of Finance and Industry "Synergy"

ORCID: 0009-0001-5618-1248 ; SPIN: 2929-6816

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

24.03.2025
20.04.2025
04.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

От традиционных методов к цифровым решениям: разработка концептуальной модели цифровизации управления социальной сферой Росгвардии

А. П. Смирнов

*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
Москва, Россия, 89037347589@mail.ru*

Аннотация.

Цель настоящего исследования состоит в разработке концептуальной модели управления социальной сферой Росгвардии. Предлагаемая модель ориентирована на систематизацию процессов внедрения передовых технологий, преодоление ограничений, характерных для традиционных методов работы, а также на адаптацию системы управления к современным требованиям общества. Внедрение современных технологий в системы управления социальной сферой является необходимым условием для снижения существующих дисбалансов и обеспечения легитимности проводимых преобразований. Такие изменения направлены на повышение эффективности, прозрачности и адаптивности управленческих процессов, что особенно актуально в условиях цифровой трансформации государственных и ведомственных структур. В статье подчеркивается важность гармоничного сочетания технологического прогресса, человекоцентричного подхода и особенностей функционирования военной организации. При этом особое внимание уделяется учету рисков, связанных с киберугрозами, этическим вопросам и культурным аспектам, влияющим на процессы цифровой трансформации в социальной сфере ведомства. В статье объединены теоретические подходы к целям и задачам Росгвардии с системным анализом, что позволило рассмотреть ведомство как многоуровневую структуру, характеризующуюся сложными внутренними и внешними связями. Применение комплексной методологии обеспечило всестороннее понимание функционирования организации в ее многогранном контексте. Компаративный анализ был использован для сопоставления опыта гражданских систем (на примере Москвы) и военных организаций, что позволило выявить пробелы в цифровизации Росгвардии. Метод моделирования позволил систематизировать ключевые элементы цифровой трансформации и предложить модель цифровизации управления социальной сферой Росгвардии. Данная сфера объединяет государственные, ведомственные и коммуникационные технологии с целью повышения эффективности управления. Исследование выявило фрагментарный и выборочный характер цифровизации в Росгвардии, что обусловлено ограничениями в ресурсах, нормативно-правовой базе и спецификой организационных процессов. В структуре ведомства новые цифровые решения преимущественно применяются в области коммуникаций, тогда как аналитические и операционные функции по-прежнему выполняются вручную. В рамках исследования была разработана и внедрена концептуальная модель управления процессами цифровой трансформации, направленная на систематизацию и оптимизацию этапов имплементации инновационных технологий в социальную сферу Росгвардии. В статье акцентируется то, что цифровые технологии в условиях нарастающей сложности и связанности современного мира становятся ключевым инструментом управления. Он дополняет традиционные методы принятия решений. Сложившейся механизм разработки решений требует переосмысления социальных и управленческих процессов. Автор предлагает концептуальный подход к управлению социальной сферой, в котором технологическая эффективность органично сочетается с принципами социальной инклюзивности. Все перечисленные аспекты приобретают особую значимость для повышения уровня доверия сотрудников и военнослужащих Росгвардии к системе управления социальной сферой и обеспечения безопасности в условиях цифровой трансформации государственных институтов.

Ключевые слова: управление, социальная сфера, Росгвардия, цифровые технологии, цифровизация, информационное общество

Для цитирования: Смирнов А. П. От традиционных методов к цифровым решениям: разработка концептуальной модели цифровизации управления социальной сферой Росгвардии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 143–152.

Original article

From Traditional Methods to Digital Solutions: Development of a Conceptual Model of Digitalization of Management of the Social Sphere of the Russian National Guard

Andrey P. Smirnov

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Moscow, Russia, 89037347589@mail.ru*

Abstract.

The purpose of this study is to develop a conceptual model for managing the social sphere of the Russian National Guard. The proposed model is aimed at systematizing the processes of implementing advanced technologies, overcoming the limitations of traditional methods of work, and adapting the management system to the modern requirements of society. The introduction of modern technologies in social management systems is a prerequisite for reducing existing imbalances and ensuring the legitimacy of the reforms. Such changes are aimed at increasing the efficiency, transparency and adaptability of management processes, which is especially important in the context of digital transformation of government and departmental structures. The article emphasizes the importance of a harmonious combination of technological progress, a human-centered approach and the specifics of the functioning of a military organization. At the same time, special attention is paid to taking into account the risks associated with cyber threats, ethical issues and cultural aspects affecting the processes of digital transformation in the social sphere of the department. The article combines theoretical approaches to the goals and objectives of the Russian National Guard with systems analysis, which made it possible to consider the department as a multi-level structure characterized by complex internal and external connections. The use of an integrated methodology provided a comprehensive understanding of the organization's functioning in its multifaceted context. Comparative analysis was used to compare the experience of civilian systems (using Moscow as an example) and military organizations, which made it possible to identify gaps in the digitalization of the Russian National Guard. The modeling method made it possible to systematize the key elements of digital transformation and propose a model for the digitalization of the management of the social sphere of the Russian National Guard. This sphere combines state, departmental and communication technologies in order to improve management efficiency. The study revealed the fragmentary and selective nature of digitalization in the Russian National Guard, which is due to resource constraints, the regulatory framework and the specifics of organizational processes. In the structure of the department, new digital solutions are mainly used in the field of communications, while analytical and operational functions are still performed manually. As part of the study, a conceptual model for managing digital transformation processes was developed and implemented, aimed at systematizing and optimizing the stages of implementing innovative technologies in the social sphere of the Russian National Guard. The article emphasizes that digital technologies are becoming a key management tool in the context of the increasing complexity and connectivity of the modern world. It complements traditional decision-making methods. The existing decision-making mechanism requires rethinking social and management processes. The author proposes a conceptual approach to managing the social sphere, in which technological efficiency is organically combined with the principles of social inclusiveness. All of the above aspects are of particular importance for increasing the level of trust of employees and servicemen of the Russian National Guard in the social management system and ensuring security in the context of the digital transformation of state institutions.

Keywords: management, social sphere, Russian National Guard, digital technologies, digitalization, information society

For citation: Smirnov, A. P. (2025). From traditional methods to digital solutions: development of a conceptual model of digitalization of management of the social sphere of the Russian National Guard. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(859), 143–152. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Социальная сфера занимает далеко не последнее место в системе государственных институтов России. Она является ключевым элементом устойчивого развития общества. Начиная с 2025 года, в рамках социальной политики государства реализуется комплекс масштабных мер, направленных на качественное преобразование данной области. Подтверждением этому служит запуск четырех стратегических национальных проектов: «Семья», «Молодежь и дети», «Продолжительная и активная жизнь» и «Кадры». Эти проекты охватывают ключевые аспекты социально-экономического развития¹. Данные инициативы, отражают стремление государства к системному решению социальных задач, сочетающему инновационные подходы с сохранением традиционных ценностей. Реализация этих инициатив способствует не только повышению качества жизни граждан, но и укреплению социальной сплоченности как основы национальной безопасности.

Современное состояние управления социальной сферой Росгвардии можно определить как консервативную систему управления с преимущественным использованием традиционных технологий. В современных условиях проблема повышения человекоцентричности социальных систем становится все более актуальной². Особое значение вопрос взаимоотношений человека и общества приобретает в условиях стремительной трансформации системы социальных приоритетов. Она, в свою очередь, происходит в результате проведения специальной военной операции. Глобальные

процессы влекут за собой сдвиги в сфере социума. В меняющемся мире традиционные механизмы управления социальной сферой демонстрируют растущую ресурсную неэффективность [Рушева, 2010]. Настоящее время сопровождают процессы, характерные для «переходных обществ». В контексте хаотичного перехода от социоцентрической модели общества к антропоцентрической возникает необходимость в разработке адаптивных стратегий управления. Они потенциально способствуют минимизации диспропорции, которую испытывает на себе общество в переходный период. Ключевым аспектом решения этой проблемы является переосмысление роли цифровых технологий. Они выступают не только как инструмент оптимизации, но и как структурный элемент формирующегося информационного общества. Цифровизация интегрирует инновационные подходы в социальное управление и тем самым открывает возможности смягчения противоречий между устаревшими институтами и динамично меняющимися запросами общества.

В современных условиях военные организации, в том числе Росгвардия, претерпевают значительные изменения в ответ на переход общества к цифровой эпохе. Этот процесс связан не только с перестройкой социальных отношений, институтов и практик, но и с внедрением цифровых технологий [Кастельс, 2000]. Цифровизация социальной сферы Росгвардии отражает общую тенденцию развития современного общества, характеризующуюся переходом от информационного этапа, сосредоточенного на накоплении и обработке данных, к цифровой эпохе, где ключевую роль играет интерактивность и активное взаимодействие пользователей. В нынешнем обществе термин «цифровизация» воспринимается не столько как техническая характеристика процессов или систем, сколько как отражение того, что социальные взаимодействия человека всё больше формируются и определяются возможностями, предоставляемыми передовыми цифровыми технологиями [Добринская, Мартыненко, 2019].

Цифровое общество представляет собой стадию постиндустриального развития, на которой ключевым механизмом прогресса выступают цифровые институты, формируемые взаимодействием таких компонентов, как «человек – знания – коммуникативные сети – компьютерная техника»

¹Движение вперед: какие национальные проекты запускаются в 2025 году URL: <https://национальныепроекты.рф/news/dvizhenie-vpered-kakie-natsionalnye-proekty-zapuskayutsya-v-2025-godu> (дата обращения: 02.04.2025).

²Дискин И. Е. Риски ложной антиномии: асоциальная человекоцентричность vs бесчеловечная социальность. Человекоцентричность для человечности: цель или средство, возможность или угроза? Иосиф Дискин принял участие в XV Международной Грушинской социологической конференции и выступил с докладом в рамках мероприятий конференции. ВШЭ (сайт). URL: <https://grans.hse.ru/news/1030687137.html> (дата обращения 27.03.2025); Смирнова Ю. Л. Человекоцентричный подход – новая концепция госуправления // It-world. интернет-портал «Рамблер». 2022. URL: <https://news.rambler.ru/internet/49623833-chelovekotsentrichnyy-podhod-novaya-kontseptsiya-gosupravleniya/> (дата обращения: 27.03.2025).

[Чернавин, 2021, с. 7]. Этот механизм обеспечивает эффективное развитие социальных, экономических и управленческих процессов в условиях цифровой трансформации. Возможность рассматривать организации, включая военные структуры, как элемент глобальной цифровой трансформации обусловлена тем, что современные технологии не только способствуют оптимизации управленческих и операционных процессов, но и формируют новые формы социальной коммуникации.

В военных структурах, которые базируются на строгой вертикали власти, антропный принцип проявляется структурно: элементы сетевого взаимодействия дополняют иерархические системы управления. В результате различные цифровые сервисы оптимизируют распределение ресурсов. Важным подспорьем для проведения этой многоаспектной работы является искусственный интеллект (ИИ). В соответствии с ним производится анализ данных о деятельности военных структур, которые, в свою очередь, распределяются по различным направлениям. Для военной организации важно, чтобы система алгоритмов ее работы осуществлялась под контролем государства. Особое значение в рамках деятельности военных структур имеют алгоритмы, которые напрямую взаимодействуют с аналитическими данными. В результате такого взаимодействия происходит усиление военных структур. Однако решения, выносимые в рамках их деятельности, должны быть прозрачными и беспристрастными [Фурс, 2022]. Эта априорная посылка предполагает создание систем сертификации. Они, в свою очередь, обеспечивают условия, которые гарантируют выдержанность алгоритмов. Они не должны содержать скрытых смещений. Свобода от этих смещений обеспечивает противостояние военных структур целенаправленным атакам. Имплементация цифровых технологий в существующие организационные структуры способствует тому, что цифровизация не устраняет традиционную иерархию, а преобразует ее, внедряя новые инструменты для оптимизации коммуникационных процессов и повышения эффективности анализа данных. Данная интеграция современных технологий в существующие системы управления позволит сохранить централизованное управление, повысив его скорость и точность.

Чтобы осуществлять внедрение цифровых технологий в военные организации, нужно учитывать не только их пользу (например, быстрый доступ к информации), но и угрозы (взломы, нарушение приватности). Цифровизация военного управления, открывающая перспективы роста эффективности и информационного превосходства, неизбежно влечет за собой кибернетические риски и этические

противоречия. Эффективное и ответственное осуществление данной трансформации диктует необходимость ее глубокого теоретического обоснования, базирующегося на принципах информационного общества. Указанные предпосылки определяют актуальность создания модели цифровизации управления социальной сферой в Росгвардии. Ее задача – системная оптимизация управления посредством адаптации научных наработок к военному контексту и внедрения прогрессивных цифровых платформ, при строгом сохранении паритета между технологическим обновлением и человеко-центрированной ориентацией. В этой связи первостепенное значение приобретает комплексная цифровая трансформация деятельности ведомства, фокусирующаяся на взаимодействии с личным составом ведомства. Данная трансформация не только модернизирует управленческие практики, но и позволяет гибко адаптировать научные категории к военной специфике, решая при этом стратегическую задачу поддержания указанного баланса.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА И СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ

Теоретической основой нашего исследования является концепция цифрового общества, которая базируется на теориях постиндустриализма [Белл, 2004; Тоффлер, 1999] и информационного общества [Masuda, 1983; Мартин, 1989]. Эти теории освещают переход от материального производства к доминированию информации и знаний. Цифровизация меняет социальные структуры, коммуникацию и ценности. Эти изменения, происходящие в нынешнем мире, требуют новых социологических подходов, так как классические теории не полностью объясняют современные явления. В рамках этих концепций, относящихся к деятельности нового общества, цифровые технологии рассматриваются как драйверы трансформации. Однако при этом не учитывается специфика различных закрытых объединений, например военных организаций.

Цифровая трансформация военных сообществ неразрывно связана с национальными особенностями, присущими конкретной стране. Так, например, в Китае система социального рейтинга внедряется в общественные и административные структуры практически без сопротивления, поскольку она гармонично сочетается с традициями коллективной ответственности, укорененными в национальной культуре [Щербина, 2019]. Исследования цифровизации в Китае фокусируются на коллективной ответственности. Этот китайский принцип не применим к российской модели, где доминирует индивидуализированный коллективизм [Войтенко,

Соколов, Лубский, 2019]. Решения, чуждые российской модели общественного устройства, сталкиваются с неизбежным недоверием. Оно исходит от населения. Поэтому так необходима разработка этических стандартов, в которых гармонично сочетаются технологическая эффективность и прозрачность. Их относительный баланс наблюдается и в европейской модели «Общество 5.0». Однако следует учитывать, что концепции информационного общества объединяют социальные, экономические и культурные ценности. Поскольку данные теории имплицитно содержат этнокультурную специфику, создание социологических моделей, объясняющих текущие изменения социальной структуры, требует учета российской действительности и особенностей эволюции информационного общества в Российской Федерации.

Анализ научных источников показал, что существующие модели цифровизации военных организаций преимущественно сосредоточены на технических аспектах данного процесса, при этом недостаточно учитывают социокультурные факторы, влияющие на его успешную реализацию. В частности, не исследованы роль традиций военной службы в сопротивлении инновациям и механизмы баланса между автоматизацией и сохранением человекоцентричности в условиях «закрытости структур». Научная новизна данной статьи заключается в разработке концептуальной модели цифровизации социальной сферы Росгвардии. Она интегрирует: технологическую эффективность (искусственный интеллект, Big Data); культурную специфику (индивидуализированный коллективизм); этические стандарты, минимизирующие риски цифрового контроля.

Внедрение цифровых технологий в систему управления социальной сферой Росгвардии требует взвешенного и осторожного подхода. Как и любая военная структура, Росгвардия характеризуется определенным уровнем закрытости, тогда как цифровизация традиционно ориентирована на широкие аудитории и открытость. В связи с этим необходимо тщательно учитывать не только преимущества цифровых решений, способствующих повышению эффективности и прозрачности, но и потенциальные угрозы, связанные с безопасностью и конфиденциальностью информации. Так, если говорить о персонализации управления, то использование такой технологии, как Big Data для анализа социальных потребностей военнослужащих (сотрудников) позволяют выявлять скрытые закономерности, прогнозировать потребности и оптимизировать управление социальной сферой. К ней относятся: формирование баз данных жилищных программ, медицинских записей,

служебных характеристик с возможностями группировки военнослужащих (сотрудников) по общим требованиям (семьи с детьми, одинокие сотрудники, ветераны боевых действий и т. п.). Но потенциал методов, основанных на сборе и обработке данных, способствует размыванию границ между эффективностью и приватностью, вызванными рисками утечки как персональных данных, так и конфиденциальной информации организации [Рудник, Зинина, Акидинова, 2024].

В последнее время в процессе цифровизации общества наблюдается тенденция к всё большему использованию облачных систем обработки информации, которые обеспечивают мониторинг и оперативность решений. По словам Д. Добринской, эти системы создают «эффект бабочки»: локальный сбой в одном модуле может дестабилизировать всю систему [Добринская, 2019]. Выявленный риск цифровизации противоречит оптимистичным прогнозам о безусловной пользе технологий. Он требует пересмотра подхода к безопасности данных в военных структурах. В рамках военно-социального управления такого рода нестабильность может привести к катастрофическим последствиям и окажет прямое воздействие на безопасность и обороноспособность государства.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

Методологической основой исследования выступил системный анализ, реализованный через декомпозицию социальной сферы Росгвардии на уровни управления (макро-, мезо-, микро-): субъекты (руководящий состав) и объекты (структурные подразделения), а также цифровые технологии (государственные ИАС, ведомственные платформы, коммуникационные сервисы). Изучались взаимосвязи между элементами, вертикальные и горизонтальные связи. Они системно описывались через призму формальных регламентов и неформальных практик с акцентом на обратные связи от личного состава. Системный анализ позволил выделить структурные элементы управления, компаративный метод – выявить лучшие практики и пробелы, а моделирование – синтезировать данные в целостную схему, адаптированную к специфике Росгвардии.

Компаративный анализ был применен для сопоставления цифровых решений в социальной сфере Москвы (ЕМИАС, портал mos.ru) и Росгвардии. Критерии сравнения включали уровень автоматизации, доступность сервисов и интеграцию данных. В результате были выявлены основные недостатки в системе управления социальной сферой Росгвардии, а именно – отсутствие персонифицированных

инструментов для учета потребностей военнослужащих (сотрудников) и преобладание ручных методов в аналитических процессах. Интеграция методов позволила разработать модель, сочетающую технологическую эффективность с учетом культурной специфики военной организации.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Изучение социальной сферы Росгвардии позволило установить, что ее система управления представляет собой сложное, многоуровневое иерархическое образование [Смирнов, 2024а; Смирнов, 2024б]. Оно включает в себя комплекс взаимосвязанных многокритериальных элементов. Результаты системного анализа показали, что управление социальной сферой Росгвардии характеризуется фрагментарным характером цифровизации: современные технологии задействуются преимущественно в коммуникационных процессах, тогда как аналитические, прогностические и операционные аспекты управления сохраняют традиционную «ручную» основу. Если в гражданской сфере Москвы доля автоматизации и применения цифровых технологий охватывает лишь верхние границы процентных значений, то в Росгвардии доминируют традиционные методы. Различие между гражданской и военными сферами можно объяснить. Во-первых, Росгвардия как всякая закрытая организация отличается некоторой культурной ригидностью, а во-вторых, она опасается утечки данных.

В результате компаративного анализа с применением метода моделирования разработана концептуальная модель цифровизации управления социальной сферой Росгвардии (рис. 1).

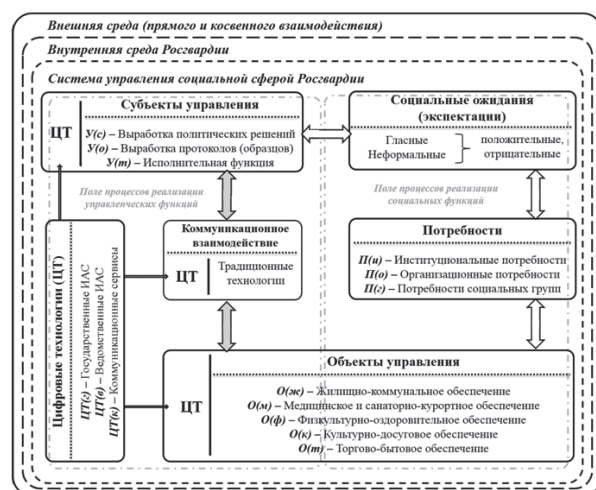

Рис. 1. Концептуальная модель цифровизации управления социальной сферой Росгвардии

Основные компоненты системы управления социальной сферой Росгвардии находятся под непосредственным влиянием внешней среды. Так, происходит постоянное взаимодействие (внешняя коммуникация) Росгвардии с социальной сферой общества. В означенном взаимодействии двух структур – военной и гражданской – прослеживаются как устойчивые (постоянные) связи, так и информативно-коммуникативные (непостоянные) связи.

При рассмотрении блока субъектов управления представленной моделью принимается во внимание, что организационная компоновка Росгвардии, взаимодействующей с федеральным и региональным уровнями Российской Федерации, включает в себя три основных иерархических уровня регулирования системы управления ее социальной сферой:

У(с) – на **макроуровне** системы управления осуществляются процессы стратегического характера, т. е. происходит выработка политики социальной сферы Росгвардии. Она осуществляется с ориентацией на социальную политику России и соответствует законам Российской Федерации, документам стратегического планирования и национальным проектам, касающимся вопросов социального развития государства.

У(о) – на **мезоуровне** реализуются процессы операционального управления. Они выражаются в координации социальной политики Росгвардии, которая представляет собой системное выстраивание взаимодействия и коммуникаций между различными подразделениями и уровнями управления социальной сферой на мезо- и микроуровнях. Эти связи налаживаются для последующего взаимодействия микроуровня с макроуровнем.

У(т) – на **микроуровне** происходят управленческие воздействия тактического порядка. Осуществляется применение процедур и методов к объектам, связанным с удовлетворением социовитальных потребностей личного состава Росгвардии. Параллельно реализуется межведомственное взаимодействие Росгвардии с различными институтами гражданского общества, органами местного самоуправления и другими гражданскими инстанциями, наделенными государственными полномочиями. Между ними и Росгвардией постоянно происходит обмен социальной информацией.

Ключевыми элементами изучаемой системы управления являются:

Субъекты управления – должностные лица управленческого звена и различные подразделения Росгвардии, участвующие в выработке и организации социальной политики Росгвардии.

Объекты управления – отделы, службы, отделения, группы и определенные должностные лица, функциональные обязанности которых касаются вопросов реализации социальной политики ведомства на различных уровнях системы управления социальной сферы Росгвардии.

Коммуникационное взаимодействие, заключающееся в виде совокупности формальных связей прямого управления (регламентирующих руководящих документов) и обратных связей (статистической отчетности). Эти связи распределяются по вертикальной и по горизонтальной иерархии структуры изучаемой системы управления.

В представленной модели наглядно отражено, что цифровые технологии выступают здесь в качестве основного инструмента осуществления управленческих функций для реализации социальных функций организации. Сами цифровые технологии разделены нами на три основных группы:

- **ЦТ(г)** – государственные информационно-аналитические системы (ИАС) представляют собой комплекс программных и технических средств, предназначенных для автоматизации процессов управления, а также для сбора, хранения, обработки и анализа информации в контексте деятельности государственных органов власти. Эти системы создаются для реализации полномочий государственных учреждений и обеспечения эффективного обмена информацией между ними.
- **ЦТ(в)** – ведомственные ИАС представлены в виде специализированных программных продуктов, обеспечивающих комплексную автоматизацию процессов в определенной сфере деятельности Росгвардии для решения специфических задач ведомства.
- **ЦТ(к)** – цифровые коммуникационные сервисы предназначены для оптимизации внутренних процессов системы управления социальной сферой Росгвардии и улучшения взаимодействия между различными структурными подразделениями организации.

Конкретизируя саму систему управления социальной сферой Росгвардии следует указать, что основной вектор ее деятельности направлен на удовлетворение потребностей (запросов):

П(и) – институциональные потребности представляют собой требования к Росгвардии, вытекающие из структуры и функционирования социальных институтов, в рамках которых она действует. Эти институты в значительной степени определяют характер стратегических целей Росгвардии.

П(о) – организационные потребности, обусловленные необходимостью эффективного и устойчивого функционирования системы управления

социальной сферой Росгвардии, которая должна обладать способностью адаптироваться к изменениям внешней среды.

П(г) – потребности социальных групп, представленных военнослужащими и сотрудниками Росгвардии, формируют специфические социальные запросы. Ключевыми среди них являются восстановление израсходованных в процессе службы физических, психических и духовных ресурсов, а также удовлетворенность профессиональной деятельностью. Последняя напрямую коррелирует с реализацией ожиданий как самого личного состава, так и их семей, что неразрывно связано с соблюдением принципов социальной справедливости.

Обратная связь в рамках рассматриваемой системы управления проходит через фильтр гласных и неформальных социальных ожиданий, относящихся к степени удовлетворения социальных потребностей, присущих сотрудникам Росгвардии (а также членам их семей). Эти потребности могут быть реализованы полностью, точно соответствуя ожиданиям (положительные экспектации), или же, наоборот, с некоторым недобором (отрицательные экспектации). Дефицит ресурсов часто приводит к активизации неформальных связей и механизмов. В ситуации, когда официальные каналы оказываются недостаточно эффективными для удовлетворения запросов граждан или сотрудников, индивиды начинают прибегать к собственным средствам воздействия и альтернативным методам, направленным на достижение поставленных целей и влияние на соответствующие органы или структуры. Осуществление сбора информации через цифровые каналы обратной связи (чат-боты, мобильные приложения и т.п.), которые автоматически анализируют запросы личного состава, позволят выявить дельты – расхождения между ожиданиями (экспектациями) и реальностью. Например, алгоритмы ИИ осуществляют классификацию обращений, разделяя их на *положительные* (отражающие удовлетворенность жилищными условиями) и *отрицательные* (свидетельствующие о недостатке психологической поддержки). При выявлении отрицательных экспектаций система генерирует рекомендации для руководства, предотвращая переход к неформальным практикам. В данном случае, цифровые решения минимизируют риски потери лояльности и укрепляют доверие к Росгвардии.

Данные системного и компаративного анализа свидетельствуют, что существующие практики применения цифровых технологий в социальную сферу показали свою эффективность в процессах управления как в общегражданском направлении, так и в деятельности отдельно взятых крупных коммерческих организациях. В системе

управления социальной сферой Москвы успешно реализованы такие цифровые решения, как: карта москвича, единой медицинской ИАС (ЕМИАС), единой автоматизированной информационной системы торгов (ЕАИСТ) и наличие «главного» информационно-аналитического портала столицы mos.ru, который объединяет в себя все доступные для горожан цифровые сервисы, в том числе и самый популярный из них – Портал государственных услуг Российской Федерации. Его значение заключается в обеспечении инфраструктуры социальных цифровых решений города и создании базового регистра электронного межведомственного взаимодействия. Он позволяет сотрудникам разных государственных организаций самостоятельно запрашивать справки и выписки из другого ведомства. Эти документы позволяют сотрудникам Портала предоставить его клиенту ту или иную услугу. Наполнение единой информационной базы осуществляется в процессе взаимодействия между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг и гражданами. При этом объем услуг в большинстве случаев не зависит от места жительства заявителя.

В отличие от гражданских структур, военные организации не имеют единого Портала государственных услуг. При этом в Министерстве обороны РФ функционирует его аналог ограниченного функционала – Единый расчетный центр военнослужащих на базе ФКУ «Военно-социальный центр». Данная платформа предназначена исключительно для решения социальных вопросов, страховых и финансовых выплат военнослужащим Минобороны. Для личного состава Росгвардии схожего специализированного сервиса не предусмотрено.

Цифровые платформы, функционирующие как социотехнические системы, требуют соблюдения равновесия между технической рациональностью (эффективностью) и социальной доступностью. Партисипативное и интеллектуальное управление взаимно усиливают друг друга: первое фокусируется на вовлечении людей, второе – на оптимизации процессов управления через технологии. Этические вызовы, такие как предвзятость алгоритмов, обуславливают необходимость создания прозрачных регуляторных норм и включения соответствующих должностных лиц в процесс принятия решений. Для Росгвардии возможность принятия самостоятельных решений особо значима. В военных структурах помимо жесткой регламентации, безупречной дисциплины существует еще и специфика выполняемых ими задач. Следовательно, делать окончательные выводы и принимать ответственные решения должны офицеры, а не алгоритмы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровизация социальной сферы Росгвардии отражает глобальный тренд, в рамках которого технологии становятся не инструментом, а средой социального взаимодействия. Анализ применения цифровых технологий на примере Росгвардии показывает, что успех цифровой трансформации зависит от учета трех факторов: сложности систем, требующей гибкого управления и защиты от непредсказуемых рисков; культурного кода, определяющего восприятие цифровых решений; человекоцентричности, обеспечивающей баланс между инновациями и сохранением субъектности личности.

Цифровые технологии в этом контексте являются инструментом, который может быть использован для различных целей, и их влияние на общество зависит от того, как они интегрируются в социальные структуры и культурные практики [Кастельс, 2000]. Будущее цифрового общества зависит от сбалансированной интеграции технологий в социальные практики. Она должна осуществляться таким образом, чтобы цифровые технологии служили для совершенствования общества, а не диктовали его развитие.

Рассмотрение военной организации как сложной системы, где цифровизация влияет на взаимодействие элементов (управление, коммуникация, безопасность), можно предложить следующие рекомендации по более широкому и функционально полному внедрению цифровых технологий в социальную сферу Росгвардии: работоспособность гибридных информационно-аналитических систем, где будут применяться технологии искусственного интеллекта, должна поддерживаться человеческим надзором. На этапах разработки и внедрения различных цифровых решений необходимо учитывать культурные особенности личного состава ведомства и этические стандарты для аудита алгоритмических решений. Необходимо также обеспечивать проведение образовательных программ по цифровой грамотности с элементами практических занятий. Эти оперативные меры позволяют военнослужащим (сотрудникам) критически оценивать цифровые технологии.

Совокупность выработанных рекомендаций позволит произвести эффективную трансформацию военных структур. При этом центральный акцент по-прежнему следует делать на балансе между технологиями и человеческим фактором. Взаимно увязывая их в единую концептуальную структуру, целесообразно принимать дополнительные меры по минимизации рисков. Цифровизация социальной сферы Росгвардии должна соответствовать принципам открытости, безопасности

и инклюзивности, чтобы стать частью инфраструктуры цифрового общества, в котором технологии служат не только эффективности, но и укреплению доверия между государством (военной организацией) и гражданами (личным составом).

В системе современного социального управления значимым становится не только объем предоставляемых услуг, но и комплекс таких критериев управления, как полнота охвата потребностей заявителей, оперативность оказания поддержки, качество коммуникационной среды и т. п. Взаимное наложение этих факторов при отсутствии системной интеграции порождает управленческие дисфункции – «сбои», снижающие эффективность удовлетворения потребностей военнослужащих (сотрудников) Росгвардии. Результатом такого рода сбоев становится дисбаланс между декларируемыми целями и реальным социальным эффектом. Внедрение цифровых технологий в систему

управления социальной сферой Росгвардии будет способствовать минимизации рисков потери данных и оптимизации различного рода процессов. В данном случае цифровизация выступает в роли интеллектуального ассистента (инструмента), обеспечивающего: автоматизацию рутинных операций; персонифицированное планирование задач; прогнозирование потребностей на основе анализа данных.

Таким образом, переход к цифровым алгоритмам управления позволит не только устранить системные ошибки, но и трансформировать саму парадигму удовлетворения социальных потребностей личного состава Росгвардии, сместив фокус с количественных показателей на качественные. Цифровизация социальной сферы Росгвардии должна рассматриваться не только как техническая модернизация, но и как глубинная трансформация социальных практик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рушева А. В. Ресурсный подход к управлению социальными учреждениями // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2010. № 3. С. 56–62.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. ; под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: Государственный университет Высшей экономики, 2000.
3. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Цифровой разрыв в России: особенности и тенденции // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перспективы. 2019. № 5. С. 100–119.
4. Чернавин Ю. А. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы // Цифровая социология, 2021. Т. 4. № 2. С. 4–12.
5. Фурс С. П. Цифровизация сферы социального управления: вычислительные модели вместо человека // Век XXI: Цифровизация. Вызовы, риски, перспективы: материалы Международной науч.-практ. конф., 28 апреля 2022 г.: в 2 ч. Сер. VIII Декартовские чтения / под ред. А. И. Пирогова, Т. В. Растимешинной. Москва – Зеленоград: Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», 2022. Ч. 2. С. 127–132.
6. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. яз. ; под ред. В. И. Иноземцева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Academia, 2004.
7. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999.
8. Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Washington: World Future Society, 1983.
9. Мартин У. Д. Информационное общество. Проблемы и иллюзии. М.: ИНИОН, 1989.
10. Щербина А. В. Цифровые технологии: динамика социальных представлений // Международная научная конференция Информация – Коммуникация – Общество: сборник науч. тр. / гл. ред. А. Ф. Иванов. СПб.: Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», 2019. С. 395–400.
11. Войтенко В. П., Соколов В. П., Лубский Р. А. Коллективизм и индивидуализм в России как предмет теоретической рефлексии // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 71–77.
12. Рудник П. Б., Зинина Т. С., Акиндинова Н. В. Цифровая трансформация: эффекты и риски в новых условиях // ред. И. Р. Агамирзян М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2024.
13. Добринская Д. Е. Цифровое общество в социологической перспективе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25 № 4. С. 175–192.
14. Смирнов А. П. Концептуальные основания развития социальной сферы в структуре управления Федеральной службы войск национальной гвардии (Росгвардии) // Социология. 2024а. № 5С. 104–109.
15. Смирнов А. П. Роль и место цифровых технологий в управлении социальной сферой войск национальной гвардии Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 30346. № 12. С. 171–173.

REFERENCES

1. Rusheva, A. V. (2010). Resursnyj podkhod k upravleniyu social'nyimi uchrezhdeniyami = Resource approach to the management of social institutions. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences. Series: Social Sciences, 3, 56–62. (In Russ.)
2. Castells, M. (2000). Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow: Gosudarstvennyj universitet Vyshej ekonomiki. (In Russ.)
3. Dobrinskaya, D. E., Martynenko, T. S. (2019).. Defining the Digital Divide in Russia: Key Features and Trends. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 5, 100–119. (In Russ.)
4. Chernavin, Yu. A. (2021). Digital Society: Theoretical Outlines of the Emerging Paradigm. Digital Sociology, 4(2), 4–12. (In Russ.)
5. Furs, S. P. (2022). Digitalization of Social Governance: Computing Models Instead of Humans. Century XXI: Digitalization. Challenges, Risks, Prospects(pp. 127–132): collection of papers: in 2 Vols. (Vol. 2). Moscow – Zelenograd: Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Moskovskij institut ehlektronnoj tekhniki». (In Russ.)
6. Bell, D. (2004). Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya = The Coming Post-Industrial Society. Experience of Social Forecasting. Translation from English. 2nd ed., corrected. and add. Moscow: Academia. (In Russ.)
7. Toffler, E. (1999). Tret'ya volna = The Third Wave. Moscow: AST. (In Russ.)
8. Masuda, Y. (1983). The Information Society as Postindustrial Society. Washington: World Future Society. (In Russ.)
9. Martin, W. D. (1989). Informacionnoe obshchestvo = Information Society. Moscow: INION. (In Russ.)
10. Shcherbina, A. V. (2019). Digital technologies: dynamics of social representations. By A. F. Ivanov (Ed.). Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya Informaciya – Kommunikaciya – Obshchestvo (pp. 395–400): collection of papers. Sankt-Peterburg: Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI». (In Russ.)
11. Voitenko, V. P., Sokolov, V. P., Lubsky, R. A. (2019). Kollektivizm i individualizm v Rossii kak predmet teoreticheskoy refleksii = Collectivism and Individualism in Russia as a Subject of Theoretical Reflection. Filosofiya prava, 3(90), 71–77. (In Russ.)
12. Rudnik P. B., Zinina T. S., Akindinova N. V (2024). Cifrovaya transformaciya: ehffekty i riski v novykh usloviyakh = Digital transformation: effects and risks in the new conditions. Moscow: National Research University Higher School of Economics. (In Russ.)
13. Dobrinskaya, D. E. (2019). Digital society: sociological perspective. Moscou State Univercity. Series 18. Sociology and political science, 25(4), 175–192. (In Russ.)
14. Smirnov, A. P. (2024a). Conceptual foundations for the development of the social sphere in the management structure of the federal service of national guard troops (rosgvardia). Sociologiya, 5, 104–109. (In Russ.)
15. Smirnov, A. P. (2024b). The role and place of digital technologies in the management of the social sphere of the national guard troops of the russian federation. Social'no-gumanitarnye znaniya, 12, 171–173. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнов Андрей Павлович

адъюнкт Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnov Andrey Pavlovich

PhD Student
Prince Alexander Nevsky Military University
Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

07.04.2025
30.04.2025
04.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Репетиторство как феномен современной общеобразовательной школы: мотивы участия, проблемы и пути регулирования

Ю. А. Смирнова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
novyuliaalex@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен частного репетиторства в контексте современной общеобразовательной школы. Актуальность исследования обусловлена глобальным распространением данного явления – от стран Азии до Европы и Северной Америки, а также его влиянием на качество образования и усиление социального неравенства. В России, несмотря на масштабность феномена частного репетиторства, отсутствует единая система его регулирования. Причины отсутствия такой системы требуют комплексного научного осмысления и выработки сбалансированной государственной политики. Особое внимание в исследовании уделено учителям иностранных языков как наиболее активным участникам рынка репетиторских услуг. Высокий спрос на их услуги объясняется спецификой их предмета и высоким спросом на дополнительные занятия иностранных языков. Методологическую основу работы составляют статистические данные Росстата за 2014–2024 годов, результаты масштабных всероссийских опросов учителей иностранных языков (N = 880 в 2021 г. и N = 400 в 2024 г.) среди учителей иностранных языков, а также сравнительный анализ международного опыта. Автор выявляет сложную систему мотивации педагогов, включающую не только финансовые факторы (47 % респондентов отмечают более высокую оплату труда репетитора, нежели школьного преподавателя), но и стремление к профессиональной самореализации (63 % учителей ценят возможность индивидуального подхода к ученикам), а также желание избежать бюрократической нагрузки и работать по современным методикам. Автор предлагает комплекс практических рекомендаций, включающий создание федерального реестра репетиторов, введение системы добровольной сертификации, разработку профессионального стандарта, предоставление налоговых льгот, а также интеграцию лучших педагогических практик в школьное обучение. В статье особо подчеркивается необходимость перехода от политики ограничений к стратегии управляемой интеграции репетиторства, что позволит минимизировать социальные риски (такие как усиление образовательного неравенства) и одновременно повысить общее качество образования за счет использования потенциала частных педагогических практик.

Ключевые слова: репетиторство, вторичная занятость, образовательная система, учителя иностранных языков, регулирование

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Лингвистические услуги как социальный феномен в условиях современных политических, экономических и культурных реалий развития России» государственного задания Минобрнауки России, регистрационный номер НИОКТР 124012200217-0.

Для цитирования: Смирнова Ю. А. Репетиторство как феномен современной общеобразовательной школы: мотивы участия, проблемы и пути регулирования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 153–161.

Original article

Tutoring in Modern Secondary Schools: Motives for Participation, Problems and Ways of Regulation

Yulia A. Smirnova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia novyuliaalex@yandex.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of private tutoring in the context of modern secondary schools. Its relevance stems from the global spread of this practice, from Asia to Europe and North America, and its impact on education quality and social inequality. In Russia, despite the scale of the phenomenon of private tutoring, there is no unified system for its regulation, which requires a comprehensive scientific understanding and the development of a balanced public policy. The study focuses on foreign language teachers, who are the most active players in the tutoring market due to the specific nature of their subject and the high demand for additional classes. The methodological basis of the work consists of Rosstat statistics for 2014–2024, the results of large-scale all-Russian surveys (N = 880 in 2021 and N = 400 in 2024) among foreign language teachers, as well as a comparative analysis of international experience. The author identifies a complex system of motivation for teachers, including not only financial factors (47 % of respondents note higher wages compared to school), but also the desire for professional self-realization (63 % of teachers appreciate the possibility of an individual approach to students), as well as the desire to avoid bureaucratic burden and work according to modern methods. The author presents a set of practical recommendations, such as the creation of a national database of tutors, the implementation of a voluntary certification system, the development of professional standards, the provision of tax incentives, and the integration of effective teaching methods into school curricula. The author emphasizes the need to shift from a policy of prohibitions to a strategy of regulated integration of tutoring, which would minimize social risks, such as increased educational inequality, while improving the overall quality of education through the use of private tutoring.

Keywords: tutoring, secondary employment, educational system, foreign language teachers, regulation

Acknowledgements: The article was prepared as part of the project “Linguistic services as a social phenomenon in the context of modern political, economic and cultural realities of Russia’s development” of state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, R&D registration number 124012200217-0.

For citation: Smirnova, Yu. A. (2025). Tutoring in modern secondary schools: motives for participation, problems and ways of regulation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(859), 153–161. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В современном образовательном пространстве наблюдается противоречивая тенденция: на фоне развития государственных образовательных систем происходит рост рынка частных образовательных услуг. Как отмечают эксперты, этот феномен приобрел глобальный характер – от стран Азии до Европы и Северной Америки¹. В России, по

данным Рособрудзора, проблема частного репетиторства достигла такого масштаба, что требует системного осмысления и выработки сбалансированной государственной политики². Актуальность исследования обусловлена тремя ключевыми факторами: во-первых, вовлеченностью квалифицированных педагогов в сферу репетиторства; во-вторых, растущей зависимостью образовательных результатов школьников от дополнительных

¹Global Private Tutoring Industry // Report Linker Global Industry Analysts, January 2023. URL: https://www.reportlinker.com/p0552740/?utm_source=GNW (дата обращения: 25.03.2025).

²Репетиторов пригласили к доске. Рособрудзор намерен вернуть дающих частные уроки педагогов в школы. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6851464> (дата обращения 25.03.2025).

занятий с репетиторами; в-третьих, отсутствием единых подходов к регулированию этого сегмента образовательных услуг.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При подготовке материала были использованы:

- 1) статистические данные Росстата, включая показатели динамики заработной платы педагогических работников системы общего образования;
- 2) результаты авторского исследования «Оценка форм и мотивов вовлеченности учителей иностранных языков во вторичную прекарную занятость» (октябрь – декабрь 2021);
- 3) данные онлайн-анкетирования, которое проводилось путем адресной рассылки писем по электронной почте учителям иностранных языков общеобразовательных учреждений Российской Федерации ($N = 880$, $\Delta = \pm 3,3 \%$);
- 4) исследования «Удовлетворенность трудом и степень включенности учителей иностранных языков во вторичную прекарную занятость» (апрель – май 2024 года), проведенного Аналитическим центром НАФИ по заказу социологической лаборатории МГЛУ при непосредственном участии автора, онлайн-анкетирование среди учителей иностранных языков общеобразовательных учреждений Российской Федерации ($N = 400$, $\Delta = \pm 4,9 \%$);
- 5) международные отчеты о рынке репетиторства – с использованием методов сравнительного анализа для выявления общих закономерностей и специфики российского рынка услуг репетиторов.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассмотрим феномен репетиторства через изучение мотивов вовлеченности учителей иностранных языков в данный вид вторичной, зачастую прекарной, занятости, преимуществ и барьеров репетиторства для педагогических работников, а также проблем и рисков его распространения, мер регулирования. Анализировать феномен репетиторства целесообразно, в том числе с учетом международного опыта.

Практически каждый второй учитель иностранных языков (46 %) помимо выполнения обязанностей по основному месту работы в образовательном учреждении имеет опыт вторичной занятости в сфере оказания лингвистических услуг. При этом каждый четвертый учитель в настоящее время включен во вторичную занятость. Из них 74 % занимается самостоятельным репетиторством, еще 22 % педагогов трудоустроены по совместительству в образовательных учреждениях, 19 % – работают в частной языковой школе

или на языковых курсах. И лишь 9 % учителей официально оказывают дополнительные образовательные услуги по основному месту работы. Некоторые педагоги комбинируют несколько видов вторичной занятости.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ МОТИВЫ УЧИТЕЛЕЙ

На первый взгляд, может сложиться впечатление, что учителя вовлекаются во вторичную занятость, в частности, репетиторство, преимущественно, для увеличения собственного дохода ввиду низкой заработной платы на основном месте работы в школе. Проанализируем официальные статистические данные о динамике заработных плат педагогических работников за последние десять лет. Рост средних зарплат учителей в России до 2024 года пропорционален росту средних зарплат наемных работников. В настоящее время он продолжает находиться примерно на том же уровне (табл. 1).

В Москве после увеличения средних зарплат учителей на 36 % в 2018 году по сравнению с 2016 годом наблюдается снижение динамики их прироста. При этом средние заработные платы московских педагогов стабильно превышают среднюю зарплату наемных работников по региону.

Несмотря на рост средних зарплат учителей на 119 % по России за 10 лет (с 32,6 тыс. руб. в 2014 до 71,4 тыс. руб. в 2024) и на 135 % – в Москве (до 143,8 тыс. руб.), учителя иностранных языков продолжают вовлекаться в репетиторскую деятельность. Данное наблюдение свидетельствует о наличии не только о материальных, но также иных мотивов вторичной занятости учителей.

Анализ данных всероссийского опроса учителей иностранных языков выявил сложную систему мотивации педагогов на вовлеченность во вторичную, зачастую – прекарную занятость в формате частного репетиторства:

Профессиональная самореализация: 63 % учителей иностранных языков ценят индивидуальный подход к ученикам, 60 % – отмечают возможность применять авторские методики как ключевой стимул.

Финансовые факторы: более высокая оплата труда, нежели в школе и оплата «по факту» за проведенные занятия являются преимуществом для 47 % опрошенных учителей иностранных языков. Также в репетиторстве педагогов привлекает гибкий график (67 %) и возможность самостоятельно регулировать объем своей работы (62 %) (рис. 1).

Таблица 1

ДИНАМИКА СРЕДНИХ ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ (2014–2024)¹

Российская Федерация	2014	2016	2018	2020	2021	2022	2023	январь – июнь 2024
Средняя заработная плата педагогических работников образовательных учреждений общего образования (тыс. руб.)	32,6	33,3	38,4	43,7	45,2	49,7	55,6	71,4
Динамика к предыдущему периоду (в %)		2	15	14	4	10	12	28
Оценка среднемесячной начисленной заработной платы наемных работников в организациях (тыс. руб.)	31,5	32,6	37,9	42,4	45,9	50,7	57,2	63,9
Динамика к предыдущему периоду (в %)		3	16	12	8	10	13	12
Отношение средней заработной платы по категории к оценке среднемесячной начисленной заработной платы наемных работников в организациях (в %)	103	102	101	103	98	98	97	112
Москва	2014	2016	2018	2020	2021	2022	2023	январь – июнь 2024
Средняя заработная плата педагогических работников образовательных учреждений общего образования (тыс. руб.)	61,2	68,5	92,9	98,2	102,0	104,8	111,7	143,8
Динамика к предыдущему периоду (в %)		12	36	6	4	3	7	29
Оценка среднемесячной начисленной заработной платы наемных работников в организациях (тыс. руб.)	59,9	59,8	68,2	76,5	82,2	90,9	99,0	109,4
Динамика к предыдущему периоду (в %)		0	14	12	7	11	9	10
Отношение средней заработной платы по категории к оценке среднемесячной начисленной заработной платы наемных работников в организациях (в %)	102	114	136	128	124	115	113	131

¹Заработная плата отдельных категорий работников социальной сферы и науки. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 25.03.2025).

Рис. 1. Преимущества репетиторства (по мнению учителей иностранных языков в динамике за 2021–2024 гг., в %)

- *Институциональные ограничения:* 73 % учителей указывают на бюрократическую нагрузку; 63 % – устаревшие программы, что создает «профессиональный дискомфорт» и толкает к репетиторству.

- *Внутришкольные проблемы:* низкая мотивация учащихся к изучению иностранных языков (74 %); высокая загруженность педагогов дополнительной работой, не связанной с преподаванием (71 %); особенно беспокоящая учителей

в возрасте 35–44 лет; устаревшие учебные программы (63 %) подталкивают учителей к репетиторству (табл. 2).

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЫНКА РЕПЕТИТОРСТВА

По данным проведенных опросов среди учителей иностранных языков наблюдается тенденция к легализации репетиторства: доля самозанятых

Таблица 2

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ШКОЛЕ, ПО МНЕНИЮ ПЕДАГОГОВ (2024)¹

	Всего	Возраст				
		До 25 лет	25–34 лет	35–44 лет	45–59 лет	Старше 60 лет
Низкая / недостаточная мотивация школьников к изучению иностранных языков	74	73 ²	72	75	81	74
Низкий / недостаточный уровень оплаты труда педагогов, преподающих иностранные языки в школе	73	78	66	73	73	73
Высокий уровень загруженности педагогов дополнительной работой, не связанной с преподаванием иностранных языков	71	68	69	80	69	71
Учебные программы по иностранным языкам не отвечают современным требованиям (в т. ч. недостаточно учитывают изменения в контингенте обучающихся)	63	63	67	61	56	63
Отсутствие / недостаточная оснащенность специализированных аудиторий для изучения иностранных языков в школе	57	51	62	57	57	57
Низкое качество учебных и учебно-методических материалов / литературы для преподавания иностранных языков	55	50	57	57	55	55
Отсутствие / дефицит необходимой современной учебной и учебно-методической литературы для преподавания иностранных языков	52	52	56	52	41	52
Низкий / недостаточный статус учителя иностранного языка в школе	48	49	50	45	47	48
Небольшой спектр / сокращение числа иностранных языков, изучаемых в школе	46	46	49	42	46	46
Недостаточное количество / некомплект учителей иностранного языка в школе	45	47	45	41	47	45
Отмена / приостановка введения обязательного характера ОГЭ и ЕГЭ по иностранному языку	42	44	44	36	43	42
Отмена обязательного изучения в школе второго иностранного языка	40	41	42	36	38	40
Отсутствие централизованной платформы для сбора домашних заданий	40	39	40	42	35	40
Недостаточный уровень квалификации педагогов, преподающих иностранные языки в школе	37	42	29	37	42	37

¹Процент тех, кто отметил, что проблема «очень актуальная» и «скорее актуальная» и распределение ответов по возрасту.

²Сумма ответов может быть больше 100 %, так как у респондентов была возможность множественного выбора ответов.

Таблица 3

**ЮРИДИЧЕСКИЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВТОРИЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ УЧИТЕЛЕЙ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ 2021–2024 ГГ (в % от тех, кто вовлечен во вторичную занятость)**

	2021	2024
Самозанятый	35	50
Физическое лицо без юридического оформления	45	30
Физическое лицо по трудовой книжке / договору ГПХ	17	20
Индивидуальный предприниматель	3	0

среди педагогов выросла с 35 % в 2021 году до 50 % в 2024 году преимущественно за счет снижения доли тех, кто никак не оформляет оказание репетиторских услуг (табл. 3).

Сравнительный анализ показывает, что упрощенный порядок регистрации статуса «самозанятого» привел к существенному изменению в пользу этой формы вторичной занятости (рост на 15 пп).

Исследования показывают, что сочетание работы в школе с репетиторской деятельностью позволяет педагогам существенно повысить свой доход, выходя за рамки среднего уровня оплаты труда по региону. Особенно актуальной эта практика стала с развитием цифровых образовательных платформ, сделавших репетиторство доступным для широкого круга преподавателей. Как отмечают эксперты, подобная модель совмещения основной и дополнительной занятости приобрела массовый характер в профессиональной среде. Примечательно, что возраст и формальный уровень квалификации педагога не играют решающей роли при выборе означенного варианта подработки. Однако статистические данные свидетельствуют о наибольшей распространенности этой практики среди преподавателей молодого и среднего возраста [Абанкина и др., 2022]. Родители преимущественно выбирают репетиторов, специализирующихся на подготовке к ЕГЭ, что обусловлено экономической выгодой: подготовка к экзамену дешевле, чем оплата коммерческого обучения в вузе. «Родители рассуждают так: – Лучше я заплачу 150 тыс. репетитору за подготовку в 11-м классе к ЕГЭ, чтобы попасть на “бюджет”, чем буду платить 250 тыс. в год за обучение на коммерческой основе в университете»¹.

По данным опроса учителей иностранных языков, дающих частные уроки, ученики (как

школьники, так студенты и взрослые) ставят перед собой преимущественно следующие цели: углубить знания по иностранному языку и подтянуть успеваемость, а также подготовиться к сдаче экзаменов ОГЭ / ЕГЭ, международных экзаменов или поступлению в вуз (рис. 2).

Наблюдается также цифровизация процесса обучения: всё больше занятий переходит в онлайн-формат, создавая серьезную конкуренцию традиционным репетиторам. По оценкам экспертов, сегмент онлайн-образования ожидает динамичный рост на уровне 20 % ежегодно до 2028 года, а также повышение доступности онлайн-формата².

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Анализ зарубежного опыта организации частного образования выявляет существенные региональные особенности развития репетиторства. Как показывают проведенные исследования, наиболее развитые рынки частных образовательных услуг сложились в Северной Америке, Западной Европе, Азии и Африке, где репетиторство имеет глубокие исторические корни [Kirby, 2016]. Однако цели и масштабы этой деятельности существенно различаются в зависимости от культурно-экономического контекста.

В западных странах (США, Канада, Франция) рост репетиторства связан с усилением образовательной конкуренции и внедрением государственных систем оценки школ. В азиатском регионе (Китай, Япония, Южная Корея) распространение репетиторства обусловлено традиционным культом образования в конфуцианской традиции [Brag, 2010]. В африканских странах частные уроки служат

¹Почему петербургские учителя со стажем идут в репетиторы. URL: <https://rg.ru/2016/08/30/reg-szfo/pochemu-peterburgskie-uchitelia-sostazhem-idut-v-repetitory.html> (дата обращения 25.03.2025).

²J'son & Partners Consulting: мировой рынок онлайн обучения английскому языку достиг \$10 млрд. URL: <https://xn-80aabd3aef1bhd1amr9v.xn--p1ai/j-son-partners-consulting-mirovoj-rynok-onlajn-obucheniya-anglijskomu-yazyku-dostig-10-mldr/> (дата обращения: 25.03.2025).

Рис. 3. Недостатки репетиторства
(по мнению учителей иностранных языков, вовлеченных в репетиторство, 2021–2024, в %)

Рис. 2. Цели занятия с репетитором по иностранным языкам среди школьников и студентов / взрослых, в %)

прежде всего инструментом повышения доходов учителей и социального лифта для учащихся.

Государственное регулирование репетиторства варьируется от жестких ограничений (полный запрет в Южной Корее) до активной поддержки через налоговые льготы и образовательные программы (Сингапур). Российская практика демонстрирует смешанный подход,

сочетающий элементы регулирования (налоговые послабления для самозанятых) с отсутствием комплексного законодательного регулирования данного сектора [Смирнова, 2023]. Такой подход не позволяет в полной мере ни контролировать качество репетиторских услуг, ни использовать потенциал частного образования для развития системы в целом.

ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ ЧАСТНОГО РЕПЕТИТОРСТВА

Основные барьеры и последствия precariousности репетиторской деятельности, по мнению учителей, вовлеченных в эту форму занятости, связаны: с отсутствием стабильности (67 %), сезонным характером спроса (61 %), отсутствием социальных гарантий (46 %) (рис. 3).

С точки зрения учащихся, репетиторство, с одной стороны, компенсирует недостатки государственной системы образования, а с другой – усугубляет проблему социального неравенства в их среде.

В России отсутствует правовая база для регулирования репетиторской деятельности, что создает риски и для педагогов, и для учащихся и их родителей, оплачивающих дополнительные образовательные услуги. Проекты типа «Национальной цифровой репетиторской системы»¹ могут восполнить этот пробел и стать шагом к систематизации рынка, но требуют поддержки на государственном уровне.

Возможные рекомендации

1. *Институциональные*: создание федерального реестра репетиторов, введение системы добровольной сертификации, разработка профессионального стандарта.

¹В России запустили новый проект «Национальная цифровая репетиторская и школьная образовательная среда». URL: <https://nacobr.ru/vse-novosti/item/9-v-rossii-zapustili-novyy-proekt-natsionalnaya-tsifrovaya-repetitorskaya-i-shkolnaya-obrazovatel'naya-sistema> (дата обращения: 25.03.2025).

2. *Экономические*: налоговые льготы для легальных репетиторов, субсидирование занятий для малоимущих, стимулирование школ к созданию внутренних репетиторских программ.
3. *Педагогические*: интеграция лучших репетиторских практик в школьное обучение, создание платформ обмена методиками, программы повышения квалификации для репетиторов.

Проведенный анализ феномена репетиторства позволяет переосмыслить его роль в современной общеобразовательной школе. В отличие от традиционного подхода, маркирующего его в качестве «теневое» сектора, репетиторство можно рассматривать как «комплементарное образование», которое восполняет пробелы основного образования, служит источником педагогических инноваций, формирует гибкую модель профессиональной реализации учителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Частное репетиторство остается значимым элементом общеобразовательной школы, отражающим ее системные проблемы. Для устойчивого развития данной системы необходимо сочетание мер материальной поддержки учителей, правового регулирования и инновационных подходов к организации дополнительного образования.

Проведенный анализ демонстрирует необходимость перехода от политики ограничения к стратегии управляемой интеграции, позволяющей использовать потенциал репетиторства для повышения качества образования при минимизации социальных рисков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абанкина И. В. [и др.] Есть ли у педагогов альтернатива репетиторству для увеличения доходов? / И. В. Абанкина, Ю. Ю. Белова, К. В. Зиньковский, Е. В. Латыпова, А. Е. Милованов // Вопросы образования. 2022. № 4. С. 8–32.
2. Kirby P. Shadow schooling: Private tuition and social mobility in the UK. London, England: Sutton Trust, 2016.
3. Bray M. Researching shadow education: methodological challenges and directions // Asia Pacific Education Review 2010. Vol. 11. № 1. P. 3–13.
4. Смирнова Ю. А. Вторичная precariousная занятость учителей иностранных языков на российском рынке лингвистических образовательных услуг: дис. ... канд. социол. наук. М., 2023.

REFERENCES

1. Abankina, I. V. et al. (2022). Do teachers have an alternative to tutoring to increase income? / I. V. Abankina, YU. YU. Belova., K. V. Zin'kovskij, E. V. Latypova, A. E. Milovanova. Educational issues, 4, 8–32. (In Russ.)
2. Kirby, P. (2016). Shadow schooling: Private tuition and social mobility in the UK. London, England: Sutton Trust.
3. Bray, M. (2010). Researching shadow education: methodological challenges and directions. Asia Pacific Education Review, 11(1), 3–13.

4. Smirnova, Yu. A. (2023). Vtorichnaya prekarnaya zanyatost' uchitelej inostrannyh yazykov na rossijskom rynke lingvisticheskikh obrazovatel'nyh uslug = Secondary precarious employment of foreign language teachers in the Russian market of linguistic educational services: PhD in Sociology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Юлия Александровна

кандидат социологических наук

старший научный сотрудник социологической лаборатории

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnova Yulia Alexandrovna

PhD (Sociology)

senior researcher at the Sociological laboratory

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	02.04.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	04.06.2025	accepted for publication

Уровень владения иностранными языками профессорско-преподавательским составом вуза и специфика их использования в профильном вузе

А. Ю. Станевич

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

lluviaconsol1@gmail.com

Аннотация.

В статье на основе данных социологических исследований измеряется уровень владения профессорско-преподавательского состава иностранными языками и характер их использования в профильном вузе. Для выявления лингвистических компетенций преподавателя используется метод самооценки. Параллельно проверяется наличие (или отсутствие) у преподавателя действующего международного сертификата о сдаче каких-либо экзаменов. Эта информация позволяет определить достигнутый преподавателем уровень владения иностранным языком. В соответствии со статистическими данными преподавателям-лингвистам дается субъективная оценка их интеллектуального уровня, выявляется степень, в которой они владеют иностранными языками. В соответствии с профилем преподавания (он может быть лингвистическим или не лингвистическим) и возрастом респондентов появляется возможность последовательно прийти к выводу о социально значимых различиях владельцев международных сертификатов. Для определения характера использования иностранных языков в учебной деятельности измеряются такие направления развития компетентности педагогов, как чтение профессиональной литературы, профессиональное общение с коллегами и студентами, посещение лекций, рецензирование научных работ и проведение научных семинаров. Проводится сравнительный анализ профессиональной деятельности преподавателей лингвистического и нелингвистического профиля, а также анализ динамики использования иностранного языка преподавателями-лингвистами и нелингвистами в учебной и научно-исследовательской деятельности. В ходе анализа направлений использования иностранного языка были отмечены некоторые различия между преподавателями-лингвистами, окончившими МГЛУ и получившими лингвистическое образование в других учебных заведениях, а также между преподавателями, имеющими ученую степень и не имеющими ее. На основании полученных данных сделан вывод о том, что число преподавателей-нелингвистов, проводящих плановые занятия на иностранном языке, становится больше, однако не все они оценивают свой уровень знания иностранным языком как высокий.

Ключевые слова:

иноязычные практики, лингвистические компетенции, уровень владения иностранными языками, преподаватель иностранного языка

Благодарности.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Лингвистические услуги как социальный феномен в условиях современных политических, экономических и культурных реалий развития России» государственного задания Минобрнауки России, регистрационный номер НИОКТР 124012200217-0.

Для цитирования:

Станевич А. Ю. Уровень владения иностранными языками профессорско-преподавательским составом вуза и специфика их использования в профильном вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 162–170.

Original article

Level of Proficiency in Foreign Languages by the Academic Staff and Their Use in a Specialized University

Anastasia Yu. Stanevich

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
lluviaconsol1@gmail.com*

Abstract. The article based on data of sociological studies measures the level of proficiency in foreign languages and the nature of their use in the specialized university. In order to analyze the linguistic competences of teachers, the method of self-assessment is used and the availability of a valid international certificate of passing any examinations to determine the level of foreign language proficiency is assessed. It is concluded that there are statistically significant differences among the holders of international certificates depending on the teaching profile (linguistic and non-linguistic), as well as the age of the respondents. Subjective assessment of the level of their mastery of the main and second foreign languages is carried out among linguistic teachers. To determine the nature of using foreign languages in teaching activities, such areas of teachers' competence development as reading professional literature, professional communication with colleagues and students, attending lectures, reviewing scientific papers and conducting scientific seminars were measured. A comparative analysis between linguistic and non-linguistic teachers is carried out, as well as an analysis of the dynamics of foreign language use by linguistic and non-linguistic teachers in teaching and research activities. In the course of analyzing the directions of foreign language use, some differences were noted between linguistic teachers who graduated from MSLU and those who received linguistic education in other educational institutions. Based on the data obtained, it is concluded that the number of non-linguistic teachers who conduct scheduled classes in a foreign language is becoming more, but not all of them assess their level of foreign language proficiency as high.

Keywords: foreign language practice, linguistic competence, level of proficiency in foreign languages, university teacher of foreign language

Acknowledgements. The article was prepared as part of the project "Linguistic services as a social phenomenon in the context of modern political, economic and cultural realities of Russia's development" of state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, R&D registration number 124012200217-0.

For citation: Stanevich, A. Yu. (2025). Level of proficiency in foreign languages by the academic staff and their use in a specialized university. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(859), 162–170. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о том, каким должен быть современный преподаватель иностранных языков с профессиональной точки зрения, в наши дни является актуальным. Несмотря на глобальные вызовы, такие как пандемия и сложившаяся внешнеполитическая ситуация начала 2020-х годов, изучение иностранного языка продолжает оставаться неотъемлемым элементом образовательных программ в школах и в вузах. В связи с вызовами нового времени возрастает роль совершенствования компетенций преподавателей иностранных

языков, поскольку образовательный процесс в наши дни не ограничивается вузом, а продолжается в течение жизни (life-long learning). «Чтобы соответствовать требованиям, предъявляемым к преподавателям языков высшей школы, необходима кропотливая работа по расширению кругозора, углублению знаний, совершенствованию навыков и умений, а также формированию компетенций» [Иностранные языки в высшей школе: традиции и инновации, 2023, с. 351]. Кроме того, исследователями отмечается «усложнение деятельности преподавателя высшего учебного заведения» [Соловова, Боголепова, 2017, с. 75].

Исследовательский интерес к выявлению меры и степени владения уровнем лингвистической подготовки преподавателями вузов сконцентрирован на таких аспектах означенной профессиональной сферы деятельности, как: цифровая трансформация обучения иностранным языкам [Авдеева, Чикалева, 2016; Чикилева, Асанова, 2022; Стародубцева, 2022]; обучение иностранным языкам в неязыковых вузах [Мельничук, Осипова, 2016]. Особое внимание уделяется профессиональной компетенции преподавателей иностранных языков [Ветчинова, Рыбак, 2023; Соловова, Боголепова, 2017; Зимняя, 2012].

Е. Н. Соловова и С. В. Боголепова предложили матрицу компетенций преподавателя высшей школы, разделив их на коммуникативные, педагогические, аксиологические, научные и организационные. С. Г. Шишкина утверждает, что «...для преподавателя иностранных языков особо выделяется коммуникативная компетенция, свидетельствующая о владении языком и умении использовать его в педагогических целях, а также лингвистическая и социокультурная осведомленность, связанная со страной изучаемого языка» [Шишкина, 2019, с. 190]. Вопросы компетенций преподавателя иностранного языка рассматривает глава в монографии «Иностранные языки в высшей школе: вызовы и перспективы». Среди зарубежных исследователей был проведен обзор моделей коммуникативной компетенции [Current Trends in the Development and Teaching of the four Language Skills, 2006]. Некоторые исследователи отмечают, что навыки преподавателя иностранного языка могут быть важнее конкретного метода обучения [Foreign language learning and its impact on wider academic outcomes ... 2020].

Вместе с тем исследователи отмечают, что «Существующие методы оценки не позволяют всеобъемлюще оценить компетентность действующего педагога или выпускника педагогического вуза» [Соловова, Боголепова, 2017, с. 83]. Существует немало исследований, рассматривающих самооценку студентов в изучении иностранных языков [Чагина, 2024]. Однако в исследовании профессионального уровня преподавателей иностранных языков мало изученным остается и характер использования профессиональных навыков как в образовательной, так и в научно-исследовательской сфере деятельности.

В данной статье выявляется уровень владения иностранными языками, на котором находятся преподаватели профильного вуза. Параллельно воссоздается характер использования лингвистических навыков преподавателями иностранного языка. Кроме того, проводится сравнительный анализ лингвистической подготовки

преподавателей-лингвистов и нелингвистов, а также прослеживается динамика владения иностранными языками за 2022–2024 годы.

Методы. При подготовке статьи использовались материалы социологической лаборатории МГЛУ. Мониторинг удовлетворенности трудовой деятельностью ППС проводился в период с 1 по 25 апреля 2022 года и с 1 по 25 апреля 2024 года методом анкетного опроса с использованием онлайн-анкеты для самозаполнения (CAWI); обработка и статистический анализ данных осуществлялись с использованием пакета IBM SPSS Statistics 23. В 2024 году был опрошен 531 преподаватель (ошибка выборки 2,89 %), в 2022 году – 597 преподавателей (ошибка выборки 2,55 %).

Результаты. Уровень владения ППС иностранными языками будет рассмотрен по самооценке преподавателями уровня владения иностранным языком и специфике его использования в педагогической и научно-исследовательской деятельности.

Самооценка преподавателей-лингвистов. В ходе мониторинга в 2024 году впервые была применена методика самооценки преподавателей иностранного языка. Прежде всего, рассматривалось наличие международного сертификата, подтверждающего лингвистические компетенции. Его наличие подтвердил каждый четвертый преподаватель (26 %), в том числе среди лингвистов – 30 % и нелингвистов – 11 %, от 32 % до 41 % среди молодых и среднегозрастных преподавателей, 14 % – среди ветеранов. Кроме того, сертификаты в два раза чаще встречаются у выпускников МГЛУ, нежели их коллег, получивших лингвистическое образование в других вузах (рис. 3).

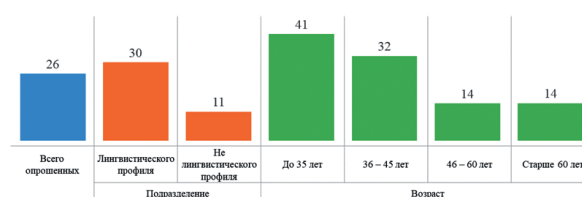

Рис. 1. Наличие у преподавателей действующего международного сертификата о сдаче каких-либо экзаменов для определения / подтверждения уровня владения иностранным языком (2024 г., в %)

Владельцы сертификатов подтвердили, что в половине случаев экзамен на подтверждение владением иностранным языком сдавался на уровне C2 (владения в совершенстве), и реже – на уровне C1 (профессионального владения).

В независимости от наличия международных сертификатов всем категориям преподавателей было предложено оценить собственный уровень

владения иностранными языками: лингвистам – основным (на котором они преподают) и вторым – как правило, находящимся в пассиве. (Квалификация по второму языку была приобретена в ходе получения лингвистического образования.) Преподавателям-нелингвистам было предложено оценить уровень владения любым иностранным языком, изучавшимся в школе и вузе. Оценку уровня владения было предложено оценить по международной шкале CEFR (Common European Framework of Reference)¹. Затруднились ответить на данный вопрос 5 % лингвистов и 16 % нелингвистов.

Преподаватели-лингвисты дали высокую самооценку уровню владения основным (преподаваемым) иностранным языком: в совершенстве (C2) – 47 %, на профессиональном уровне (C1) – 49 % и на пороговом продвинутом уровне (B2) – 4 %. Уровень владения вторым иностранным языком они оценили более скромно: C2 и C1 – 29 % и B2 – 33 % (рис. 2).

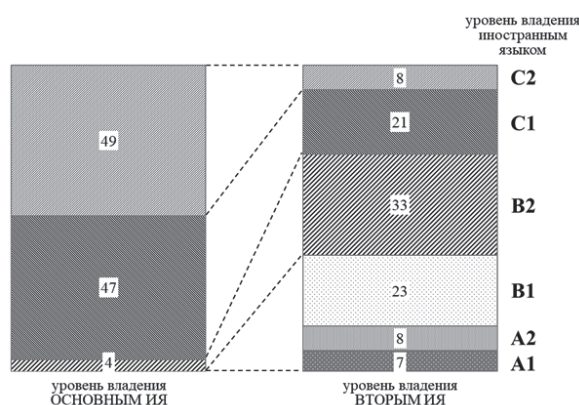

Рис. 2. Субъективная оценка преподавателями-лингвистами уровня владения ими основным и вторым иностранными языками (2024 г., в % от числа ответивших)

При сравнении уровней владения иностранным языком преподавателями различных профилей для корректности у лингвистов был представлен второй язык (который они, как правило, не преподают), а у нелингвистов – либо единственный, либо тот, которым они владеют лучше всего (рис. 3).

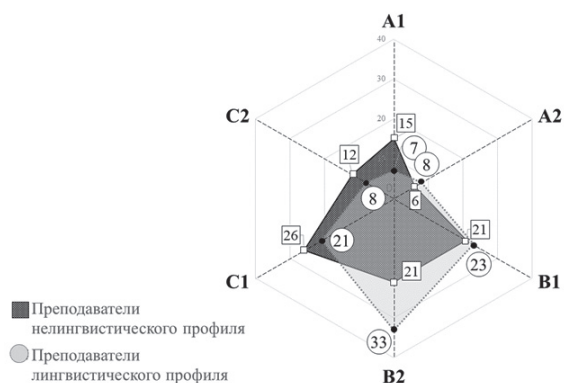

Рис. 3. Сравнительный анализ самооценки преподавателями различного профиля уровня владения ими иностранными языками, 2024 год (у преподавателей-лингвистов – 2-й ИЯ, в % от числа ответивших)

Что характерно, преподаватели-лингвисты более критично (реалистично?) оценивают свое знание второго иностранного языка на высших его уровнях: C2 и C1 – 29 %, в то время как их коллеги-нелингвисты демонстрируют большую уверенность и высокие оценки: C2 и C1 – 36 %. При этом и те, и другие демонстрируют сопоставимые оценки по уровню B1.

У определенной части преподавателей нелингвистических направлений подготовки возникает вопрос о необходимости владения иностранным языком на уровне, соответствующем работе в главном лингвистическом вузе страны. В настоящее время профильные учебные дисциплины на иностранных языках в МГЛУ если и преподаются, то в незначительных объемах. Кроме того, вышеозначенная практика преподавания на иностранном языке предметно локализована.

Это можно отнести к организации и проведению дополнительных платных занятий со студентами по иностранным языкам в рамках учебных курсов «профессиональной коммуникации». В данной сфере сложилась определенная практика привлечения представителей выпускающих кафедр к преподаванию некоторых учебных дисциплин на иностранных языках. Как правило, наиболее успешно с решением этой задачи могут справиться молодые преподаватели из числа выпускников МГЛУ.

Об актуальности этой проблемы свидетельствуют и отдельные высказывания и предложения преподавателей при ответах на открытые вопросы:

Стыдно для сотрудников даже НЕлингвистических кафедр и научных подразделений лингвистического (и притом столичного) вуза НЕ ВЛАДЕТЬ в совершенстве хотя бы английским языком, следует сделать всё

¹Респондентам было предложено самостоятельно выбрать один из уровней владения ИЯ: A1 – уровень выживания (Survival Level: Beginner и Elementary); A2 – предпороговый уровень (Wastage: Pre-Intermediate); B1 – пороговый уровень (Threshold: Intermediate); B2 – пороговый продвинутый уровень (Vantage: Upper-Intermediate); C1 – уровень профессионального владения (Effective Operational Proficiency: Advanced); C2 – уровень владения в совершенстве (Mastery: Proficiency).

возможное и мыслимое для достижения ими владения (путем бесплатных курсов, в том числе не только повышения квалификации в профессиональном английском, но и в разговорном) на уровне Кембриджского сертификата (CAE) и, по возможности, его получения (*респондент № 389*).

Одним из способов решения данной проблемы могло бы стать организованное на базе университета повышение квалификации преподавателей учебных подразделений нелингвистического профиля, нацеленное на овладение коммуникационными компетенциями в области иностранных языков.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В РАМКАХ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Прежде чем перейти к анализу использования преподавателями иностранного языка, обратимся к исследователям, которые делали попытку охарактеризовать компетентность преподавателя иностранного языка: «Преподавателя иностранного языка можно назвать профессионально компетентным, если педагогическая деятельность осуществляется на достаточно высоком уровне, достигаются стабильно высокие результаты в обучении... Современный преподаватель иностранного языка занимается не только учебной деятельностью, но и научно-методической работой, поэтому особое внимание необходимо уделять совершенствованию научной и методической составляющим» [Иностранные языки в высшей школе: традиции и инновации, 2023, с. 353–354]. Такое многоаспектное измерение не включает в себя объективных характеристик использования иностранного языка: так, не вполне ясно, что соответствует достаточно высокому уровню педагогической деятельности или что означают стабильно высокие результаты в обучении. Безусловно, объем исследовательской работы преподавателя только увеличивается и учитывается в результатах его деятельности при заполнении эффективного контракта: числу первоочередных задач преподавателя относятся подготовка текстов для публикаций и выступление на научных конференциях. Кроме того, в мониторинге МГЛУ были измерены такие направления развития компетентности педагогов, как чтение профессиональной литературы, профессиональное общение с коллегами и студентами, посещение лекций, рецензирование научных работ и проведение научных семинаров. Некоторые из этих направлений компетентности были перечислены коллегами [там же, с. 355]

и предложены другие, например, использование новых технологий и увеличение цифровой грамотности. С нашей точки зрения, цифровые направления компетенций являются универсальными для всех преподавателей, и их сложно в полной мере соотнести с использованием иностранного языка.

Сравнительный анализ данных 2022–2024 годов не выявил существенных изменений ни по одному из направлений использования иностранного языка (различия в пределах ошибки выборки), но были зафиксированы определенные различия между преподавателями-лингвистами, окончившими МГЛУ, и получившими лингвистическое образование в других вузах, а также между преподавателями, имеющими ученые степени и не имеющими таковых (табл. 1).

Так, выпускников МГЛУ отличает склонность к чтению профессиональной и художественной литературы на иностранных языках, профессиональному общению с коллегами и студентами вне плановых занятий, посещение учебных и научных мероприятий, проводимых на иностранных языках, участие в рецензировании публикаций. Преподаватели, имеющие ученую степень, активны в чтении профессиональной литературы, подготовке публикаций и участии в научных мероприятиях, а их неостепененные коллеги – в чтении художественной литературы на иностранных языках и общении в туристических поездках.

За анализируемый период выросло число преподавателей-нелингвистов, проводящих плановые занятия на иностранном языке или использующих его в ходе проведения этих занятий, а также ведущих подготовку публикаций на иностранном языке (табл. 2).

За анализируемый период произошло сокращение числа преподавателей-нелингвистов, никак не использующих иностранный язык в своей профессиональной деятельности: в 2022 году – каждый третий из числа опрошенных (32 %), в 2024 году – практически каждый четвертый (23 %). При этом несколько большую вовлеченность демонстрируют выпускники МГЛУ, работающие на кафедрах нелингвистического профиля. Преподаватели, не имеющие ученой степени, более продвинуты в использовании иностранного языка, нежели их остепененные коллеги, что также связано с наличием в среде молодых педагогов значительного числа выпускников МГЛУ.

Сравнительный анализ вовлеченности преподавателей в иноязычные практики учебной и научно-исследовательской деятельности ожидаемо демонстрирует количественное преобладание преподавателей-лингвистов (97 %) над их коллегами из учебных подразделений нелингвистического

Таблица 1

ДИНАМИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ-ЛИНГВИСТАМИ
В УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹ (2022–2024, в %)

Направления и навыки использования иностранного языка	В целом по преподавателям-лингвистам		Принадлежность к выпускникам МГЛУ				Наличие ученой степени			
			Принадлежат		Не принадлежат		Имеют		Не имеют	
	2022	2024	2022	2024	2022	2024	2022	2024	2022	2024
Чтение профессиональной литературы	82	83	86	86	69	75	85	88	80	79
Чтение художественной литературы	81	83	86	88	66	71	77	79	85	87
Профессиональное общение с коллегами, студентами	79	78	84	81	61	70	78	78	79	78
Посещение лекций, выступлений и т. д.	61	59	63	62	54	51	60	61	62	57
Подготовка текстов для публикации	40	37	42	37	34	36	55	49	28	27
Общение в туристических поездках (вне связи с профессиональной деятельностью)	33	30	34	31	32	28	27	29	38	32
Выступление на научной конференции или семинаре	26	24	24	23	30	27	34	32	20	18
Рецензирование научных работ	14	13	13	8	18	26	27	27	5	2
Проведение научного семинара	13	12	13	12	14	11	21	16	7	8
Другое	2	1	2	0	2	1	2	1	2	0
Не приходилось делать ничего из перечисленного на иностранном языке	3	3	1	2	10	6	3	3	3	3

Таблица 2

ДИНАМИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ-НЕЛИНГВИСТАМИ
В УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ² (2022–2024, в %)

Направления и навыки использования иностранного языка	В целом по преподавателям-лингвистам		Принадлежность к выпускникам МГЛУ				Наличие ученой степени			
			Принадлежат		Не принадлежат		Имеют		Не имеют	
	2022	2024	2022	2024	2022	2024	2022	2024	2022	2024
Чтение профессиональной литературы	51	54	85	81	42	45	47	47	62	74
Профессиональное общение с коллегами, студентами	31	26	56	53	24	17	26	16	46	53
Чтение художественной литературы	28	30	66	61	17	19	22	18	45	63
Подготовка текстов для публикации	26	33	44	42	21	30	29	34	16	32
Посещение лекций, выступлений и т. д.	24	23	51	36	16	19	21	20	32	34
Подготовка профессиональных переводов	22	12	51	19	14	9	17	7	36	24
Общение в туристических поездках (вне связи с профессиональной деятельностью)	21	22	36	39	17	17	20	17	25	37
Выступление на научной конференции или семинаре	12	12	19	17	10	11	12	11	12	16
Рецензирование научных работ	10	9	10	11	10	8	11	10	6	5
Проведение научного семинара	6	6	7	3	6	6	7	4	2	11
Проведение занятий	7	24	26	50	2	16	5	14	14	53
Другое	1	3	0	3	1	4	1	4	0	3
Не приходилось делать ничего из перечисленного на иностранном языке	32	23	5	0	39	30	35	28	22	8

¹За исключением плановых занятий.

²Включая проведение плановых занятий.

профиля (77 %). В сфере использования иностранного языка для подготовки научных публикаций эти различия оказываются практически несущественными (рис. 3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги анализу лингвистических компетенций преподавателей МГЛУ, следует отметить, что метод самооценки дает лишь ориентировочные сведения о работе преподавателей. Они базируются на субъективном восприятии преподавателем своего уровня владения иностранным языком. Преподаватели-лингвисты субъективно оценивают свои знания основного иностранного языка преимущественно на уровне С1 – С2. В большинстве случаев уровень владения С2 подтверждается наличием у преподавателя сертификата. Владение иностранным языком на уровне С1 подтверждается в каждом третьем случае. Почти половина преподавателей-лингвистов владеет вторым языком на уровне В1–В2, при этом каждый второй подтверждает соответствие данному уровню международным сертификатом. Возможная аттестация ППС по критериям международных сертификатов могла бы позволить соотнести соответствие субъективных оценок с реальным положением дел.

Характер вовлеченности преподавателей лингвистов в иноязычные практики на протяжении последних 12 месяцев выражается преимущественно

в круге их занятий. Так, преподаватели лингвисты читают научную и художественную литературу, ведут профессиональную коммуникацию с коллегами и студентами, а также посещают лекции и выступления.

Среди преподавателей нелингвистического профиля субъективные оценки знания иностранного языка в каждом третьем случае зафиксированы на уровне С1–С2. Лишь каждый десятый преподаватель нелингвистического направления подготовки имеет сертификат, подтверждающий высокий уровень знания иностранного языка; свои знания преимущественно удостоверяют владельцы уровня С1. Преподаватели нелингвисты значительно реже используют ИЯ, нежели их коллеги-лингвисты. За последние два года вдвое увеличилась доля преподавателей нелингвистического профиля, которые стали проводить занятия на иностранном языке, однако не все они оценивают свой уровень знания иностранного языка как высокий.

Комплектование учебных и научно-исследовательских подразделений нелингвистического профиля выпускниками МГЛУ будет способствовать более активному использованию иностранного языка в различных видах учебной и научно-исследовательской деятельности.

В любом случае лингвистические компетенции представляют собой значительный потенциал для повышения качества как учебной, так и научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательского состава университета.

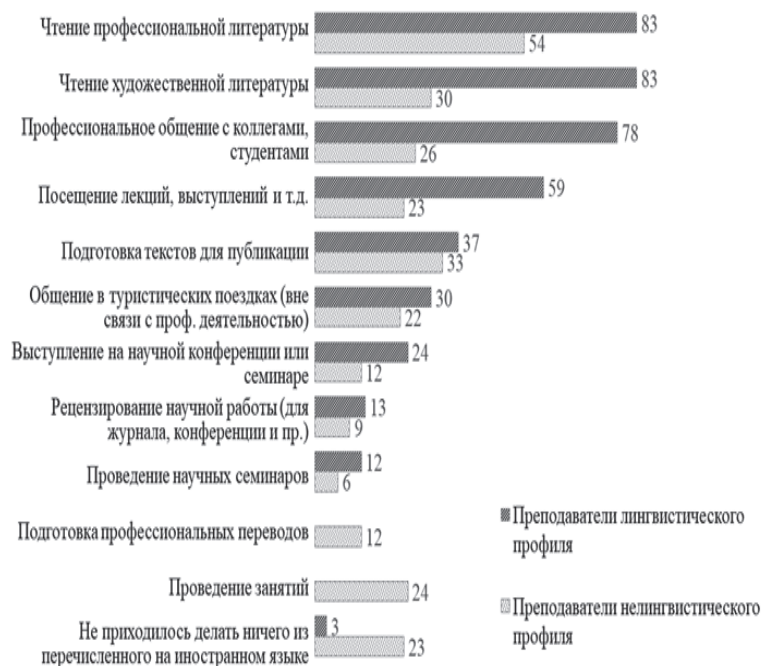

Рис. 3. Сравнительный анализ использования иностранного языка преподавателями лингвистического и нелингвистического профилей в различных видах учебной и научно-исследовательской деятельности в 2024 г. (в %; множественный выбор вариантов ответа – сумма больше 100%)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иностранные языки в высшей школе: традиции и инновации: коллективная монография / под науч. ред. М. В. Мельничук, Д. Г. Васьбиевой, А. Ю. Широких. М.: Прометей, 2023.
2. Соловова Е. Н., Боголепова С. В. Компетенции преподавателя иностранного языка и инструменты их оценки // Иностранные языки в высшей школе. 2017. № 4 (43). С. 75–85.
3. Авдеева Е. Л., Чикилева Л. С. Из опыта использования электронной образовательной платформы для обучения иностранному языку студентов-заочников // Теория и практика обучения иностранным языкам в неязыковом вузе: традиции, инновации, перспективы: сборник научных работ / под ред. М. В. Мельничук. М.: Научные технологии, 2016. Вып. 3. С. 6–11.
4. Чикилева Л. С., Асанова С. А. Онлайн-обучение: глобальная трансформация образовательной системы // Liberal Arts in Russia: российский гуманитарный журнал. 2022. Т. 11. № 5. С. 334–345.
5. Стародубцева Е. А. Использование технологии виртуальной реальности в обучении иностранным языкам в вузе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 1. С. 110–113.
6. Мельничук М. В., Осипова В. М. Совершенствование навыков мышления высшего порядка в процессе обучения иностранному языку в нелингвистическом вузе // Теория и практика обучения иностранным языкам в неязыковом вузе: традиции, инновации, перспективы: сборник научных работ. М.: Научные технологии, 2016. Вып. 3. С. 157–162.
7. Ветчинова М. Н., Рыбак М. В. Подготовка будущего преподавателя к реализации культурологического подхода в обучении иностранным языкам // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2023. Т. 21. № 4. С. 175–195.
8. Зимняя И. А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Иностранные языки в школе. 2012. № 6. С. 2–10.
9. Шишкина С. Г. К проблеме оценки качества работы преподавателя высшей школы // Теория и практика иностранного языка в высшей школе / редкол. Н. Д. Михайловская и др. 2019. № 15. С. 185–192.
10. Current Trends in the Development and Teaching of the four Language Skills / Ed. by Esther Usó-Juan, Alicia Martínez-Flor. De Gruyter. Mouton, 2006.
11. Foreign language learning and its impact on wider academic outcomes: A rapid evidence assessment / V. Murphy, et al. University of Oxford Department of Education, 2020. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED612981.pdf> (дата обращения: 03.03.2025).
12. Чагина А. В. Исследование взаимосвязи самооценки языковых способностей подростков и восприятия ими профессиональных стилей учителей иностранного языка // Педагогика и психология образования. 2024. № 2. С. 133–151.

REFERENCES

1. Melnichuk, M. V., Vas'bieva D. G., Shirokih A. Yu. (Eds). (2023). Inostranny'e yazy'ki v vy'sshej shkole: tradicii i innovacii = Foreign languages in higher education: tradition and innovation: monograph. Moscow: Publishing house Prometej (In Russ.)
2. Solovova, E. N., Bogolepova, S. V. (2017). University Language Teacher Competencies and Instruments of Their Evaluation. Foreign languages in tertiary education, 4(43), 75–85. (In Russ.)
3. Avdeeva, E. L., Chikileva, L. S. (2016). Iz opyta ispol'zovaniya ehlektronnoj obrazovatel'noj platformy dlya obucheniya inostrannomu yazyku studentov-zaochnikov = From the experience of using an electronic educational platform for teaching foreign language to students in correspondence courses. Teoriya i praktika obucheniya inostranny'm yazy'kam v neyazy'kovom vuze: tradicii, innovacii, perspektivy (vol. 3): collection of papers, 3, 6–11. Moscow: Nauchny'e tehnologii (In Russ.)
4. Chikileva, L. S., Asanova S. A. (2022). Online teaching as the global transformation of educational system. Rossijskij humanitarnyj zhurnal Liberal Arts in Russia, 11(5), 334–345. (In Rus.)
5. Starodubceva, E. A. (2022). Virtual reality technology in teaching foreign languages at higher school. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University, 12(1), 110–113. (In Russ.)
6. Mel'nychuk, M. V., Osipova, V. M. (2016). Improving higher-order thinking skills in the process of teaching a foreign language in a non-linguistic university // Theory and practice of teaching foreign languages in a non-linguistic university: traditions, innovations, prospects: collection of scientific papers, 3, 157–162. Moscow: Nauchnye tehnologii. (In Russ.)

7. Vetchinova, M. N., Rybak, M. V. (2023). Preparation of a Future Teacher for Implementing a Cultural Approach to Teaching Foreign Languages. *Lomonosov pedagogical education journal*, 21(4), 175–195. (In Russ.)
8. Zimnaya, I. A. (2013). Competence and competency in the context of competency-based approach in education. *Inostranny'e yazyki v vy'sshej shkole*, 6, 2–10. (In Russ.)
9. Shishkina, S. G. (2019). Teoriya i praktika prepodavaniya inostrannogo yazyka v vysshej shkole = To the problem of evaluating the quality of teaching in higher education. *Teoriya i praktika inostrannogo yazyka v vy'sshej shkole*, 15, 185–192. (In Russ.)
10. Esther Usó-Juan, Alicia Martínez-Flor. De Gruyter (Eds.). (2006). *Current Trends in the Development and Teaching of the four Language Skills*. De Gruyter. Mouton.
11. Murphy, V.A. et al. (2020). Foreign language learning and its impact on wider academic outcomes: A rapid evidence assessment. University of Oxford Department of Education. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED612981.pdf> (дата обращения: 03.03.2025).
12. Chagina, A.V. (2024). Issledovanie vzaimosvyazi samoocenki yazykovykh sposobnostej podrostkov i vospriyatiya imi professional'nykh stilej uchitelej inostrannogo yazyka = The study of the relationship between the self-assessment of language abilities of adolescents and their perception of professional styles of foreign language teachers. *Pedagogy and Psychology of Education*, 2, 133–151. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Станевич Анастасия Юрьевна

кандидат социологических наук

доцент кафедры социологии

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stanevich Anastasia Yurievna

PhD (Sociology)

Associate Professor of the Department of Sociology

Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

04.04.2025
25.04.2025
04.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК	VESTNIK
Московского государственного	of Moscow State Linguistic
лингвистического университета	University
Общественные науки	Social Sciences
Выпуск 2 (859)	Issue 2 (859)

Ответственный редактор выпуска
кандидат политических наук М. В. Пупышева

Редакторы: *В. А. Геронимус, Н. Г. Павлова, М. М. Сингал*
Компьютерная верстка: *Г. П. Лопатина*
Дизайн макета: *А. В. Алымов*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 01.08.2025
Усл. печ. л. 22,4. Формат 60х90/8
Заказ № 71/25

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

- 5.4. Социология
- 5.5. Политические науки
- 5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.

Ссылка на издание обязательна.